

Карина
Демина
**МОЯ
СВЕКРОВЬ**
И ДРУГИЕ
ЖИВОТНЫЕ

Annotation

Что делать, когда тебя похитили инопланетяне, но не на опыты, а в желании немедленно устроить твою личную жизнь? Сопротивляться. Лучшее брачное агентство в Галактике обещает личное счастье с гарантией? Не надо верить. Тем более жених-то какой-то сомнительный, звероподобный и явно не горит желанием сойтись узами законного брака. Но от счастья, тем более с гарантией, так просто не уйдешь...

- [Карина Демина](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Эпилог](#)
-

Карина Демина

Моя свекровь и другие животные

© К. Демина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

За спиной почтеннейшей Арагами-тари садилось солнце. Медленно. Степенно. Оставляя на небесах бледно-лиловый след.

Нкрума смотрел на солнце, чтобы не смотреть на матушку.

И все же хвост нервически подергивался.

Зудел даже.

То ли от волнения, то ли все-таки хватанул на прогулке десяток-другой песчаных блох. Второе было куда вероятней, потому как зуд усиливался. Еще немного, и Нкрума, забывшись, почешется.

Тогда матушка спросит...

Он ответит.

И ничего-то хорошего из этого не выйдет. А он не виноват, что блохи на него просто-таки слетаются. Он и на собственном корабле умудряется их цеплять, хотя тот уже продезинфицирован от дюз до последней кастрюли на камбузе.

Но нет же.

– Дорогой, – матушка ухватила Нкруму за ухо и легонько сдавила. – Мне кажется, ты меня не слушаешь.

– Как можно?! – почти искренне воскликнул адмирал и второе ухо прижал к голове. На всякий случай. Зуд на миг отступил, зато возник детский страх, что вот сейчас особо пакостливое насекомое выберется из гривы – да на матушкины лакированные коготки.

Нет, визжать она не станет.

Но велит отправиться в умывальни, а следом отправит выводок служанок со старухой Ашей во главе. И, как в далеком детстве, Нкруму с головой сунут в грязевую ванну, от которой к шкуре цепляется крепкий серный запашок, а после будут сутки мучить, вычесывая мелким гребнем.

– Вот и мне интересно, – матушка ухо выпустила. – Как можно поступать столь безответственно! Ты отверг брачные предложения...

– Мне они неинтересны.

Ухо ныло.

Хвост Нкрума спрятал под стулом.

– Тебе – нет, но ты подумал о роде? – Матушка встала между Нкрумой и окном, узкой спиной заслоняя солнце. – Конечно же нет. Лучшие из лучших... достойнейшие из достойных... Сто сорок пять матерей! Как мне смотреть им в глаза, а?

Глава рода Тафари была еще не стара.

Она произвела на свет пятерых сыновей – последних трех исключительно в надежде родить дочь и наследницу, – о чем на словах гордилась, а в глубине души сожалела. Однако роды не лишили ее ни прежней силы, ни стати, а вот характер, по словам отца, испортили окончательно.

Впрочем, она никогда-то не отличалась благонаравием.

– Ты отказал всем! Всем! – она щелкнула Нкруму по носу, и тот опустил голову. – И мне пришлось сделать вид, что я согласна с твоими аргументами, хотя порой они были оскорбительны...

– Мне жаль.

Жаль не было.

Нисколько.

Единственное, о чем Нкрума и вправду сожалел, – вряд ли вчерашние брачные предложения были последними. И значит, рано или поздно, но матушка добьется своего.

Уж лучше с пиратами воевать, право слово.

А на границе, поговаривают, вновь волнения. И отпуск, предоставленный ему Советом, подходит к концу. И дожидаться бы, тогда, глядишь, он получит еще пару-тройку лет спокойной жизни вдали от дома.

– Ты не понимаешь, что натворил, – теперь в матушкином голосе слышалась печаль. – Ты мой самый перспективный детеныш... а все равно глуп как самец!

И по лбу треснула.

Так, что в голове загудело.

– Тебе бы все воевать и воевать, а о родном мире и не думаешь. Думать – для тебя слишком сложно. Что ж, ты не оставил мне выбора.

Сердце замерло.

Неужели она...

– Ты обещала!

– В минуту слабости, не иначе. Или мигрень тогда случилась? – Матушка на секунду задумалась, пытаясь вспомнить, что же было с ней такое, если она, Арагами Каменная, дала столь глупое обещание. – Но не печалься, дорогой, я нашла выход, который устроит нас обоих.

И по щеке погладила.

Стало совсем дурно: ласковой матушка становилась перед тем, как огласить очередное решение, которое пришлось бы не по нраву прайду.

– Я обещала, что ты сам выберешь себе невесту. Что ж, пускай... Но ты слишком долго тянул с выбором и поставил меня в крайне неудобное

положение. Наш род не так силен, а теперь в Совете прайдов многие оскорблены. Они запомнят не сам факт отказа, но то, как ты позволил себе это сделать. Говорят, я утратила хватку, если не способна контролировать собственных сыновей.

Матушкины клыки щелкнули.

Это, конечно, зря... она не станет отвечать. Пока. Но запомнит, кто именно сказал подобную глупость, чтобы затем на практике доказать, сколь не прав он был.

Нкрума поежился.

Нет уж, пираты, граница... граница и пираты. Почти мечта.

– Поэтому ты должен жениться, дорогой. И если уж я не способна найти ту, которая составит тебе достойную пару...

Нкрума потер шею, радуясь, что она еще свободна от брачного ошейника.

– Пусть это сделают специалисты.

– Что?

– Агентство «Золотой лепесток», – матушка подвинула визор. – Судя по рейтингу, в нашем секторе они лучшие. Сто сорок пять лет плодотворной работы. Сотни тысяч заключенных браков. Процент разводов минимален, хотя нам это неинтересно, конечно... развод недопустим.

Шея заныла.

И дышать стало тяжело.

– Завтра в три пополудни придут консультанты. Я пообещала, что ты встретишься с ними. Изложишь свои пожелания... – Матушка пригласила встрепанную гриву Нкрумы. – А они подыщут девушку... девушек... ты выберешь ту, которая тебя устроит. Ясно, дорогой?

Нкрума обреченно кивнул.

– Я спрашиваю, ясно ли?

– Да, матушка.

– Вот и чудесно. Это я оставлю, – она протянула визор. – Загляни на их сайт, полистай анкеты. Возможно, тебе кто-нибудь приглянется. Только, дорогой, ты вот над чем подумай. Конечно, сейчас ты нервничаешь и перевозбужден, а это приведет к вспышке агрессии.

– Нет!

– Не перебивай маму! – Матушка дернула за шерсть. – И у тебя появится желание выкинуть что-нибудь этакое... глупое и шокирующее. Но учти, что жить с той, которую ты выберешь, придется тебе же.

Могла бы и не напоминать.

Матушка удалилась.

Солнце, зависнув на мгновение над черным зевом расщелины, все ж нырнуло в нее, предпочтя разумный суицид неразумному противостоянию главе рода Тафари. И Нкрума остался в гордом одиночестве.

Или почти в одиночестве.

На столе тускло мерцал визор, и мерцание это вызывало смутное желание взять и опустить на экран что-нибудь тяжелое, к примеру, любимую матушкину вазу из полированного тельвизийского гранита.

Но Нкрума вздохнул.

Хватит.

Этак и вправду от рода отлучат, и все бы ничего, но... он когтем подвинул визор и, пользуясь редкой в доме минутой затишья, поскреб хвост. Зуд утих, но ненадолго. А экран вспыхнул, пошел рябью, которая разродилась россыпью золотых лепестков.

Заиграла нежная мелодия.

А вкрадчивый голос произнес:

– Мы устроим ваше личное счастье...

В это мгновение песчаные блохи показались не самой большой бедой.

Несколькими часами позже

Покои младшего брата выходили окнами на пустыню. Голую. Почти безжизненную. И свет трех лун окрашивал ее в бледно-серебристые тона. Где-то вдалеке скрипели песчаники, привлекая самок.

– Ты уверен? – Гарджо развалился на подоконнике.

И пустынный ветер, пропахший запахом почти спелой айтши – надо полагать нынче ночью братец, в очередной раз нарушив запрет, рискнет и совершит вылазку в Древний город, – ерошил его длинную темную гриву.

– Я уже ни в чем не уверен.

А может, с ним пойти?

Когда-то Нкрума неплохо изучил пустынные тропы. Интересно, под старым камнем, который ветра то укрывали песками, то вновь обнажали, все так же обретаются многоноги?

А гнездо остроголовых змей уцелело ли?

И если да, сколько в нем самок?

В последний свой визит Нкрума насчитал почти дюжину – редкий случай. Если повезет, получится стянуть пару-тройку кожистых яиц.

Матушка, помнится, в тот раз впервые голос повысила.

Змей она не любит.

– Ну да... – братец поскреб ухо.

Тоже блохи?

И хвост вон дернулся, мазнул кисточкой по ковру.

– И что ты предлагаешь?

Визор с раскрытой и честно или почти честно заполненной анкетой лежал рядом. Одно касание, и анкета уйдет, чтобы навсегда изменить жизнь Нкрумы.

– Допустим... послушай маму.

– А сам?

– До меня еще не скоро очередь дойдет. – Гарджо был младшим в семье, а потому искренне полагал, что взрослеть ему вовсе не обязательно. И матушка по неизвестной прихоти поддерживала в нем эту уверенность.

Может, ждала, когда он притащит в дом змеиные яйца?

– Когда-то и я так думал, – вздохнул Нкрума, отодвигаясь от визора. – И не только я.

– Да ладно.

Братец проводил взглядом толстую бабочку-белянку, впорхнувшую в окно. Та заплясала, закружилась, роняя с крыльев белесую пыльцу.

И по комнате поплыл сладкий аромат переспелой джарвы.

Захотелось пить.

И на свободу.

На свободу больше...

– Что страшного в женитьбе? Всем рано или поздно приходится...

– Посмотрим, как ты запоешь, когда твоя очередь наступит.

– Не скоро, – младшенький оскалился. – Я не собираюсь совершать выдающихся деяний, а значит, хорошую партию мне не предложат. А без хорошей партии матушка настаивать не будет. Так что, братец, сам виноват. Сидел бы на своей границе тихо, гулял бы свободным. Нет же, подвигов захотелось.

В чем-то он, баловень, был безусловно прав. Но вся натура Нкрумы отказывалась эту правоту признавать.

– А вообще, выбери кого-нибудь. Если все равно, то просто закрой глаза и ткни пальцем.

– Нет.

– Почему?

Бабочка носилась вокруг лампы, ударяясь об абажур, и тогда рыхлая пыльца падала едва ли не комками, а в аромате проскальзывали гнилостные нотки.

– Потому... – Нкрума вздохнул. Как ему объяснить?

И не только ему.

Братец не желает понимать очевидного.

Брачный ошейник – это далеко не просто ритуальное украшение, которого рано или поздно достаивается любой круонец. Это ошейник и есть.

– Отец счастлив...

– Ему так приказано, – огрызнулся Нкрума. – Пусть бы только посмел не быть счастливым... посмотри на Джая...

– А что с Джаем?

– Ничего.

– Да успокойся ты. И объясни толком, – братец сел, и хвост его раздраженно щелкнул по подоконнику.

– Толком?

На визоре вспыхивали и гасли золотые лепестки.

И время от времени раздавался тот самый вкрадчивый голос с угрожающим обещанием обустройства личной жизни.

– Толком... раньше Джай делал то, что считал нужным. А теперь – то, что полагает правильным его дорогая супруга. Маррет... его когда-то называли надеждой Шадара. И в итоге? Эта надежда надыхаться на свою красавицу не может, разве что туфельки в зубах за нею не носит, и то только потому, что боится ткань попортить. Берго...

– Хватит, – младшенький махнул рукой. – Я понял. Ты боишься повторить их судьбу.

– Еще как.

Нкруму передернуло.

А может, ну его? Матушку, род, Совет Галактический... тоже ничего хорошего, одна сплошная бюрократия... пусть отлучают. И тогда он, Нкрума Безымянный, будет свободен.

Отправится на границу.

Не адмиралом – безродным не положена своя эскадра, – а обыкновенным наемником. Припишется к какому-нибудь боевому шлюпу и заживет простой и понятной жизнью, где не будет иных обязательств, нежели прописанные в типовом контракте.

Красота.

– Ты боишься женщин! – младшенький соскользнул на пол и потянулся до хруста в костях. А кости его, еще окончательно не застывшие, хрустели как-то особенно смачно. – Наш бесстрашный адмирал боится женщин!

– Любой нормальный круонец, если он в здравом уме, боится женщин. Младшенький захихикал.

Вот же... никакого понимания момента. Тут, может, вся жизнь перед глазами пролетает, усыпанная треклятыми лепестками, а он хохочет, как ошалевший грахан.

– Ладно, давай сюда свою анкету.

– Стой!

Но младшенький успел сграбастать визор.

– Так, это о тебе. Имя, пол, возраст, статус... ничего интересного. Увлечения. Братец, ты что написал?

– Вышивание. Крестиком, – Нкрума попытался ухватить младшенького за хвост, но тот оказался на диво прыток. И хвост убрал вовремя, только кисточкой по носу щелкнул. – Мне и вправду нравится...

– Это я знаю, что тебе нравится, но, поверь, это несерьезно. Вот ты хочешь, чтобы твоя будущая супруга с тобой считалась? Хочешь или нет?

Нкрума тяжело вздохнул.

– А кто будет считаться с существом, которое, уж прости меня, в свободное время крестиком вышивает?

Это он зря.

Вышивание успокаивало. Помогало сосредоточиться. Да и вообще расслабляло. И ничего-то зазорного в этом занятии Нкрума не видел.

– Нет! – палец брата мазнул по визору, стирая информацию. – Ты должен внушить к себе уважение еще на этапе знакомства! Я имею в виду заочное знакомство. Так, увлечения... Охота на пиратов? Нет, как-то не звучит. Коллекционирование... Да. Предмет коллекции? Допустим, уши и иные конечности. Иногда физиология не предусматривает наличия ушной раковины. Пишем: и иные конечности асоциальных элементов... Внушает?

– Отдай!

– Обойдешься. Я тебе помогаю, – братец вскарабкался на подоконник. – Вот увидишь...

И вниз сиганул, только хвост мелькнул.

– Стой!

Нкрума взлетел на подоконник. В лицо пахнуло остывающим ветром.

– Стой!

– Догони, если сможешь! – крикнул братец и, зажав в зубах визор, бросился прочь.

Сможет?

Думает, что Нкрума слишком стар стал, чтобы в пустыню выбираться?

Он соскользнул вниз, привычно цепляясь когтями за неровную стену дома. Взлетели растревоженные бабочки, и старый паук заскрежетал, выражая недовольство таким вмешательством в охоту. Что ж, Нкрума его

понимал.

Он остановился, на мгновение вдохнув еще горячий воздух.

Прислушался.

Загудели сторожевые камни, но вскоре успокоились: братец миновал преграду, не потревожив чувствительные нити. Что ж, и Нкрума знал пару-тройку способов выбраться из поместья.

Свобода?

Этой ночью он будет свободен.

Он тенью проскользнул через освещенную полосу, и живые пески лишь вздохнули, проглотив лепестки горицвета. Теперь уснут на несколько ударов сердца, которых хватит, чтобы добраться до сторожевых камней. Те, растревоженные младшим братцем, тускло светились, а самые матерые, на телесах которых набрякли уже ростовые почки – похоже, матушка перестаралась с подкормкой, – пульсировали.

Нкрума остановился.

Он слушал ночь.

И слышал.

И понимал, что никогда не откажется... от дома, рода – быть может, но не от пустыни, голос которой звучал в его крови. Нкрума осторожно ступил, ставя ногу меж сплетением ветвей.

Шаг.

И еще один.

И замереть, позволив тончайшей поликристаллической ветви скользнуть по шкуре. Нкрума замер. И сердце привычно остановилось. Он затаил дыхание, начав про себя отсчет.

Один.

И ветвь треснула, выпустив чувствительные нити.

Два.

Они рассыпались по шкуре, которая остывала, как остывал окружающий Нкруму песок.

Три.

Щупы попробовали пробить шкуру, но та оказалась слишком плотной.

Четыре и пять.

Камень вспыхнул, пытаясь решить непосильную задачу. Живое или нет?

Живое должно быть сожрано.

Или хотя бы схвачено.

Ветвей стало больше... и щупы опутали Нкруму сетью, они прислушивались к малейшему звуку, пытаясь уловить эхо дыхания или стук

сердца, что было вовсе не позволительно.

Десять и одиннадцать.

Отступили.

Они убирались медленно, иные вовсе рассыпались, чтобы стать частью почвы.

Сто двенадцать.

Легкие начинали гореть, а когда-то Нкрума был способен досчитать до двухсот, не испытывая никаких существенных неудобств.

Сто сорок пять.

Запасное сердце дрогнуло и застучало глухо, мелко. И основное запустилось, хотя и не сразу. До края полосы оставалось три шага, и Нкрума будет свободен.

Почти.

Пустыня пела.

Стремительно остывающие пески издавали высокие звуки, в которых Нкруме по-прежнему слышались голоса песчаных богов, которым поклонялись Древние. И в хор этот, в торжественное песнопение, столь заманчивое, что не один молодой круонец уже утратил разум и голову, поддавшись ему, примешивалась печаль.

Нкрума уже стар.

Не настолько, чтобы задуматься о последнем пути – и отец не думает, хотя старше Нкрумы втрое, но пустыня благоволит к молодым. А он... слух ослабел. И он едва не наступил на песчаного паука, выползшего, чтобы поймать пару прытких медянок.

Мелочь, но пустыня состоит из мелочей.

Голоса песчаников.

И тяжелый гул вархашша, вынырнувшего на поверхность, чтобы остудить раскалившуюся за день шкуру. Помнится, было время, когда Нкрума вышел на охоту и ночь провел на гребне скал, высматривая, не поднимется ли где-нибудь песчаный фонтан. И уже почти уверился, что ночь пройдет бесплодно, как вархашш вынырнул прямо у подножия скал. Нкрума помнил, каков он был: огромен, размером с десантный шлюп.

Его шкуру покрывали шрамы.

Его когти вошли в гранит, точно якоря. А в фасетчатых глазах отразились и скалы, и луны.

Вархашш выполз на скалы, и Нкрума испытал одновременно восторг и ужас: по сравнению с этим чудовищем, разменявшим не один десяток циклов и утянувшим в пески не один десяток охотников, он, Нкрума, был мал и слаб.

И костяное копье, взятое данью древней традиции, уже не казалось грозным оружием.

Вообще оружием.

Нкрума испытал даже трусливое желание отступить. Солгать утром, что не дождался... это со многими происходит, но потом... потом вархашш выдохнул высокий столб песка и открыл дыхальца. Он вывалил полупрозрачные студенистые жабры, спеша вобрать ту редкую влагу, которая появляется в пустыне на рассвете.

И серая поверхность на глазах набухла.

Вархашш прикрыл глаза. И защитные пластины головогруды раскрылись окончательно.

И тогда Нкрума ударил.

Он напал молча, потому что в горле пересохло от страха, а оба сердца остановились. Нкрума целил в серый шар центрального ганглия.

В голове мелькнуло, что реакцией вархашш обладает отменной.

А тупые зубы его способны перетереть камни.

Удар лапой дробит гранит, что уж о костях говорить, да и вовсе не дело это... глупость... недаром ночная охота официально запрещена. Слишком многие гибнут, пытаясь добыть шкуру вархашша.

Острые копыта пронзило ганглий, и что-то лопнуло, обдав Нкруму вязкой слизью. Он же скатился по броне, стремясь оказаться как можно дальше от твари. Вархашш взвился.

Та охота была чудесной.

Тени Древнего города продавили песок. И Нкрума остановился, втянул ледяной воздух. Еще немного, и холод станет ощущаться, несмотря на плотную шкуру.

– Заставляешь ждать, – братец забрался на голову древней статуи.

Никакого уважения к истории.

Разлегся, лапы вытянул, хвостом перед носом твари неведомой машет – было в ней что-то от вархашша, правда, плоскомордого – и ухмыляется.

Довольный...

Подозрительно довольный.

– Где визор? – Нкрума постарался отдышаться.

– Стареешь?

– Старею, – признал Нкрума очевидное.

– Вот! И значит, самая пора пришла тебе жениться... ты же у нас чтишь древние обычаи...

– Не настолько.

В городе привычно пахло камнем. Почему-то запах этот, слегка влажный, терпкий, напрочь перебивал прочие. Да и звуки это место искажало.

Звук капающей воды.

Нкрума несколько раз пытался найти источник, но ни разу не прошел дальше лабиринта. И теперь звук этот вызвал почти непреодолимое желание отправиться навстречу ему.

Вода в пустыне?

Она есть, и Древние знали, где ее найти, так может быть...

– Отдай, – потребовал Нкрума, впрочем, не пытаясь дотянуться до брата.

Но тот сам протянул визор:

– Держи. Но когда станешь помирать в одиночестве, не вздумай меня обвинять.

– Что ты?..

По-прежнему вспыхивали и гасли золотистые лепестки, но давешний голос замолчал, верно, обдумывая, сумеет ли он и вправду устроить личную жизнь Нкрумы.

– Помни мою доброту, – братец зевнул.

– Ты... ты... сырое мясо? Я не ем сырое мясо!

– Начинай. Это пугает.

– И кровь не пью... что ты?..

– Круонцев считают дикарями, – наставительно заметил Гарджо. – Надо соответствовать.

– А снимок?.. Пустыни ради, что за снимок ты им отправил?! Откуда он вообще на мамином визоре взялся?

– Вот не скажу, что и откуда берется на мамином визоре, – Гарджо широко зевнул и соскользнул на песок. – Но снимок хорош. В духе анкеты... и к слову, плащ первопредка тебе к лицу. А уж дубина... возьми ее с собой.

– Зачем?

– Мало ли, хорошая дубина всегда в дороге пригодится.

Нкрума подавил тяжелый стон. Дубина, по легенде, как и плащ, принадлежавшая Первопредку, чье имя она легенда почему-то не сохранила, была тяжелой и годилась разве что панцири пустынных крабов ломать. Но вряд ли бы матушка одобрила такое святотатственное использование родового артефакта, которым немало гордилась. И странно, что, получив снимок – Нкрума сделал его, собираясь на ночную охоту, – не содрала с непочтительного отпрыска шкуру. Не иначе, он тогда был далеко,

а потом матушка не то чтобы забыла – она никогда и ничего не забывала, но отложила расправу до удобного момента.

– Ты дальше читай. Вообще, я поражаюсь тебе, – Гарджо перелистнул страницу. – Никакой фантазии!

Зато у брата фантазии было с избытком.

– Это можно вернуть?

Перед Нкрумой развернулся список. Сто... сто двадцать... сто сорок...

– Сто восемьдесят три! – Гарджо выглядел донельзя довольным. – И это не считая подпунктов. Между прочим, я для тебя старался. Я очень удивлюсь, если им удастся найти девушку, которая будет соответствовать твоим требованиям.

– Требованиям?

– Читай, дорогой. В конце концов, ты у нас адмирал, а не песчаный ежик. С ежиком возиться не стали бы.

– Рост... это же три с половиной грата.

Нкрума поднял руку над полом.

– Размер ноги... ладно, это я понимаю. Цвет волос... рыжий? Где ты видел рыжих самок? А цвет глаз... ты ненормальный.

– Читай-читай.

– Высшее образование... медицинское. Да какая женщина в своем уме выберет медицину? И отсутствие практики... Сертифицированное признание внешних... ты безумец!

– Зато ты с чистой совестью сможешь сказать матушке, что агентство не справилось.

Анкету можно было удалить.

Или шепнуть представителю агентства, что не стоит вовсе обращаться на нее внимание. Или... Нкрума пролистнул список.

Готовка?

Женщина хорошего рода, стоящая на кухне?

Уборка, чистка одежды, навыки штопки? Зачем, если прислуга справляется? А может, прав братец?

Такую они не найдут.

И это даст Нкруме пару лет вождественной свободы.

А вода есть. И где-то очень близко. Быть может, сегодня выйдет добраться до источника?

Нкрума сунул визор в карман брюк.

Матушка, невеста, агентство – все это перестало быть важным, когда над пустыней поднялась четвертая луна. И свет ее окрасил останки древнего города алым.

Ночь – время охоты.

И Древние будут благосклонны к Нкруме.

Глава 1

В светлое будущее я въехала, точнее влетела, верхом на унитазе. В тот миг, когда серый, покрытый мелкими трещинами потолок в туалете вдруг растворился в жемчужном сиянии, я только и подумала, что такого быть не может.

Сияние заполонило кабинку.

И в нем кривоватое зеркало, перечеркнутое трещиной, – завхоз клялся и божился, что заменит его в пятницу, правда, привычно не уточнил в какую, – пошло мелкой рябью, которая, однако, не помешала отразить мою озадаченную физиономию.

Нет, я слышала, что инопланетяне похищают людей.

Но чтоб из туалета...

И ладно бы из правительственного, солидного, но наша контора, носившая гордое название «Прайм-тревел», вряд ли могла представлять интерес для внеземного разума.

Свет становился ярче.

В голове сама собой зазвучала музыка из «Секретных материалов», а меня неудержимо потянуло вверх. Вот тогда-то я на унитаз и запрыгнула.

Почему-то лицом к бачку.

И бачок этот, тоже, к слову, треснувший, мужественно перетянутый двойным слоем синей изоленды, запасы коей у завхоза были, видимо, неиссякаемые, обняла.

К сиянию добавилось гудение.

Дребезжание.

И унитаз подо мной закачался.

Захрустели древние трубы. Кажется, на пол полилась вода... подумалось, что ладно я, но если инопланетяне сопрут унитаз, завхоза удар хватит. Как в руке моей оказался ершик, сама не знаю...

С потолка на макушку плюхнулся кусок влажной штукатурки.

Стало горячо.

Волосы поднялись и шевелились, словно змеи.

– Я ничего не знаю! – на всякий случай предупредила я, дав себе клятву, что если останусь жива, то с первой же премии куплю новый бачок.

Сияние мигнуло.

Посинело.

А гудение стало оглушительным. И, взбрыкнув, что норовистый конь,

унитаз поднялся над кафелем. Бачок, что характерно, тоже... ну и я с ними.

Так мы и поднимались выше и выше... сквозь семь этажей, включая технический, крышу, покрытую толстым слоем битума, который не мешал этой крыше протекать, да так, что доставалось всем упомянутым этажам, да и подвалам тоже.

Помню распрекрасно, что в какой-то момент я всецело сосредоточилась на том, чтобы не соскользнуть с унитаза. Разум внеземной разумом, а свободное падение – падением. Там, на тарелке, оно еще неизвестно, как будет, а вот при столкновении с асфальтом результат был предсказуем и легко прогнозируем.

Я в какой-то момент даже носом шмыгнула от жалости к себе.

Нет, ну а вдруг уронят все-таки?

Но сияние было стабильным. Гудение тоже. Волосы шевелились. Голуби, взбудораженные появлением моей особы, хлопали крыльями, но сбить меня не пытались.

В какой-то момент я перестала бояться.

Нет, а чего уже? Поздно.

И думать начала... допустим, меня и вправду похитили инопланетяне.

Зачем?

Я задрала голову, пытаюсь разглядеть хоть что-то, но глаза заслезились, голова закружилась, а унитаз совершил коварную попытку перевернуться на бок. Ну уж нет. Я хлопнула его по фаянсовому боку ершиком, велев:

– Не шали.

Голос сорвался. А ведь я даже не орала! Может, стоило бы?

– Помогите... – слабо пискнула я и со вздохом признала, что, во-первых, вряд ли меня услышат – город остался далеко внизу, маленький, словно игрушечный, а во-вторых, если и услышат, то чем помогут?

Оставалось ждать.

Подъем меж тем замедлился. Потом мы с унитазом вовсе повисли. Свет мигнул.

Погас.

И я закрыла глаза, ожидая немедленного, но закономерного в нынешних условиях падения. Так и сидела. Ждала. Пока почти над самым ухом не раздалось:

– Кропоткина Агния Николаевна?

– Что?

Вопрос был несколько неожиданным, а я сообразила, что ронять меня не собираются, и глаз открыла. Правый. Правда, потом вспомнила, что правый несколько близорук, а линзы сегодня я позабыла надеть, и открыла

оба.

Надо же...

Нет, я люблю кино. Всякое. И про инопланетян тоже. Про космические корабли, сражения... в общем, обстановка впечатления не произвела. Ни тебе механизмов сложных непонятного предназначения, ни огоньков загадочных, ни... Обыкновенный ангар вроде гаража, в котором мой бывший имел преотвратное обыкновение зависать, предпочитая общество моей старенькой «Волги» собственно моему. Потом я заподозрила, что ради этой самой «Волги» он вообще отношения завел... ну да не в том дело.

И не в прямом сходстве, все-таки мой гараж, помимо «Волги» и столика с инструментами, вмещал лишь старый шкаф, где я хранила закатки, а в нынешнем потолок завис метрах в трех над головою. Но вот было что-то общее... было... может, запах металла? Смазки? Вообще техники? Или столбы эти, на которых потолок держался, покрытые листами металла.

Брутальненько.

Общий серый цвет.

Уныло.

И ощущение того вечного хаоса, который мужчины горделиво именуют рабочим порядком. Ага...

Мы с унитазом и бачком стояли прямо в центре этого не то ангара, не то гаража. Под полом гудело. Сверху поддувало. А прямо передо мной встала престранная троица.

Нет, не было ни щупалец, ни жабр, ни жвал с хитином.

Скорее уж странна троица была своей обыкновенностью. Все же после столь феерического подъема душа требует продолжения банкета, а тут тебя встречают люди в сером.

Наш начальник такие костюмчики зело любит. Врет, что в Англии шьют, на заказ. Ага, я своими глазами видывала, как он на рынке прикупал очередной. Двубортный пиджачишко с подбитыми ватином плечами и зауженной талией, чтоб, значит, фигура обрела нужную мужественность. Узенькие штаны со стрелочками.

Белые рубашки.

И розовые галстуки. Пожалуй, именно насыщенный оттенок розового и примирил меня со странной троицей.

– Вы есть Кропоткина Агния Николаевна? – тщательно проговаривая каждый слог, произнес средний. Он был выше прочих на полголовы и, помимо костюма, имел еще шляпу. Правда, держал ее под мышкой.

– Да, – ответила я.

И не удивилась, когда инопланетный тип вытащил из кармана паспорт.
Мой паспорт.

Я б его из сотни узнала по пожеванным страничкам и мятой обложке.

Раскрыл. Уставился на снимок.

На меня.

И снова на снимок.

– Да я это, – говорю. – Честно.

Хотя, конечно, его сомнения мне понятны. Фото в паспорте – извечный предмет печали. Мое и вовсе получилось жуткеньким. Волосы в стороны торчат. Личико махонькое. Глазки прищурены... я не виновата, что фотограф свет поставил так, что у меня моментом глаза заслезились.

Нет, в паспорте я еще та красавица.

– Данная особь говорит правду, – произнес левый тип и носом дернул.

– Поздравляю, – центральный закрыл паспорт и протянул мне. Пришлось отпустить бачок – в конце концов, похоже, нам пришла пора расстаться – и взять документ.

Свинство, конечно.

И возмутиться бы произволом, но, чую, не поймут.

Паспорт я сунула в декольте, пожалев, что вместо привычных штанов, где карманов два десятка, надела костюм. Ага... надеялась поразить Санычево заскорузлое сердце и выбить-таки премию, обещанную им за прошлый месяц.

Теперь вот страдай без карманов.

– Вы были избраны! – меж тем провозгласил тип, не спуская с декольте – а на Саныча нашего только такие аргументы и действовали – мутного взгляда.

– Рада, – говорю.

Без особой, правда, радости.

И тут же уточняю:

– Куда?

А то, может, я была избрана на опыты, или на ритуальное жертвоприношение, или еще для каких сомнительных целей. Вообще сам факт избранности и то, с каким пафосом мне о ней было сказано, заставляли предположить, что просто так домой меня не отпустят.

– В спутницы жизни сиятельному паладину Нкруму Одхиамбо из рода Тафари.

Охренеть.

Я и не нашла с ответом.

Уж лучше бы на опыты...

– Мы готовы разделить с вами радость обретения супруга, – меж тем продолжил тип, сложивши руки лодочкой. – Но перед тем, как присвоить вам официальный титул невесты, мы должны убедиться, что вы действительно соответствуете требованиям, которые выставил многоуважаемый Нкрума Одхиамбо из рода Тафари.

Я только и сумела, что кивнуть.

И паспорт ладошкой прикрыть.

Мелькнула мысль сожрать его, пока не поздно. Глядишь, и в их галактическом загсе, как и в нашем, новый не сразу выдадут. Пока документы соберешь, справочки там всякие... не хочу я замуж!

– А... вы...

– Мы представляем брачное агентство «Золотой лепесток», – церемонно произнес тип и поклонился. – Лучшее брачное агентство в этом рукаве галактики.

Ага... сводники, значит.

Но работают с размахом. Интересно, а калым за меня положен? По ходу, положен, если из шкуры так лезут. А это значит, что я влипла... не отпустят.

Живой или около живой, но к алтарю доставят.

Или к регистратуре.

– Мы устроим ваше личное счастье! – воскликнул тип.

«Даже если вам это не нужно», – мысленно добавила я.

Он же вытянул сложенные лодочкой руки и представился.

– Ицхари Нуори. Ведущий эксперт по отбору невест.

– Агния, – сказала я. – Но вы и так знаете.

Ицхари кивнул.

– Берко Нутич, – указал на левого представителя. – Ксенопсихолог. Он предоставит вам полную информацию относительно расы круонцев, к которой имеет честь относиться многоуважаемый Нкрума Одхиамбо из рода Тафари.

Интересно, а мне тоже потенциального женишка придется полным именем называть? И расшаркиваться при этом?

Так, Агния, не о том думаешь!

Тебе от женишка этого избавиться надобно.

– И Визари Ноно...

Поклонился правый тип.

– Менталист, который позволит оценить ваш эмоциональный статус и степень вашей откровенности.

У меня левый глаз дернулся.

Откровенность?

Шиш им, а не откровенность. И вообще, русские не сдаются... бабка так говорила. Она меня и воспитывала в духе советско-патриотическом, даром что в годы молодые далекие ей повоевать выпало. О том времени бабка рассказывала неохотно, но все ж я успела понять, что воевала она не в штабах, а в лесах. И поезда под откос пускала, и фрицев стреляла, и своих хоронила. Главное, что с той поры характер бабкин изменился мало. Ее и наш домоуправ, личность совершенно специфического свойства, по манерам и уровню интеллекта стоящая ближе к австралопитекам, нежели к людям, побаивался. А побаиваясь, и почитал, демонстрируя свое почтение еженедельными визитами и пачками яблочного мармелада, до которого бабка была большой охотницей.

Светлая ей память.

И воодушевленная примером, пусть и не живым, но близким, я величественно – хотелось бы так думать – махнула ершиком и велела:

– Спрашивайте.

И щеки надула.

Для важности.

– Ваше имя?

От же ж, бюрократы. Пятнадцать минут назад самолично паспорт проверял, а все равно имя спрашивает. Но так и быть:

– Агния.

По семейной легенде, матушка моя, особа легкомысленная и с богатой фантазией – ни к чему хорошему это в итоге не привело, – получив меня на руки, восхитилась цветом волос.

Сама она была блондинкою.

Мой отец, неизвестный солдат сексуального фронта, – шатеном. А я вот рыжей уродилась. И цвет этот не поблек, не вылинял, не переродился в классический русый. Нет, со временем рыжина лишь ярче стала.

– Полных лет?

– Двадцать четыре.

Почти двадцать пять, но это почти, до которого еще две недели с хвостиком, позволяет мне чувствовать себя молодой.

Двадцать пять – это уже срок.

Юбилей.

– Образование?

– Высшее.

Вообще-то я медик.

Как бабка... то есть я хотела бы стать, как она, но не сложилось. И не

потому, что медицина – это для меня слишком сложно, нет, мне даже нравилось, однако вот... она мной гордилась.

И в пример ставила.

И разочаровалась бы, узнай, что вождеденный диплом меня не порадовал, что не пошла я ни в педиатрию, как того хотела, ни в хирургию, на что бабка втайне надеялась. Да, доучилась последний год, но скорее по привычке заканчивать начатое, а потом...

Потом – суп с котом.

Неважно. Вряд ли им тут есть дело до моих глубоких моральных травм.

И вообще до травм.

На этой мысли я замерла.

Ну конечно! А еще врач... несостоявшийся, но все-таки врач! Свет в конце тоннеля, инопланетяне... невеста... бред это, и высочайшего качества! Почему? А потому, что именно это объяснение и является простейшим.

Нечего сущности плодить.

Что вероятней? Что меня и вправду похитили инопланетяне, озаботившись устройством непростой моей личной жизни? Или что я, никогда толком не умевшая на каблуках ходить, поскользнулась и шибанулась головой о тот же унитаз? Или об умывальник?

Отсюда и потолок последним видением.

А все остальное рождено моим травмированным мозгом. На самом же деле я тихонько лежу себе в муниципальной больничке, обвешанная датчиками, с катетером в руке и другим – в мочевом пузыре. Улыбаюсь. И жду приговора.

Стало жаль себя: приговорят ведь.

Это не американское кино, где коматозника двадцать лет будут откачивать, а он очнется на последних минутах, чтобы с ходу обнять повзрослевшего сына... и сыновей-то у меня нет.

Как и дочерей.

Котом и тем обзавести не удосужилась.

– Живые родственники по крови?

– Мама, папа, бабушка и семеро детей, – бодро отрапортовала я. В конце концов, мои галлюцинации обязаны мне верить. Но менталист покачал головой и вытянул тонкий полупрозрачный палец, возвестив:

– Неправда сие есть.

Ага...

Неправда. Нет, про отца не знаю, может, и жив где-то. А вот маменька

преставилась, когда мне было семнадцать. Я ее не то чтобы плохо помню, просто в моей жизни она появлялась редко, как правило, в перерывах между поисками личного счастья. В последние годы, когда счастье было найдено, отловлено и закольцовано, мы даже не созванивались. Бабки же в позапрошлом году не стало, а в прошлом и Калерия, верная ее подруга и соратница – иногда мне мерещилось нечто большее в их отношениях, – ушла.

– Вы должны говорить правду, и только правду, – сурово произнес Ицхари.

– Кому должна?

Пожалуй, этот вопрос поставил его в тупик. Он приоткрыл рот, закрыл и задал следующий вопрос из списка:

– Вы состоите в отношениях?

Тут-то впервые с тоской ностальгической я и вспомнила Толика, который, скотина такая, мало что ушел втихаря, унеся с собой и зарплату, и премиальные, так и бабкину «Волгу» прибрать умудрился.

– Состою, – соврала я.

Ицхари нахмурился.

– Неправда сие есть...

И хмуриться перестал. Да что это такое! Неужели больше некого замуж выдать за этого их... многоуважаемого! На мне свет клином сошелся?

– Дети?

– Нет, – буркнула я. Смысл врать, если ложь сразу будет выявлена. – И не собираюсь.

– Вы должны будете...

– Кому должна, я всем прощаю, – я взмахнула ершиком, к слову, побитым жизнью, обскубанным с одной стороны и на редкость вонючим.

Ксенопсихолог, чье имя вылетело у меня из головы сразу же, как в нее влетело, тронул Ицхари за рукав и зашептал что-то. И шептал долго, уставившись на меня левым глазом, правый же в глазнице перекатывался, что выглядело несколько жутковато.

– Нет, но... Конечно, заявленные параметры... И соответствие... Да... нет...

Я подалась вперед, надеясь расслышать хоть что-то, но не вышло.

– Хорошо, – наконец согласился Ицхари. – Пусть так. Агния-тари...

Чего?

– Я, как уполномоченный представитель брачного агентства «Золотой лепесток», лучшего брачного агентства в этом рукаве галактики, заявляю,

что вы прошли предварительный отбор.

И уставился.

Неужто изъятий радости ждет? Нет, как-то я не готова радоваться.

– Верните меня домой, – попросила я, мысленно добавив: «И в сознание».

– Боюсь, это невозможно...

– Позволь мне, – ксенопсихолог скользнул вперед.

Двигался он, надо сказать, странно, да и держался как человек с застарелой травмой позвоночника: спина прямая, будто в корсет затянутая. Ноги не сгибаются и от пола не отрываются, скользят бесшумно.

Жуть.

– Агния-тари... тари – это общепринятое обращение к дамам высокого рода... – и рученьку бледную протянул. А рученька-то полупрозрачная, словно из стекла сделанная. Я на просвет и кости разглядеть могу, что пальцы, что фаланги... на одну больше положенной. – Я прекрасно понимаю, что вам нелегко.

И такое искреннее сочувствие в его голосе сквозит, что слезы на глаза сами наворачиваются.

А я и на бабкиных похоронах не плакала.

– Не подходи! – велела я и по руке ершиком ударила. Не хватало, чтобы меня тут всякие... инопланетно-бредовые особи щупали.

Он увернулся.

И улыбнулся, отчего меня и вовсе передернуло: зубы были идеально ровные, вот только треугольные, как у акулы.

– Ваши инстинктивные страхи, – мурлычащим голосом произнес ксенопсихолог, – лишены основания. Моя раса давно уже отринула древние традиции и не потребляет в пищу мясо разумных существ.

– Очень... – говорю, – мило. Современно.

Он величественно кивнул и улыбнулся шире прежнего. Это, конечно, зря... традиции традициями, современность современностью, но руку я за спину убрала.

На всякий случай.

– Исключение оставлено лишь для ритуального поедания покойного, будь на то его воля, – продолжил он и ресничками хлопнул.

А реснички бесцветные.

Длинные.

Глазки голубенькие, что пуговики.

– И... как оно? – поинтересовалась я исключительно поддержания беседы ради.

– Сложно. Некоторые, особенно молодые особи, личности которых сформировались под влиянием галактической Сети с ее прогрессивными взглядами, отказываются принимать участие в ритуалах. Тогда как особи среднего возраста, не говоря уже о стариках, придерживаются обычаев... порой слишком уж придерживаются.

Он клацнул зубами, и я убрала за спину вторую руку.

Нет, я пока жива.

Но именно что пока... а вообще, если разобраться, весьма себе экономненько. Собрались всей родней. Съели... и поминки готовить не надо, и с похоронами возиться.

– Увы, конфликты неизбежны, – он вздохнул.

И я тоже.

Как ни крути, а с унитаза слезть придется. Даже если вокруг меня глюк, то на редкость хорошей прорисовки. Этакая виртуальная реальность, больным воображением – а я еще не верила, когда меня Саныч чокнутой обозвал, – созданная. И унитазам в ней не то чтобы совсем не место, скорее уж события требовали действий. Да и натура моя не привыкла к статике.

– Хорошо, – говорю, стараясь на зубы не пялиться. – Точнее плохо. Не хочу я замуж.

Лучше уж сразу о намерениях заявить.

В конце концов, они не фрицы, чтобы из засады рельсы рвать. Шансов мало, но... вдруг да получится договориться по-доброму?

– Так не бывает, – изволил не поверить ксенопсихолог, а третий, менталист который – интересно, у него зубы треугольные или жабры под костюмом? – что-то тихонько булькнул. И от булька этого Ицхари прямо-таки перекосило.

Ага. Правду сказала.

И пусть икнется врагу!

– Бывает, – я ноженьку через унитаз перекинула. Не с первого раза – штаны костюмные были узки и сшиты из псевдокожи, которая к акробатическим этюдам не располагала, – но все же перекинула.

Заодно и обнаружила пропажу одной туфли. Левая была на месте – еще орудие пытки на пятнадцатисантиметровой шпильке.

На меня умопомрачение нашло, когда я их приобретала, не иначе.

Алая лаковая кожа.

Узкая колодка с высоким подъемом.

Жесткая пятка, которая начинала натирать, стоило лишь туфли примерить, и мысок, сдавливавший пальцы не хуже «испанского сапога». С другой стороны, ценою сих мучений я обрела пятнадцать сантиметров к

своим ста пятидесяти пяти естественным и некую странную уверенность в своей же сексуальности. Подозреваю, происходила она единственно от нежелания признать, что деньги, и немалые, потраченные на приобретение туфель, были потрачены зря.

И вот теперь я их лишилась.

Жалость какая.

– Вы просто не представляете перспектив, которые открываются перед вами, – возвестил Ицхари и добавил: – Благодаря участию брачного агентства «Золотой лепесток».

– Да-да, помню... лучшего брачного агентства в этом рукаве галактики.

Я бросила ершик и стащила туфлю. Если взять за мысок, то шпилька – это почти оружие. Во всяком случае куда более грозное и куда менее вонючее.

– Ваш жених состоятелен. Родовит. Силен.

И чудо до чего хорош.

Понимаю.

С какого боку ни глянь – пряник сахарный, глазированный. Правда, что под этой глазурью прячется, мне не скажут, тут и гадать нечего. А прячется что-то – это точно, потому как иначе нашли бы они своему распрекрасному кому-то там невесту поближе.

Но вслух я ничего не сказала.

Стою.

Туфлю держу.

Улыбаюсь, пусть и не столь выразительно, как ксенопсихолог, но искренне... почти искренне. Улыбка-то нервическая, называется «шаг до истерики».

Я и не заметила, как туфельку из руки потянули.

– Вам не следует волноваться, – вкрадчиво произнес ксенопсихолог, а в перламутровых глазках его блеснул живой интерес. Такой же интерес я видывала у кошки Калерии, когда та бабкиной канарейкой любовалась. – Вам никто не причинит вреда. Наш долг – оберегать вас.

Ага, вот и кошка та, помнится, все оберегала, оберегала... Хорошая была у бабки канарейка. Голосистая.

Но глупая.

Я глазами моргнула и туфлю к себе дернула.

– Руки прочь, – говорю, – от Гондураса!

– Что?

Он глазами моргнул. Попеременно. Сначала левым. Потом правым.

– Это частная собственность, – и туфлю под мышку сунула.
– Но... этот предмет, если я правильно понял, подразумевает наличие пары, в отсутствие которой он бесполезен.

– Это ты, – говорю, – бесполезен. А туфля будет напоминать мне о доме.

И всхлипнула.

Плакать я умела. Как говорится, тяжелое наследие школьного актерского кружка, в котором мне, словно нарочно, подсовывали трагические роли. А я по наивности полагала, что главным мерилем трагичности является объем пролитых слез.

– ...Которого меня жестоко лишили.

И туфлю погладила.

– ...Нанеся тем самым глубокую моральную травму.

Ицхари покраснел.

Ксенопсихолог побелел и полосами пошел. Вертикальными. Интересненько, это у него индивидуальная особенность аль расовая примета?

Но туфлю я покрепче ухватила.

Не дам лишить себя последнего оружия! И вообще...

– Агния-тари, поверьте, ваш будущий супруг компенсирует все доставленные вам неудобства...

Ага. А он-то сам про это знает?

Сомневаюсь.

Иначе с чего бы у свахи глазкам-то бегать? Ой, чуется, супруг мой будущий – тьфу-тьфу и по дереву бы постучать, чтоб не сбылось, или хотя бы по фарфору, раз уж дерева нет, – сам не в курсе, какое счастье ему на голову свалилось. Вспомнилось отчего-то, как Маруська, наша секретарь, женщина старых лет, но подросткового менталитета, квартиру покупала. Ох, как ей риелтор нахваливал.

Мол, и трешка.

И в центре города.

И площади приличной. Этаж хороший, четвертый... и ремонт-то в ней худо-бедно сделан. Не квартира – сокровище. Маруська и радовалась, хотя предупреждали ее опытные люди про дешевизну подозрительную этакого клада.

Ан нет. Не послушала.

И что в итоге?

Нет, комнат в квартире не поубавилось, и этаж не поменялся, и адрес прежним был. Зато выяснилось, что под Маруськой обретается парочка

наркошей, к которым в гости регулярно приятели заглядывают и вовсе не для пропаганды здорового образа жизни. А над Маруськой – бабка в глубоком маразме с любовью к тварям четвероногим, коих в квартире с два десятка собрала.

Отсюдова и ремонт.

Хозяева запахом краски вонь от кошачьей мочи перебить пытались.

В общем, так и переехала... и живет третий год уже. Говорит, пообвыклась. А вот мне обвыкаться неохота. Мне бы из комы моей затяжной выйти.

На всякий случай я себя ущипнула – слезы пошли гуще – и убедилась, что болевые рефлексы присутствуют, а виртуальная реальность не собирается меня отпускать.

– Может, вы все-таки отдохнете? – столь любезно, сколь это вообще было возможно в нынешних обстоятельствах, произнес менталист.

И я кивнула.

Сон или нет, но отдых еще никому не мешал... а вдруг очнусь? Пусть бы и в больничке, в проводах и трубках... одна-одинешенька... Саньч небось откупится букетом чахлых хризантем да взяточкою, чтобы происшествие не оформляли как рабочую травму.

И все, больше судьбу мою горькую оплакивать некому.

Ну и ладно.

Прорвусь.

Как-нибудь.

Глава 2

Глядя вслед женщине, которая самозабвенно рыдала, но притом умудрялась идти с гордо поднятой головой, зажав под мышкой красную туфельку, Ицхари вздохнул.

Тяжко вздохнул.

И, закрыв глаза, вознес молитву Пресветлой Создательнице и всем Семи Девам.

Не полегчало.

А с самого начала это задание было не сказать чтобы вовсе невыполнимым – те, кто полагал, будто бы distinguished Бинено-тари, бессменный руководитель Алузийского отделения агентства, дает подчиненным невыполнимые задания, отсеивались после первого же года службы, – но определенно непростым.

– Дорогой, – Бинено-тари всех своих «мальчиков» – девочек в агентстве принимали исключительно в качестве клиентов – именovala «дорогими», – ты же понимаешь, такой шанс выпадает раз в жизни!

Жила Бинено-тари уже три сотни циклов, а потому Ицхари всецело оценил серьезность проблемы.

– И мы не имеем права испортить заказ...

– Да, Бинено-тари, – Ицхари мог бы напомнить, что за сорок семь циклов службы – а в агентство он явился зеленым юнцом, только-только получившим право выйти из улья, – не испортил ни одного заказа, но не стал.

Бинено-тари прекрасно это знала.

Как и то, что среди всех претендентов на пост главы отделения именно Ицхари имел самые высокие шансы получить-таки должность.

Заветную.

Нужную самой Бинено-тари не столько из-за немалой ее доходности, сколько потому, что иного занятия distinguished дама не знала и знать не желала. А потому под взглядом ее лиловых глаз Ицхари чувствовал себя неуверенно.

Она же подвинула тонюсенькую папочку, поинтересовалась:

– Что вы знаете о круонцах?

Немного.

Признаться, в тот момент, когда пальцы коснулись целлюлозного листика – Бинено-тари упорно отказывалась доверять действительно

важную информацию цифровым носителям, – Ицхари испытал знакомое возбуждение.

Ему нравилась его работа.

Заявки и пожелания.

Явные и скрытые, которые имеют куда большее значение, нежели явные.

Поиск.

Фильтрация.

Трепетный миг первого знакомства, наполняющий душу надеждой. Робость взаимной симпатии, словно хрупкий росток, который Ицхари должен оберегать. Он, истинный профессионал, никогда не вмешивался напрямую, действуя издали, с оглядкой, всякий раз избирая иную стратегию.

И когда они, избранные им, определенные друг для друга, наконец осознавали свое предназначение, Ицхари отступал в тень.

Естественно, с премиальными, бонусными баллами и чувством выполненного долга.

Но круонцы...

На редкость замкнутая раса с хищными корнями, от коих и происходили хищные же повадки.

– Шадар, – послушно начал Ицхари, проглотив все вопросы – для них будет еще время, и задавать их стоит вовсе не Бинено-тари. – Система Торгейта. Пятый сектор...

Скучный мирок. Средненький.

Обыкновенный даже, если не считать его обитателей. Две трети покрыты морями, оставшаяся разделена на пяток континентов. Из них один расположен в зоне низких температур, не экстремально низких, но все же мало пригоден для жизни. Два... кажется, что-то там про зону циклических землетрясений было.

Или вулканов?

Ицхари вынужден был признать, что о мире круонцев знает не так и много.

О круонцах и того меньше.

А Бинено-тари ждала.

Улыбалась так, с ехидцею, демонстрируя, что не все-то ему известно. А он потупился.

– Крайне замкнутая раса... самцы крупнее и агрессивнее самок...

Бинено-тари щелкнула пальцами, и на экране визора возникло изображение, заставившее Ицхари вздрогнуть.

– И крупнее, и агрессивнее...

Вспомнилось вдруг, что из сумрака замкнутого мирка круоны вышли не так и давно, и потому свет нынешнего Галактического сообщества, конечно, несколько их облагородил, но и только.

На снимке был запечатлен самец.

Крупный.

Вдвое крупнее самого Ицхари, если не втрое. Он твердо стоял на двух конечностях, опираясь притом на кривоватую палку. Дубину?

Свет Галактического сообщества дубины не одобрял.

Варварское оружие. Впрочем, свет сообщества в принципе оружия не одобрял, делая исключение для приграничных областей, где обретались всякого рода отщепенцы, которые к иным аргументам оставались печально глухи.

Могучий торс круонца бугрился мышцами.

Ицхари вздохнул.

Вот он генетически астеничен и от этого страдает, поскольку который уж год в дни Большого Роения остается без партнера. Но завидовать круонцу... он еще не настолько отчаялся.

Тем более почти решившись на генопластику.

– Наш клиент.

Клиент был мордаст и недружелюбен. От позы его веяло скрытой агрессией, что было крайне нехорошо. Женщины очень чувствительны к агрессии.

Мускулатура... пожалуй, это плюс.

Короткая рыжая шерсть на плечах... Ицхари вздохнул. Мысленно. Вряд ли круонец согласится на депиляцию. А уж о том, чтобы хвост купировать, как это в обществе принято, и речи быть не может.

Кажется, хвост в культуре круонцев имел особое значение.

Зубы... все целы, все белы, длинны и остры. Все на месте, что, безусловно, хорошо... но вот размер... острота...

Надбровные дуги велики.

Лоб узковат.

Глаза раскосые, темно-желтые. Цвет, пожалуй, интересный. Широкая переносица. Ноздри узкими прорезями, но обманываться не стоит – чутьем круоны обладают отменным.

– Вижу, вам он уже глубоко симпатичен, – усмехнулась Бинено-тари.

– Я люблю его как родного! – дрогнувшим голосом сказал Ицхари, предвосхищая все грядущие проблемы. Круонец был дикарем.

И не в дубине дело.

Не в плаще из линялых шкурок неизвестного зверя. Скорее уж в самом его облике, так сказать, суммарном.

– Замечательно. Я знала, что могу на вас положиться. Круонцы и вправду крайне замкнутая раса, но меж тем, благодаря некоторым своим особенностям, они имеют в Союзе немалый вес... – как бы Бинено-тари ни относилась к своему потенциальному конкуренту, а в последнее время Ицхари чувствовал, что отношение к нему явно изменилось, но дело для нее было на первом месте. – И потому эта заявка, возможно, откроет для нас новые горизонты... новых клиентов...

Полимерные коготки царапнули столешницу.

Ицхари поморщился: слухом он обладал тонким, а душевной организацией и вовсе нежной, и подобные звуки его нервировали.

Как и сам облик Бинено-тари.

Она была крупной самкой, и к годам своим набрала без малого два циана весу, тогда как в самом Ицхари и в самые лучшие времена, когда тело его покрывал подростковый бурый жирок, не набиралось и половины циана.

Да, самкой она была... завидной.

И каждый год ее внимания добивались сотни партнеров.

Ицхари так и не дерзнул войти в их число. Да и что он мог предложить, кроме слабого порхания и печального монохрома нижних крыльев?

Генопластика обещала изменить и это. Еще два оттенка. Или три? Главное, чтобы выглядело это естественно.

И надкрылья хромировать.

– Многоуважаемый Нкрума Одхиамбо из рода Тафари, – произнесла Бинено-тари нараспев, и протяжные низкие ноты голоса ее заставили Ицхари задрожать, пусть до заветного дня Роения оставалось еще четверть цикла. – Если вы не узнали его...

Не узнал.

Говоря по правде, что люди, что круонцы, что прочие представители ветви гоминидов были для Ицхари напрочь лишены индивидуальности. Нет, он честно запоминал обличье каждого клиента, но усилия для этого прилагал воистину титанические.

– ...Светлый паладин, трижды орденоносец Белой ветви, получавший награду из рук самого Великого Канцлера...

В фильтрованном семиступенчатой очисткой воздухе кабинета проскользнули чарующие сладкие ноты призыва.

Ицхари вздохнул и заерзал.

Немыслимо.

– В настоящий момент удостоен звания крон-адмирала. Под его руководством победоносные эскадры Союза зачистили восемнадцатый и девятнадцатый секторы, – Бинено-тари немного наклонилась, и коготки вновь царапнули столешницу.

Звук этот ударил по натянутым нервам.

– Возможно, что в скором будущем адмирал Тафари войдет в состав Малого круга... понимаете, что это означает?

Деньги.

Много денег, если получится выполнить заказ. Много денег от самого адмирала, не способного разобраться с личной жизнью, – это Ицхари одобрял, поскольку полагал, что всякую работу надобно оставлять профессионалам, – что от будущих клиентов, вдохновленных примером.

А рекламу из этого заказа Бинено-тари сумеет сделать.

Она же кокетливо щелкнула жвалами, заставив Ицхари отпрянуть и тем самым включиться в древнюю, как сам Кецаль, игру.

Запах становился гуще.

Тяжелей.

Ицхари стоило немалых усилий оставаться на месте, а не броситься немедленно к ногам Бинено-тари. Она же, мягко поглаживая разодранную столешницу, не спускала с Ицхари взгляда. И он сам, преломленный в синем свете, отражался в прекрасных фасеточных глазах ее.

И, отраженный, был даже массивен.

Хорош.

– Самки круонцев мельче самцов. И нравом обладают мягким. Сдержанны. Спокойны, – Бинено-тари провела коготком по блестящему уссу, и чувствительные волоски на нем колыхнулись, рождая волну сладкого карамельного аромата. – Они редко покидают свой мир и не особо рады гостям.

Спина Ицхари треснула.

Приоткрылись тяжелые надкрылья, робко, застенчиво: еще никогда не было дозволено Ицхари переступить заветную черту поклонения, перейдя к прямому ухаживанию.

О нет, у него была песня.

Он давно сочинил ее и из года в год совершенствовал мелодию, но в одиночестве, в пустоте своей стандартной квартиры, стены которой пришлось покрыть толстым слоем звукоизолятора: соседи оказались чужды прекрасному.

– Но тем любопытней, – Бинено-тари скрестила верхние конечности

на груди, признавая за Ицхари право на песню.

Всего-то одну.

– Тем любопытней факт их приверженности матриархату...

Качнулась тяжелая бронза, легонько касаясь острых роговых выступов. Царапнула, издавая первый, низкий и протяжный, звук. Ицхари знал, что многие предпочитали начинать сольные выступления со звуков верхнего регистра, спеша продемонстрировать гибкость псевдожвал. Но подобные выступления, несмотря на всю техничность, были лишены внутренней гармонии.

Развернулись мембраны крыльев.

И зазвенели, задрожали...

– Женщина для круонца... награда... и признание силы его... никто не отдаст дочь за слабого. И никто не потерпит, если с дочерью его будут дурно обращаться. – Бинено-тари слушала внимательно, и постепенно на голове ее разворачивались тончайшие нити чувствительных волосков, окрашивая темный хитин нарядными красками. – Круонцы чтят матерей и берегут жен...

Вторая пара конечностей легла на стол, потянувшись, с хрустом развернулись шипы на предплечьях. И вновь щелкнули жвалы.

Предостерегая.

Сердца Ицхари забились сильнее.

А крылья завибрировали мельче, раскалывая мелодию на части. Ах, сколь долго он старался сотворить это чудо, и теперь играл самозабвенно, почти позабыв про круонца, которому, несчастному, вряд ли доступна вся прелесть ритуального танца.

– Когда круонец не только достигает брачного возраста, но и получает право на собственный дом, его матери предлагают невест. Чем он знатней, чем сильнее и достойней, тем, соответственно, больше предложений... перспектив...

Она раскрыла дыхальца, выпустив нежнейшее древо трахей.

И говорила-то с придыханием.

А когтистые лапы дотянулись до Ицхари.

И шипы ее пробили мягкий хитин брачной пары конечностей...

– Статус нашего клиента таков, что он мог бы получить любую девушку... – Бинено-тари потянула добычу на себя. И Ицхари, замерев от сладкого ужаса, поддался. – Но он отверг все предложения. И тем самым весьма разозлил свою мать.

Он смотрел в позеленевшие, с позолотой, глаза ее.

И слушал, как вяло шелестят собственные крылья, допевая последние

ноты брачной песни. И в голове, в затуманенной дурманом феромонов голове билась одна-единственная мысль: это все-таки произойдет. Столько лет ожидания.

Потраченных надежд.

Пустоты.

И это все-таки произойдет.

– Ему пригрозили отлучением от рода, – раскрытые жвалы стиснули голову Ицхари, оставляя на хитине его характерные следы. И пахло кислотой, а из железистых мешков выкатились сахаристые капли брачного секрета. – И только тогда он согласился сделать выбор, но выставил свои условия. С ними вы ознакомитесь.

– Непременно, – пообещал Ицхари, дрожа от возбуждения и страха.

Вспомнилось вдруг, что в прежние времена – времена, конечно, далекие и даже древние, отдаленные от нынешних не одной сотней лет, – за самками водилась дурная привычка отгрызать голову партнеру. Да и вовсе каннибализмом баловаться...

Давно это было.

Но вот когда жвалы голову стиснули, как-то вспомнилось.

Отрезвило.

– Смотрите, Ицхари, – Бинено-тари разжала жвалы, но сцепку из когтей разрывать не стала. – Я надеюсь, вы всерьез отнесетесь к делу...

– Конечно...

И когда она толкнула его на стол, Ицхари не посмел сопротивляться. Было... не так, как он себе это представлял.

Волшебнo?

Жутко.

Немного больно. И без малейшей – Ицхари прекрасно отдавал себе отчет в том – надежды на повторение. В память о том удивительном дне ему остались глубокая вмятина на третьем сегменте второй конечности – Ицхари решил ее не выправлять – и целлюлозная папка со списком из ста семидесяти девяти пунктов.

Теперь же, глядя вслед единственной женщине, которая соответствовала всем требованиям ненормального круонца, Ицхари не испытывал удовлетворения от проделанной работы.

Нет, ему вновь было страшно.

Круонец не желал жениться.

Но контракт подписал. А Ицхари посмел его исполнить...

Позабыв о том, что псевдооблик несколько ограничивает свободу движения, он дал волю чувствам, и полипластовая шкурка затрещала и

прорвалась, выпуская на волю затекшую конечность. Ицхари поспешно спрятал ее за спину: не хватало еще раньше времени испугать потенциальную невесту своим насекомообразным обликом.

Но она даже не обернулась.

Глава 3

Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе видна...

Ага, не видна ни черта. Иллюминатора и того нет, зато имеется окошко. Такое вот стандартное окошко с широким подоконником, геранью на вышеозначенном подоконнике, занавесочками и приторным пейзажем.

Вообще, космический корабль меня разочаровал.

Или претензии надо не к кораблю предъявлять, а к собственному воображению? Чем дальше, тем больше я убеждалась, что дело-то во мне... ну откуда бы инопланетяне взяли занавесочки?

И еще такого отвратно-розового цвета?

С ламбрекеном.

С бантами.

И с лиловыми бабочками. Подобное только очень больной разум вообразить способен. А окно это? И пейзаж за окном? С зеленым лужком и толстой коровой, которая уже третий час кряду медленно бродила от одного края лужка к другому?

Время от времени корова издавала протяжный звук – мне он напоминал гудение, не знаю, живьем я коров не встречала, может, это и нормально, чтобы они гудели, точно паровозы, но конкретно данная корова была крайне подозрительна – и поднимала увенчанную массивными рогами голову. На втором часу наблюдений я заметила, что пятна по шкуре коровы медленно мигрируют, а глаза ее отливают нехорошей краснотой. Сразу в голову полезли мысли об оборотнях и зомби, но я велела себе успокоиться: не хватало подать больному воображению пару-тройку идей.

Уж лучше пусть инопланетяне и жених.

Будем считать, что это у меня во время травмы подсознание взяло и выплеснуло тщательно подавляемую женскую фантазию об успешном замужестве. А заодно уж скрестило ее с глубинной детской травмой, полученной при бегстве собственного биологического папаши. И плевать, что в нормальной жизни никакой травмы я не ощущала.

Нормальной жизнь быть давно перестала.

На четвертом часу – круглые такие пасторальные часики висели над окном – наблюдать за коровой мне надоело. Следовало признать, что медитация не заладилась и возвращение в собственное тело, где-то еще живое, если фантазии возможны, мне не грозит.

Ничего не делать было тяжело.

А делать было совершенно нечего.

Я ощупала голову на предмет травм. Вдруг да подсознание подскажет, какую именно область я повредила при падении. Но голова была цела.

Ни засохшей крови в волосах.

Ни банальной шишки.

Разве что короткое перышко, по виду голубиное.

Руки тоже были целы, как и ноги. Мозоли – вполне ожидаемая плата за красоту – не в счет.

Я стянула носки и осмотрела пальцы. Длинные. Почти красивые. На левом мизинце ноготь вращать начал... а я на педикюр записалась. В понедельник... будущий...

Всхлипнула.

И велела себе успокоиться. В конце концов, я пока еще жива, а фантазии... ну, со всеми случается. Или не со всеми. Избранная я или как? Надо вести себя соответственно. Будем считать происходящее квестом. Допустим, если имеется фантазия, то она не на пустом месте появилась. Возьмем за аксиому, что все происходящее не случайно.

Следовательно что?

Мне нужно разобраться.

Отыскать, так сказать, высший смысл. Заглянуть в глубины собственной личности и найти способ вернуть указанную личность в тело.

План, пусть и несколько безумный, меня почти успокоил. А поскольку бездействию я всегда предпочитала действие, то немедленно приступила к его реализации. Бросив взгляд на окошко – корова подняла голову и уставилась на меня немигающим взглядом кровавых глаз, – я передернула плечами.

Нет. Окошко пусть побудет закрытым.

Как-то так оно мне спокойней. А вот комнату, точнее покои, предоставленные прекраснейшей Агнии-тари, стоило бы изучить.

Две комнаты.

Санузел, выложенный розовой же плиткой.

Ванна-корытце.

И белоснежный унитаз, уместный на космическом корабле едва ли не меньше, чем красноглазый коровомонстр.

Спальня.

Огромная кровать с балдахином.

Ковер.

Полочка с чучелами котят.

Я закрыла глаза, понадеявшись, что обстановка несколько изменится,

но нет, стоило их открыть, и я вынуждена была признать поражение: полочка осталась на месте.

И котята.

Черный. Рыжий. Белый. Пушистые комочки со стеклянными глазами, в которых мне виделся упрек. Вынести подобного моя душа была не в силах, а потому дверь в спальню я прикрыла.

В гостиной – комната, похоже, выполняла именно эти функции – было как-то спокойней. По сравнению с мертвыми котятами ядовито-розовые обои в лиловый горох как-то меркли.

Как и кружевные скатерочки.

Такие Калерия любила вязать, а бабушка именovala их мещанской радостью. Скатерки висели на стенах, возлежали на спинке единственного кресла, укрывали единственный стол.

Что еще стоило упомянуть?

Полочки, числом в дюжину. И вазочки, выстроившиеся на этих полочках. А среди вазочек прятались баночки. Обыкновенные. Поллитровые. Под закатку. Стоит сказать, что смотрелись они вполне гармонично. И даже бутылка водки, гордо возвышавшаяся среди склянок с духами, вписывалась в безумную обстановку.

Я присела на край кресла.

И закрыла глаза.

Ну же, Агния! Постарайся! Ты должна сосредоточиться и вернуться домой... в собственное тело... нет, может быть, тело это и не пригодно для жизни...

Тело отозвалось свербением в пятке.

И копчик заныл.

Затекла шея.

Нет, так не пойдет. Я должна отрешиться... загудела корова.

Да, определенно, медитация – это не мое. И почти сдавшись, я приоткрыла глаз. Вовремя: дверь, кстати, тоже розовая и в горох, приотворилась.

Беззвучно.

И в нее просунулась полупрозрачная когтистая лапа. Дотянувшись до стены, лапа замерла, а в щели показалась физия – все же как-то не очень вежливо именовать ее мордой – почтеннейшего ксенопсихолога.

– Доброго дня, о прекраснейшая Агния-тари, – сказал он, обнаружив, что замечен. И улыбнулся.

Во всю пасть.

Блеснули белизной острые треугольные зубы, и меня передернуло.

Нет, фантазия фантазиями, но все-таки... не хватало, чтоб меня в этих фантазиях сожрали.

– Доброго, – не очень-то по-доброму – настроение не располагало – ответила я и туфлю поближе подвинула. Подумалось, что стоило бы пересесть поближе к баночкам-вазочкам.

– Вижу, вы освоились.

Он продолжал улыбаться.

А я, не пытаясь скрыть интереса, разглядывала гостя.

Изменился.

И с чего это я решила, что он человекообразен? Нет, скорее уж проглядывало в облике... как его зовут-то? Неважно, главное, проглядывало что-то этакое, рептилиеподобное.

Голова крупная.

Лицевая часть черепа вытянута, при этом рельеф сглажен, отчего голова напоминает дыню. Конечно, если бы дыни были покрыты мелкой чешуей. И обладали двумя парами глаз.

Карих.

С длинными ресницами.

И взгляд-то проникновенный, печальный, будто известны добропорядочному рептилоиду все мои неприглядные мысли.

Голова эта сидела на тонкой подвижной шее, которая, не иначе как под тяжестью оной головы, слегка прогибалась. И кожа на ней морщила, обвисала бледным мешочком-зобом, который быстро и часто пульсировал.

Я отметила узкие плечи.

И непропорционально короткие передние конечности о трех пальцах.

– Мой облик внушает вам отвращение? – меж зубами мелькнул длинный язык. – Это инстинктивная неприязнь, которую вы со временем преодолете.

А, и костюмчик сменил.

Теперь на этой жертве моего воображения был многослойный балахон из полупрозрачных тканей всех оттенков розового.

И лиловый бант на шее.

Понятно, кто обстановкой в комнате заведовал.

– Да... в общем-то... я толерантна, – поспешила уверить я. – Просто вы выглядели несколько иначе...

– Псевдооблик, – ксенопсихолог все же вошел в комнату целиком, включая длинный мускулистый хвост. Свернув его крючком, он оперся на него. Сложил трехпалые лапы на груди.

А задние, куда более мощные, выставил.

– Мы не хотели вас пугать, – доверительно произнес он и зубы облизал. – И посчитали, что при первом контакте вам будет удобней беседовать с особями своего вида.

– Спасибо за заботу.

Все же галлюцинация или нет, но воспитание никто не отменял.

Мало ли.

– Я рад, прекрасная Агния-тари, что вы столь спокойно отнеслись к переменам...

Ну, поистерить я, конечно, тоже могу. Только какой в этом смысл?

– Признаюсь, мы все испытывали определенные опасения. Ваш мир относится к числу закрытых...

Я слушала и кивала.

Закрытый.

Конечно.

И открывать его не надо. Не хватало, чтобы всякие рептилоиды по нему шастали, и не только, подозреваю, они.

– ...Что в свою очередь говорит о высоком уровне агрессии и низких социально-адаптивных возможностях...

А умные у меня глюки. Недаром я шесть лет на медицинский убила.

– ...И тем приятней осознавать, что нам повезло с вами, – он вновь улыбнулся и коготь меж зубов сунул. Будь когти не такими острыми, а зубы – не такими длинными, это выглядело бы мило.

– Рада, что вы рады, – я перевела взгляд на окно, за которым с прежней унылой сосредоточенностью разгуливала красноглазая корова. – Скажите... а это зачем?

– Вам нравится?

На бледной шкуре ксенопсихолога расплылись розовые пятна.

– Не уверена, – честно призналась я, когда корова в очередной раз подняла голову. – Это... существо... меня несколько беспокоит. Оно сюда не заберется?

– Сюда?

Щелкнули зубы, а мешок шейный завибрировал мельче и чаще. Ксенопсихолог же издал тонкий протяжный звук, на который корова откликнулась гудением.

– Нет, что вы... это всего-навсего голограмма. Замечено, что длительное пребывание в замкнутом пространстве крайне негативно отражается на психике гоминидов. Вследствие чего и были придуманы такие вот...

– Окна?

Голограмма.

Логично. Что лугам и коровам в космосе делать? Даже вообразаемом.

– Именно. Чудесно, что вы понимаете. Обычно корабль сам выбирает картинку из банка данных, одобренного Галактической ассоциацией ксенопсихологов, – когти теребили бант, стоило ли считать сие признаком волнения? – Но для вас было создано новое изображение. Это ведь животное вашего мира... травоядное...

Моего?

Травоядное?

Не знаю, не знаю... картинка – это одно, но вот живьем с этим, с позволения сказать, продуктом голографического творчества я бы столкнуться не хотела.

– А почему у нее глаза красные? – мне и вправду было любопытно.

– Изображение было доработано согласно рекомендациям Совета Галактической ассоциации ксенопсихологов. И существующим правилам создания...

Тогда понятно.

Про рекомендации и правила он мог мне ничего не рассказывать. Помнится, у нас в подсобке хранилось два ящика этих самых рекомендаций и правил, которые при проверках торжественно извлекались и водружались в красный угол, временно тесня чемпионские кубки Саныча.

Документы сии были многословны.

Путаны.

Противоречивы.

И порой возникало ощущение, что они создавались именно для того, чтобы всячески затруднить работу нормальным людям.

– Сочувствую, – искренне сказала я. И попросила: – А отключить ее можно?

– Вам не нравится?

– Мне просто хотелось бы взглянуть на стандартные... и если можно, без звука.

А то мало ли, вдруг корова – не худший их вариант, если и прочие картинки дорабатывались в соответствии с рекомендациями и уложениями.

– Конечно, конечно...

Он вытянул худую лапку и надавил на браслет. Пробормотал что-то, а что – я не разобрала, и корова исчезла. На месте ее возникла пустыня.

Желтая.

Почти безжизненная.

Яркое солнце. Золотые барханы... ветер рисует на песке узоры.

– Пожалуй, мне нравится... – Пустыня завораживала.
Интересно, а если на нее помедитировать? Вдруг да получится...

Глава 4

Сидящее напротив существо женского пола радовало своим редкостным здравомыслием и отсутствием негативных реакций, столь свойственных гоминидам. Старший ксенопсихолог, пожалуй, готов был признать изначальное свое негативное отношение к плану Ицхари ошибкой.

Самка не плакала.

Не швырялась предметами.

Не требовала доктора и успокоительного.

Она была мила и улыбалась.

И даже шока не испытала, на что, признаться, Берко весьма рассчитывал. Нет, она сидела и пыталась держаться на равных, демонстрируя ровные белые зубы, к счастью, слишком маленькие и слабые, чтобы инстинкты Берко восприняли самочку как потенциальную угрозу.

Слабенькая.

Мягонькая.

И упоительно теплая... Берко раздраженно щелкнул когтями: он профессионал, в конце концов, с особым допуском к работе с теплокровными. А потому мысли, возникшие в его голове, пусть и естественны, но недопустимы.

Если инстинкты самочки сработают, все осложнится.

А все и без того было сложным... после прошлого инцидента. Честно говоря, Берко и не надеялся на второй шанс. Более того, он почти смирился с возвращением. С должностью какого-нибудь младшего аналитика при центре, к которой прилагается минимальное соцобеспечение, крохотная нора и туманная перспектива когда-нибудь дождаться своей очереди на инкубатор. А сейчас... сейчас от этой розовой самочки зависит его, Берко, будущее.

Продление контракта.

Льготы.

И гонорар, которого хватит, чтобы оплатить коммерческий инкубатор на два места. Или даже на три? Выйдет дороже, но зато и шансов больше, что кто-то из детенышей пройдет отбраковку.

Нет, нельзя рисковать.

И Берко подавил в себе желание пересест поближе к самочке – ее тепло манило, и пусть в собственной его каюте поддерживалась

комфортная для жизнедеятельности температура, но куда инфракрасным обогревателям до живого тепла.

– Скажите, – самочка оторвала взгляд от голограммы – Берко поставил ей пустыню Шадара, чтобы заочно познакомить с новым миром. И самочка приняла вид благосклонно. – А нельзя ли и обстановку изменить?

– Можно.

Не нравится?

А он старался.

Анализировал визуальные ряды, благо примитивная цифровая сеть той планетки худо-бедно, а информацию хранила. Соотносил их с положениями и рекомендациями – не хватало, чтобы при срыве миссии расследование обвинило его, Берко, в самоуправстве и отступлении от норм.

Конструировал.

Согласовывал.

Вносил поправки.

И вот теперь выясняется, что самочке результат не по вкусу.

– Хочется... чего-нибудь нового, – солгала она и добавила: – Без мертвых котят.

– Простите?

Берко постучал по коммутатору. Не то чтобы это как-то улучшало работу последнего, но тело требовало движения. Однако резкие жесты могли испугать самочку.

Приходилось сдерживаться.

И напоминать себе.

Контракт.

Гонорар.

Инкубатор. Три места. Определенно. И если все детеныши окажутся удачными, то одного можно будет продать, частично возместив убытки.

– Там, – она указала на дверь, за которой располагалось спальное отделение ее норы. – На полочке. Чучела котят.

Она поднялась.

И это плавное движение, расслабленное, свидетельствующее, что здесь и сейчас самочка чувствует себя в безопасности, всколыхнуло древние инстинкты. Берко с трудом подавил желание немедленно метнуться за нею.

Сзади.

Подсечь хвостом слабые ноги, а когда жертва упадет, прыгнуть на спину, выпуская когти в податливую плоть. И затем одним движением

челюстей прервать мучения.

Он затряс головой.

Определенно, пора было начинать очередной курс релаксантов и психокорректоров. И упражнения он зря забросил.

Все проблемы.

И тревоги.

Ситуация, в которой он оказался...

Рептилоид смотрел на меня... вот примерно так я смотрю на отбивную, пожалуй. От этого становилось слегка не по себе.

Нет, не будет же он меня есть!

Он – интеллигентное существо, со званием, при должности, кто бы позволил работать психологу, имея он обыкновение отгрызать кусок-другой от пациента? Нет уж, он должен получать удовольствие, выковыривая оным пациентам мозг.

– Вот, – я указала на полочку со скорбными мертвыми котятами. – Можно это убрать?

Надеюсь, что можно, поскольку перспектива сна на полу меня не прельщала.

– Нам казалось, что при виде этих домашних животных жители вашего мира испытывают положительные эмоции.

– Испытывают, – согласилась я. – Но когда животные живые!

– Что вы, – рептилоид сложил лапки на груди. – Изъятие из биоценоза живого животного может нанести ему существенный вред.

– Кому?

– Биоценозу.

И центральная пара карих глаз затянулась пленочкой третьего века.

– А...

То есть изъятие мертвых животных биоценозу не вредит? И мне интересно, они естественной смерти дожидались или же поспособствовали? И вообще, как вышло, что меня изъять можно, а котят... хотя, наверное, стоило порадоваться.

Я живо представила чучело себя на подставочке.

И жениха, взирающего на оное чучело с умилением... нет уж, лучше я буду противозаконно изъятим живым животным, чем...

– И Управление по контролю за вывозом редких животных крайне негативно относится к подобной практике...

– Ну, если Управление... а это...

– Муляжи, – просветил меня рептилоид, и вторая пара глаз исчезла за

плотными веками. А окрас изменился, появились в нем лиловые полосы и нежно-голубые пятна.

Хотелось бы взглянуть на мир, породивший этакого... хищника. Почему-то хищником ксенопсихолог не воспринимался. Нет, я отдавала себе отчет, что зубы у него остры и когти тоже выглядят отнюдь не жертвой безумного маникюра, но все равно.

Хищник и розовый окрас?

Лиловые горошки?

Балахон этот с бантиком?

Глаза карие, с поволокой... нет, карие глаза для хищника – это же почти неприлично! А что взгляд... может, я ему сестру напоминаю.

Или тетушку.

И в конце концов, вряд ли мое подсознание, создавшее весь это растреклятый антураж, желает мне навредить. Я, может, и не психолог – два курса и факультатив, – но искренне верю в собственную адекватность.

– Муляжи, – повторила я с нервической улыбкой.

И рептилоид кивнул.

Его кивок больше походил на поклон, и сцепленные замком пальцы сходство усиливали.

– Замечательно... просто замечательно...

– Установка в жилых отсеках чучел существ, даже неразумных, – уточнил ксенопсихолог, – требует отдельного согласования с Управлением по социальным девиациям.

– У вас и такое есть? – я восхитилась мощью своей фантазии. А мой собеседник лишь руками развел.

– Если бы вы состояли на учете, – пояснил он, – и если бы ваш консультант-адаптолог выдал справку, что для обеспечения вашего внутреннего покоя и дальнейшей социализации вам требуется чучело...

– Не требуется.

– ...Ваше заявление всенепременно рассмотрели бы.

Глава 5

По тарелке растекалось нечто.

Розовое и воздушное.

Пахнущее духами, тот самый полузабытый мною аромат «Красной Москвы», который ассоциировался с бабушкой, но никак не с обедом.

– Вам не нравится? – заботливо осведомился ксенопсихолог, и зоб на его горле надулся.

– Я к такому не привыкла. Что это?

– Ишасский пудинг...

– Пудинг – это Агния... – пробормотала я и, решившись, ткнула-таки в него вилкой.

Пудинг задрожал, но не сдался.

– Агния – это пудинг... мы теперь знакомы...

– Это обычай вашего мира – разговаривать с едой? – уточнил ксенопсихолог. Он жевал что-то темное, с виду донельзя напоминающее жареных кузнечиков. И так смачно.

С хрустом.

У меня даже появилось желание стянуть одного-другого кузнечика, все лучше, чем воздушное, но непробиваемое нечто.

– Нет. Это... а нормальная еда у вас есть? – когда пудинг очередной раз продавился вилкой, но не зацепился за нее, я сдалась.

– Согласно требованиям Ассоциации пассажиров, на любом корабле класса Б имеется еда, способная удовлетворить запросам ста двадцати семи рас.

– Чудесно...

– Гоминиды любят пудинг.

– Я исключение.

Разозлившись, я воткнула вилку в центр розового облачка. И оно лопнуло, обрызгав меня слизью.

– Вот видите, вы справляетесь, нужно лишь привыкнуть, – рептилоид забросил в пасть очередного кузнечика и захрустел. – Не нужно перестраивать себя под требования вашего партнера. Это повлечет возникновение глубокого внутреннего конфликта.

Чудесно.

Запах духов стал четче. Мерзее.

А я слизнула розовую каплю с запястья. Если не поем, так хоть узнаю,

какова на вкус инопланетная еда.

Сладкая.

А еще вязкая, что клей. Зубы моментально слиплись.

– ...Его развитие не будет способствовать скреплению вашего брака.

– Мгы...

– И моя цель – донести до вашего понимания вашу самооценку...

– Мнгу...

Свою самооценку я ощущала в полном, так сказать, объеме, более того, если верить дорогой своей бабушке, то ощущала ее даже как-то слишком.

Так сказать, с перебором.

Рептилоид же, скovyрнув застрявшую меж зубов соринку, коготь облизал и продолжил:

– ...Чтобы при встрече с вашим женихом ваша личность не пострадала.

Главное, чтоб его личность не пострадала.

Я с трудом, но расцепила зубы и тарелку отодвинула. Вилку, заляпанную розовой пакостью, тоже отложила. Вытерла салфеткой руки. Языком провела по клыку, который давно уже шатался, убеждаясь, что не выдрала его этим... чудо-клеем.

– Мяса, – отчетливо произнесла я, – хочу. Жареного.

Рептилоид мигнул.

От самочки исходили волны негатива, которые Визари честно пытался глушить, но получалось с трудом.

Упряма.

Агрессивна, что странно с учетом ее небольших размеров. И все-таки Ицхари должен был большее внимание уделить истории того Древними забытого мирка. Но время, время... время уходило, и Визари ощущал это особенно остро.

Он разменял не один десяток циклов.

И экспедиция нынешняя была отнюдь не первой, в которой ему довелось принять участие. Более того, ему нравилась его работа.

Агентство.

Полеты.

Перелеты.

Миры и существа, разум которых был открыт и сладок.

Эмоции.

Ах, какие они испытывали эмоции... разве на болотах родного Роо-

Шоуна Визари встретил бы подобные? Хрупкая нежность, словно первоцвет... и сладость предвкушения... первая встреча. Удивление. И восторг. И недоумение порой.

Иногда – острое негодование, которое он, Визари, приглушал, исподволь убеждая особо упрямое создание, что видит оно воплощение всех своих желаний.

Идеал.

И видеть, как это навязанное убеждение вращается в разум, превращается в часть мировоззрения... пропущенные Приливы Роо-Шоуна того стоили.

Самка полыхнула раздражением.

Вот что с нею не так? Или рептилоид на нее так действует? Следовало признать, что, даже относясь к одной биологической группе, рептилоид все же оставался для Визари чуждым. И отнюдь не потому, что прочесть его было сложно.

Неэтично.

Но и писать эмоции на камни тоже неэтично. Да и незаконно... с другой стороны, эти камни принесут немалую прибыль, которая, вкупе с прочими накоплениями, позволит Визари приобрести два-три фарлонга побережья.

И новый Прилив он встретит на своем песке.

Он выстроит гнездо из розовых круглых камней, до которых так охочи молоденькие самочки, а дно застелет широкими листьями ла-орши. И лучше, если таких гнезд будет несколько. Когда же поднимется темная луна, последняя в сонме сестер своих, Визари пошлет призыв.

Он сочинил песню из чужих эмоций.

И ныне добавлял в нее последние ноты... вот, к примеру, эту напористость... она яркая, горьковатая, и эта горечь поможет разбавить излишнюю сладость общего фона, оттенить прочие эмоции. Да, пожалуй, она стоит того, чтобы Визари ее записал.

– Как она? – вопрос Ицхари несколько отвлек, что от самочки, что от размышлений по поводу того, где именно – в прелюдии или завершении – ее эмоции будут смотреться уместно.

– Тяжело.

– Она приняла его...

Чувствительные волоски Ицхари задрожали, выдавая волнение. Более того, сейчас впервые за многие годы Визари ощущал отголоски эмоций.

Инсектоид волновался.

И был преисполнен отчаянной решимости во что бы то ни стало

свести самочку с круоном.

– Она не до конца уверена, что происходящее с нею реально, – Визари было жаль начальника, но собственное сожаление, впрочем, как и все иные эмоции, было вялым. – Это плохо.

Самочка требовала мяса.

Визари ощущал и ее голод, и возмущение, и еще усталость.

И собственное обычное недоумение, тоже вялое. Зачем все настолько усложнять? Или все дело в том, что и эта самочка, и круонцы потеряли связь со своим Морем? Для них не звучит голос Прилива. Они забыли о песке и гнездах, которые надо беречь. Они придумали длинные и сложные, порой совершенно безумные брачные танцы, но все равно не способны выбрать партнера сами.

– Сделай что-нибудь!

– Она плохо поддается воздействию...

– Она гоминид. Ты раньше работал с гоминидами... они мягкие, ты сам говорил! – жвалы Ицхари раздраженно щелкали, а псевдоусы трепетали, роняя тончайшие былинки пыльцы. И запах тревоги делался ощутимым, волнующим.

А ведь в копилке Визари почти нет негативных эмоций.

Возможно, и они пользовались бы спросом?

– Гоминиды психически неустойчивы, – Визари сложил передние конечности на груди, чуть склонил голову – поза смирения и покорности воспринимается одинаково, что рептилоидами, что инсектоидами, и действует на собеседника успокаивающе. – Эмоционально нестабильны. Но обладают хорошими аналитическими способностями. Попробуйте действовать с точки зрения логики. Убедите ее.

– Если бы только ее...

Острые выступы на передних конечностях завибрировали, издавая тонкий неприятный звук, который, пожалуй, можно было интерпретировать как сигнал тревоги.

И Визари прикрыл глаза.

Он сосредоточится на работе.

Он убедит самку не нервничать.

Не проявлять агрессии.

Быть... самкой.

Мягкой, требующей защиты и опеки... беззащитной... беспомощной... и пусть потребляющей в пищу мясо, но... и хищные самки иногда проявляют мягкость... и внимание.

Они слушают собеседника.

И относятся к его словам серьезно. А еще очень... очень сильно желают одомашниться, выйти замуж и отложить много-много яиц...

То есть детенышей.

Визари выпустил воздух из верхней пары легочных мешков: все-таки живорождение при всех его преимуществах имело существенный недостаток. Сам Визари не желал и представлять, каково это – провести остаток дней с какой-нибудь самкой.

Впрочем, работы это не касалось.

Одомашниться...

И замуж.

Я смотрела на кусок слегка обжаренного мяса, стараясь не думать, кем оно было при жизни. Нет, раньше меня не посещали мысли столь странно-вегетарианского направления, и вид куриной тушки не вызывал отвращения, как и кусок свиной вырезки.

Но здесь...

– Что это? – я ткнула вилок в эту отбивную, немалой, к слову, толщины. Прищурилась – мало ли, вдруг да и она разлетится розовой слизью. Но мясо осталось мясом.

– Мясо, – с бесконечным терпением ответил рептилоид.

И, облизнувшись, уточнил:

– Жареное.

– Чье?

– В каком смысле? – он повернул голову, и теперь меня изучали два его правых карих глаза.

– Кем оно было... ну, до того, как стать мясом... то есть... я не ем... разумных существ...

– Есть разумных существ неразумно.

Бредовый разговор, как и все вокруг, но в сути своей этот бред вполне даже логичен. Поэтому я кивнула: безусловно, есть разумных существ неразумно, как и каких-нибудь гигантских слизней или блох... нет, я смутно помню, что блохи на стейки не годятся, но мало ли.

А вдруг?

И рептилоид сжалился.

– Потреблять в пищу живых существ запрещено, – сказал он, и тонкий раздвоенный язык проскользнул в ноздрю.

– А, понимаю. И неудобно... ты ешь, а оно сопротивляется.

Язык дернулся.

Щелкнули зубы. А в карих глазах появилось престранное выражение.

– И Ассоциация потребителей не одобряет, – печально произнес он. – Мясо синтетическое, но по вкусовым качествам и по составу оно полностью соответствует нормативам, выдвинутым Независимой кооперацией плотоядных...

И вздохнул.

А мешок под горлом опал.

Надо же... у них тут, похоже, шагу ступить нельзя без одобрения какой-нибудь ассоциации или кооперации... синтетическое мясо?

Ела я как-то соевое рагу, которое старательно выдавали за мясное. Ощущения были... специфические. Будто жуешь хорошо проперченный, залитый соусом картон.

Ну или котлету из университетской столовой.

Но мясо я попробовала. Во-первых, сама же требовала, во-вторых, было любопытно, сохранились ли эти ощущения. Все-таки чувствительность рецепторов в бредовых состояниях должна бы снижаться.

Мне так кажется.

С рецепторами все было в порядке. А мясо... мясо как мясо, что-то среднее между говядиной и свининой. Сочное. Сладковатое слегка. Приправы непривычны, но в целом очень даже неплохо. Во всяком случае, у меня получалось куда хуже.

Вечно пересушивала.

Ксенопсихолог... все-таки как его зовут-то, а то неудобно получается? Ладно, как-нибудь выясню, но взирал он на меня с умилением.

Облизывался даже.

А у меня... у меня вдруг возникло странное, почти непреодолимое желание выйти замуж. И вправду, что это я сопротивляюсь? Чем плохо?

Толик... Толик был сволочью, а нынешний жених – дело другое. Шутка ли, целый адмирал в частное мое владение. Красив. Умен. Силен.

Богат.

Да любая девица мечтает о подобном!

Я едва не подавилась куском мяса.

Это что за выплеск гормонов? Следствие полученной травмы? Да я и в нежные детские годы о замужестве не мечтала, не примеряла кружевных покрывал, не представляла себя невестой... и вдруг.

Подавляемые желания выбрались на свободу?

– Что-то не так? – ксенопсихолог подался вперед.

– Все замечательно, – откашлявшись, произнесла я. И улыбнулась. Широко. Счастливо... а какой счастливой я стану, воссоединившись с

женихом...

У меня будет свое гнездо...

Какое гнездо?

Воображение среагировало мгновенно. И пред внутренним моим взором возник матерый разлапистый дуб, в ветвях которого застряло тележное колесо. На колесе громоздились ветки, а среди веток восседала я, в белом пышном платье и драной фате.

Дом.

Не гнездо, хотя гнездо лучше... море, мягкий песок...

Море я люблю, но чайкой себя не ощущаю.

И детенышей живородить.

Я замотала головой.

Детенышей?

Это и вовсе бред. Детеныши... да, я их, конечно, любила, но исключительно чужих и на расстоянии. И чем больше было расстояние, тем крепче становилась моя к ним любовь. Ее хватало даже на то, чтобы с должным восторгом просматривать очередную сотню снимков, внимать рассказам и сочувствовать, когда сего требовала ситуация.

Но свои...

Нет, детей я не хочу.

Детей я боюсь.

Во младенчестве они розовые, обманчиво хрупкие и орут нечленораздельно. А подрастая, орут уже членораздельно, но от этого легче не становится.

Откуда тогда...

Дом.

Замужество. Любая самка мечтает о сильном самце.

Я не мечтаю.

Не я мечтаю.

Я отложила вилку и отодвинула тарелку с недоеденным стейком. Я была сыта и полна сил... и возмущения.

– Прекратите, – сказала я, глядя в глаза рептилоиду, и тот дернулся, поспешно отвел взгляд, чем подтвердил самые страшные мои опасения.

Меня зомбируют.

– Это не я!

Рептилоид поспешно вскочил.

– Все равно прекратите, или... или не знаю, что я с вами сделаю!

– Вам не причинят вреда, – это произнес не рептилоид, голос я узнала, а вот существо... это хорошо, что я тарапанов не боюсь, как не боюсь

кузнечиков и прочих представителей инсектофауны. – Поверьте, все, что мы делаем, делаем исключительно для вашего блага.

– Это... вы?

Глупый вопрос. Если это и не он, то так и скажет... однако работает у меня фантазия. Может, очнувшись, стоит в писатели податься?

Сочиню историю о любви без границ.

В космосе.

Продам... разбогатею... куплю себе новые туфли.

– Прекраснейшую Агнию-тари смущает внешний мой вид? – существо произносило слова нараспев. – Мне сказали, что готовы вы принять естественное обличье мое.

И существо повернуло голову к рептилоиду.

– Готова, – подтвердил тот. – Она не собирается лишаться сознания.

– Не собираюсь.

Наверное, трудно упасть в обморок, уже в нем пребывая. Да и вид... пожалуй, несколько необычен, но и только. Ныне было в Ицхари что-то не от кузнечика даже, от богомола.

Высокий.

Хрупкий с виду, хотя я осознавала, что хрупкость эта – не более чем иллюзия. Хитиновый панцирь куда прочнее моих костей.

Вытянутая голова с парой фасеточных глаз.

Ветвистые усы-веера.

Массивные, угрожающего вида жвалы, которые медленно шевелились, будто Ицхари что-то пережевывал. Выпуклая грудь с двумя парами конечностей. Узкая перемычка. Массивное, бледное брюшко, обернутое полупрозрачной тканью... точнее, сперва мне это показалось тканью, но потом я поняла. Не ткань. Крылья.

– И не кричит.

– Не кричу, – согласилась я. Странное спокойствие удивляло меня саму. Раздражал не столько вид Ицхари – подумаешь, насекомым уродился, всем по-разному в жизни не везет, – сколько внушенное желание выйти замуж.

А в том, что желание это мне внушили, я больше не сомневалась.

– А... почему вы раньше... выглядели... иначе? – в общем-то вопрос логичный, странно, что задаю я его с трудом. На языке вертятся другие.

О гнезде.

О женихе... я затрясла головой и сунула палец в ухо. Не знаю, как они воздействуют на мой раненый мозг, но живой не дамся...

– Мы действовали согласно установленному протоколу, – провозгласил

рептилоид. – Особи вашей группы чрезвычайно легко возбудимы и, несмотря на объективную разумность, слишком остро реагируют на новое, но благосклонно относятся к особям своей видовой группы...

Чудесно.

Но при всем своем желании я бы в жизни не приняла насекомое за особь своей видовой группы.

– Был использован стандартный псевдооблик, – пояснил Ицхари.

Что ж, объяснение вполне в духе моей галлюцинации.

– А почему я вас понимаю?

Потому что сложно не понять себя же. Но мне было интересно, что они ответят. Ведь должна же я получить объяснение в рамках нынешней фантазии. И рептилоид не подвел.

– Стандартный курс гипнообучения. Вы говорите на унилингве.

Умилительно.

Меня обучили под гипнозом... унилингве... это я еще во времена университетские мечтала, чтоб мне кто в голову внедрил знания, к примеру, о систематике костных рыб.

Вот.

Дождалась.

Правда, без рыб.

– Эта методика совершенно безвредна! – поспешил заверить Ицхари. – Ваш мозг...

Не был задет новым званием. Понимаю.

Рептилоид же ничего не сказал, но подвинул к себе мою тарелку. Вилкой он не озаботился. Сверкнули розовые коготки, и остатки куска распались на тончайшие полоски, которые рептилоид насадил на когти же и отправил в рот.

Они тут что, персонал недокармливают?

Голодом морят заслуженного специалиста?

– Инстинкты, – мешок под горлом рептилоида разбух. – С некоторыми сложно бороться... мясо должно быть потреблено сейчас или... позже...

– Зобные железы уважаемого Берко-таро вырабатывают ферменты, замедляющие расщепление белков. И таким образом пища может храниться достаточно продолжительное время, – пояснил Ицхари.

Берко.

Точно, Берко... А таро – похоже, обращение, вроде мистера.

Запоминай, Агния, неизвестно, когда ты отсюда выберешься, и выберешься ли вообще.

– В прежние времена это позволяло предкам херринготов запасать

пищу...

Средняя пара глаз затуманилась.

А инсектоид качнул усами, в чем мне привиделся упрек.

– У всех нас... есть свои инстинкты, – сказал он со вздохом. – Иногда разум... это так ничтожно мало.

А я вдруг отчетливо представила бледно-желтый, какой-то желеобразный берег моря. И само море, тоже ничего общего с нормальным не имеющее. Оно было темным, дегтярным и густым. Море подбиралось к берегу, растворяя в водах желе, и приносило с собой мелких розовых тварей. Те же, очутившись на песке, в нем и застревали, они неуклюже шевелили короткими конечностями, переваливались с боку на бок и ползли к яминам, выложенным розовым жемчугом.

Картина была столь бредово-яркой, что я улыбнулась.

Я откуда-то знала, что будет дальше: самки отложат яйца, каждая принесет с дюжину, а то и две. И, похудевшие, освободившиеся, вернутся в теплые объятия моря. И весь следующий год проведут, мигрируя с теплым течением, следом за стаями сладкого криля. Нагуляют жир, набьют желудки камнями и водорослями, чтобы в очередной Прилив вернуться...

Жуть какая.

Я себя прямо-таки самкой и ощутила.

Безмозгой, движимой исключительно инстинктом размножения. Не способной и на то, чтобы в свободном плавании отличить своего малька от бледной креветки. Самкам все равно, что есть...

– Прекратите немедленно! – сквозь сцепленные зубы потребовала я. – Или...

– Простите, – неискренне произнес Ицхари и щелкнул жвалами. – Мы лишь пытаемся настроить вас на позитивный лад.

– Я и так позитивна!

– Вы не должны нервничать... круонцы очень чувствительны к чужим состояниям, и если вы будете нервничать...

Театральная пауза совершенно меня не успокоила.

Что?

Если я буду нервничать, то мой потенциальный жених отгрызет мне голову?

Похоже, вполне может и такое случиться... и вообще...

– А... – неожиданная мысль пришла мне. – К слову о... об этом вашем... к...

– Круонце?

– Именно... он кто?

– Круонец.

Я поняла, что не человек.

– Взглянуть-то можно?

Мало ли, вдруг да кома моя затянется. Некоторые люди вон годами лежат, в себя не приходя, а если так, то и представление нынешнее будет развиваться по логическим законам бреда. А выходить замуж за какого-нибудь инсектоида, пусть будет он хоть трижды крылат, мне как-то не хотелось.

Щелкнули жвалы.

А крылья Ицхари окрасились в бледно-розовый колер, к счастью, на сей раз обошлось без горошков, но все равно выглядело так, будто бы инсектоид смутился.

– А вы...

– Морально созрела, – я уставилась на пульсирующий зоб ксенопсихолога. – Только прекратите убеждать меня, что я сама желаю построить гнездо на берегу...

Глава 6

Гроза пиратов и надежда третьего рукава галактики Нкрума Одхиамбо из рода Тафари прятался под столиком. Столик был махоньким, хрупким и со всех сторон укрытием являлся до отвращения ненадежным. И поэтому Нкрума закрыл глаза.

Как в детстве.

Если ты не видишь пустыню, то и она слепа.

К сожалению, чудесное это правило матушки не касалось.

– Дорогой, – донесся ее голос.

Ласковый.

И от этой ласковости шерсть на затылке дыбом встала.

Нкрума подтянул хвост и зажмурился покрепче. Глядишь, матушка притомится обыскивать все сто пятьдесят три комнаты родового поместья, а заодно уж остынет.

Тогда и поговорить можно будет.

Наверное.

– Дорогой, не будь глупцом, я тебя все равно найду...

Столик задрожал, и чашки из белого стекла, которое встречается лишь в одном месте – на дне спящего вулкана Оххари, – зазвенели, предательски выдавая убежище. Не стоило надеяться, что матушкин слух подведет... она, конечно, вышла из возраста девичьего, но была вполне себе бодра.

Быстра.

И клыкаста.

Нкрума змеей выскользнул из-под стола, надеясь, что успеет добраться до старой гардеробной, куда отправляли матушкины вещи, которые ей надоели, но еще не настолько, чтобы вовсе лишиться дома.

Метнулся.

И уперся носом в туфли.

Домашние.

Мягкие.

Вышитые золотой нитью.

– Дорогой, – матушкин голос сделался еще мягче, – мне кажется, или ты пытаешься от меня спрятаться?

– К-кажется.

Нкрума вздохнул.

Нет, с пиратами, определенно, было много проще...

На загривок опустилась маленькая ручка. Стиснула шкуру, давая ощутить остроту когтей.

– Хорошо, а то я начала волноваться... вдруг бы выяснилось, что ко всем прочим грехам ты еще и воспитан дурно.

Коготки пробили кожу.

Потянули, поднимая на ноги.

Нкрума подобрал лапы, подумав, что стоило прислушаться к совету брата и уехать... куда-нибудь, неважно куда... если попросить политического убежища...

Матушка подобного позора не вынесет.

– ...И если прочие твои недостатки можно списать на дефектные гены, – ручка разжалась, и Нкруму ласково потрепали по гриве, – то дурное воспитание есть лишь мое упущение... это было бы плохо.

– Да, мама.

– Встань.

Он встал. Сначала на четвереньки, потом во весь рост. Втянул голову в плечи, стесняясь, что вышел слишком крупным даже для самца. Матушка ему и до подбородка не доставала, но...

– Какой большой мальчик, – восхитилась она, ущипнув за щечку, как всегда делала искренне нелюбимая Нкрумой тетушка в далекие детские времена. – Вырос... вымахал... силы набрал... а в голове по-прежнему пусто.

– Мама, я...

Договорить не вышло.

Острый нос матушкиной туфельки впился в колено, а когда Нкрума, охнув, согнулся в три четверти, по лбу ударила сумочка.

Маленькая.

Тяжелая.

Из кожи шарраха. Шитьем украшенная и камнями. А мамины пальцы ухватили за ухо.

– Когда ты уже думать начнешь?

– Я...

– Это надо было... позор... – она меланхолично дергала ухо в стороны, и голова Нкрума моталась. В какой-то момент он с тоской подумал, что если ухо вовсе оторвется, то матушку это успокоит.

Немного.

– Балбес, – она разжала пальцы и вытерла платочком. – Но почти женатый.

– Что?

Лучше б она ухо оторвала. Нкрума читал, что иногда песчаные сайаши, попав в капкан, отгрызают себе лапу, лишь бы на свободе оказаться, и сейчас понял, что лапа – не такая уж высокая цена.

– Вижу, дорогой, ты проникся... – Матушка шлепнула по носу, но уже без былой злости. – Я прямо-таки счастлива сообщить тебе, что брачное агентство отыскало наконец счастливицу, которая соответствует всем выставленным тобой требованиям.

И в голосе вновь появились медовые нотки.

– Но...

– За исключением одного нюанса, дорогой... Вы, такие умные, забыли указать кое-что...

– Что? – обреченно спросил Нкрума, уже понимая, что бежать поздно.

– Она не круонка! – рывкнула матушка так, что хрустальные подвесы концертной люстры задребезжали. – Вы, два веселых барраха... как вы могли обойти вниманием первый пункт анкеты? Оставили его незаполненным.

Сумочка вновь шлепнула по носу и, соскользнув, впилась металлическим уголком в глаз, благо Нкрума успел вовремя зажмуриться.

– Мама! Я не...

Как такое получилось?

Письмо.

Анкета, которую Нкрума собирался заполнить честно.

Брат.

Погоня.

Пустыня.

Отправка... первый пункт...

– Ты не подумал? Не успел подумать, занятый беготней по пескам... ты... – сумочка поднималась и опускалась на голову со звенящим гулким звуком. Может, конечно, звук этот исходил не от сумочки, а от головы, которая, согласно матушкиным убеждениям, была пуста, как мусорная корзина, но легче от этого не становилась.

– Мама, но как же...

– Как дети? Те здоровые девочки, которыми наш род мог бы гордиться? – Матушка сдула с носа длинную прядку. – И крепкие мальчишки, чьим воспитанием я бы занялась и, поверь, не повторила бы своих давних ошибок? Или как наша репутация? Или твои перспективы в Союзе... хотя нет, в Союзе подобные браки весьма модны... небольшая генетическая коррекция решит проблему с размножением, или же всегда можно воспользоваться донорской утробой.

Матушка взмахнула рукой и замерла.

Нахмурилась.

Коснулась пальчиком виска, стирая морщины, которые осмелились появиться на ее совершенном лице. И совершенно иным, спокойным, голосом произнесла.

– Надеюсь, теперь ты осознаешь, в какое неудобное положение поставил весь наш род.

Нкрума мазнул хвостом по ковру.

Не то чтобы он осознавал, во всяком случае, подозревал, что осознание это, на которое матушка столь уповала, было недостаточно глубоким, а раскаяние – искренним. Но годы жизни и немалый опыт подсказывали, что в данном конкретном случае следует согласиться.

Вообще, если с матушкой соглашаться, жизнь станет спокойней.

Предсказуемей.

А шкура – целее.

– Хорошо... хорошо, что есть шанс все исправить. Ты ведь постарайся сделать все возможное, чтобы исправить?

– Конечно, мама.

– Чудесно. Я не сомневалась, что ты еще не потерян...

В данный конкретный момент времени Нкрума Одхиямбо из славного рода Тафари не отказался бы потеряться, сгинуть где-нибудь в песках Великой пустыни или, на худой конец, в Большом пылевом облаке Ифферно, которое, по новым данным, считалось условно разумным, а потому было запрещено для посещений.

Но он лишь кивнул.

И позволил взглянуть на матушку сквозь ресницы. Выглядела та подозрительно довольной, что предвещало близкие перемены в жизни Нкрумы.

– И эта выходка слишком нелепа, чтобы за ней не искали второго дна, – матушка положила сумочку на столик.

Щелкнула пальцами.

И приняла стакан с ледяной водой. Сделала глоток, прополоскала рот и сплюнула в приоткрытый венчик сацеллии. Получив долгожданную влагу, тот захлопнулся и свернулся в темно-красный шар. Шар втянулся в горшок, но не прошло и минуты, как на поверхности его появились тонкие иглы с капельками нектара...

– Да, пожалуй... будет интересно...

И где-то в углу комнаты зазвенела глупая пустынная муха, разбуженная сладким этим ароматом.

– Итак, дорогой, – матушка проследила за полетом насекомого, которое вилось, привлеченное нектаром, но не спешило испробовать его. – Послезавтра корабль подойдет к внешнему кольцу. Времени, чтобы подготовиться ко встрече...

Муха замерла.

Желтое полупрозрачное тело ее преломляло свет. Дребезжали слюдяные крылья.

Она казалась обманчиво неподвижной.

– ...Дом убрать... гости... мы обязаны представить твою избранницу всем... надеюсь, она окажется милой... если нет, это не так и важно.

Не важно?

Да...

– Для тебя, дорогой, она будет самой прекрасной женщиной во Вселенной. Надеюсь, пол-то ты не забыл указать? Потому что если забыл, то вполне возможно, он будет самым прекрасным мужчиной во Вселенной.

Нкрума сглотнул.

Громко так.

А муха опустилась пониже. Она зависла над особенно крупной каплей, в которой отражались и она сама, и еще частично – белый потолок комнаты. Капля дрожала, муха колебалась.

Ее мучил голод.

И опасения.

– Но мы ведь надеемся на лучшее, верно? – Матушка ободряюще похлопала по руке. – В конце концов, нашему народу давно пора покончить с вековыми предрассудками и замкнутостью, которые лишают мир благ цивилизации.

Нкрума вновь сглотнул.

Он в упор не помнил, указывал ли в анкете пол. Ему это казалось очевидным, там, в пустыне. А теперь...

Самец.

Самка... гермафродит? И какие еще есть варианты?

Воображение нарисовало мелкого рыжего самца, покрытого частично хитином, частично – чешуей. И шелка традиционного облачения невесты-круонца сползали с могучих плеч его, задерживаясь на россыпи хитиновых выростов. Невест тянул суставчатые руки, желая заключить Нкрума в горячие объятия.

Щелкали жвалы в жажде поцелуя.

Дрожали веерообразные усы, роняя шелуху отлущенных чешуек, и в фасеточных глазах невеста читался молчаливый укор.

Нкрума вздрогнул.

И покосился на столик. Под ним, конечно, не спрячешься, но если взять катер и запросить политического убежища...

– Ты вот-вот станешь членом Галактического Совета, что огромная честь и для тебя, и для нашей семьи... – Матушкин голос звучал ровно, с верной толикой пафоса.

Муха опустилась ниже.

Коснулась хоботком нектара и, уверившись, что капля безопасна, опустилась на ловчий отросток.

– ...Хотя, конечно, непонятно их желание видеть в Совете самца... войны – это одно, а управление государством – совсем другое.

Ловчий отросток покачнулся.

Свернулся.

И исчез под землей вместе с мухой, облепленной сладким пищеварительным соком сацеллии.

– Но это неважно, главное, что этим браком мы продемонстрируем уважение к межнациональным ценностям империи и готовность...

Муху было жаль.

Но себя жальче.

– Мам, а может...

Воображаемый невест выпустил дыхательные отростки, на которые мигом налип песок.

Нет, братец не так безумен, чтобы пропустить столь важный пункт...

Или...

Никто ведь не рассчитывал, что они и вправду кого-то да найдут.

– Мам, – Нкрума решил прервать речь матери, – а может, просто неустойку выплатим, а? У меня ведь есть деньги...

Невест погрозил клешнями. Он был тверд в своем желании выйти замуж и, подтверждая серьезность намерений, выплеснул маслянистый железистый секрет, который растекся по хитину.

– Нет, дорогой, – матушка хищно улыбнулась. – В роду Тафари никто и никогда не отступал. Поэтому ты встретишь свою невесту... женишься на ней. И будешь счастлив в браке. Ясно?

Над горшочком с сацеллией поднялось розоватое облачко ароматных семян.

Глава 7

Я закрыла глаза.

И досчитала до десяти. Потом на всякий случай – и до ста. Так оно верней, ибо если мне примерещилось, то пусть отмерещится обратно.

Я домой хочу!

И даже на работу, а это уже, поверьте, показатель.

Главное, подальше отсюда.

Глаза открывала поочередно. Сначала правый, слегка дальнзоркий, потом левый, который, верно, компенсации ради, был несколько близорук. В среднем, если верить статистике, зрением я обладала идеальным или близким к тому.

Статистике я не верила.

И сейчас готова была понадеяться, что оное зрение меня подвело.

Но нет. Никуда не исчезли кают-компания – а разнообразия ради я решила называть это помещение именно так – и компания, в ней собравшаяся.

Серые стены.

Псевдоокно с унылым пейзажем – то ли горы, то ли барханы, но какого-то депрессивно-бурого колера, и болотного оттенка небеса. Низкие диваны, покрывала, не то рваные, не то плетеные с дырками... мягкий розовый пол в дырочку.

Или ямочку.

Он пружинил под ногами, и я не могла отделаться от ощущения, что стоит сделать неверный шаг, и пол разверзнется.

Вся троица собралась здесь же.

Ицхари устроился на полу, хитро изогнув брюшко. И четыре шипастые конечности превратились в своего рода подпорки. Крылья же распахнулись и вновь сменили цвет...

Рептилоид свернулся клубочком на пуфике. Глаза его были прикрыты, а зоб мелко и часто пульсировал. По шкуре же бежали лиловые и розовые полосы... пожалуй, в обстановку моей комнаты Визари чудесно вписался бы.

Менталист – толстое неповоротливое создание с редуцированным панцирем – забился в угол. На меня он смотрел не моргая... может, не умел просто?

Главное, что больше я не испытывала желания снести десяток-другой

яиц.

Хорошо.

– Поверьте, – щелкнули жвалы, а на крыльях проступили бледно-желтые пятна. – Нет причин для паники. Совершенно.

Это он, конечно, лукавил.

Причина была.

Даже отвлекшись от нелепости самой нынешней ситуации, перспективы развития аккурат на панику и вдохновляли.

Перспектива.

– Я лично проводил собеседование...

Ну да, несомненно, и убедился, что клиент их, тот самый расчудесный клиент, чей вдохновляющий портрет поразил меня до глубины души, существо всех мыслимых и немыслимых достоинств. А теперь попытается убедить в этом меня.

– ...И наш уважаемый Берко может подтвердить, что адмирал лишен агрессии.

Ага, и на досуге вышивает крестиком.

Не пройдет.

Я скрестила руки на груди.

Замуж?

Ни за что!

Замуж за вот это... это... у меня слов не находилось подходящих, чтобы описать... вот это описать.

– Снимок не отражает всей мощи...

Зато отражает другое.

Существо на вышеупомянутом снимке больше всего походило на результат безумного эксперимента, в котором льва скрестили с гориллой. От льва бедолаге досталась всклокоченная грива, в которой виднелись куски чего-то белого, с виду весьма напоминающего кость, и длинный хвост с кисточкой. От гориллы – массивная и несколько диспропорциональная фигура. Морда... ну, морда, пожалуй, была человеческой.

Более-менее.

Широкая переносица.

Тяжелые надбровные дуги. Массивная нижняя челюсть, выдвинутая вперед. И пара блестящих клыков.

Душка... просто душка...

Особенно хорош драный плащ, возлежащий на могучих плечах, и дубина, которую существо держало с легкостью, хотя по виду дубина эта

веса немало.

А взгляд какой проникновенный... вот просто-таки до печенок.

– Знаете... – я пальчиком отодвинула тонкий листок, поверхность которого пошла рябью, и показалось, что женишок подмигнул мне заплывшим красным глазом. – Я, пожалуй, морально не созрела для столь ответственного шага, как замужество.

– Вы дозреете, – произнес ксенопсихолог и щелкнул зубами.

Проникновенно так щелкнул.

А мне подумалось, что зря я не принимала его всерьез. Подумаешь, розовый... Тигры, если разобраться, тоже веселенькой расцветки, что не мешает им жрать газелей.

– А если...

– Вы постарайтесь...

Менталист сдавленно хрюкнул, а крылья Ицхари распахнулись... чудо, а не крылья. Были бы обстоятельства иными, полюбовалась бы.

– Я стараюсь... но найдите другую дуру!

Мало ли их, в самом-то деле, во Вселенной? Но оказалось, что мало.

– Вы уникальны, – с присвистом произнес Ицхари, и крылья его встрепенулись.

Чудесно.

Уникальная идиотка.

С уникальным бредом.

– Вы соответствуете всем ста шестидесяти трем пунктам, заявленным заказчиком.

Что?

Скольким?

Ста шестидесяти трем?

Это вот чудовище с дубиной еще и разборчивым оказалось. Ему не просто так невесту подавай – ему по спецзаявке.

– Это каким же?

Надо же знать, где мне в жизни не повезло. И вообще, может, если его волнует вес, я успею набрать пару-тройку килограммов... или скинуть, что вероятней, на чудесном местном рационе?

– Вы молоды, происходите из хорошей семьи.

– Да неужели?

Конечно, бабушка-фронтовичка и ее боевая подруга – это престижно, но сомневаюсь, что в галактических рамках имеет значение.

– Ваша мать имеет награды...

А про нее-то я и забыла. Награды? Что-то не припомню. Впрочем, о

матушке моей бабка говорила неохотно, а уж профессию, ею выбранную, и вовсе полагала глупостью. Не будет взрослый нормальный человек фиглярствовать.

А другие за это не станут платить.

Лучше б в продавщицы шла, если на большее мозгов не хватает. Или в парикмахерши, те частным порядком неплохо получают. А бабушка, пусть и в коммунистических идеалах выращена, здравого смысла не лишена.

– Ваш отец...

Исчез однажды утром, если верить прекрасной семейной легенде, выдвинутой матерью, а бабушкой подкорректированной крепким словом.

– ...Состоит при совете депутатов...

Чего?

Надо же... и все-таки буйное у меня воображение. Папочка-депутат... вернусь в сознание, надо будет полистать старую мамину записную книжку. Авось и найду кого.

Зачем?

А чтоб было... чтоб больше не возникало странных фантазий.

– ...Регионального ранга. При этом вы как особь отдельные и самостоятельны.

Я кивнула.

Сущая правда. Отдельна и самостоятельна, и таковой собираюсь остаться. А они мне тут... дикаря с дубиной.

– Вы получили хорошее образование в рамках своего мира...

Они небось и табель с отметками к делу приложили. И ту докладную, которую завучиха в выпускном накатала, поймав меня и еще трех девиц с бутылкой портвейна и сигаретами. Очень уж она возмущалась, прочила скорое падение и аморальный образ жизни.

А я вот в биологи пошла.

Зачем, спрашивается?

Лучше б и вправду медсестрой... им шоколадки иногда перепадает.

– ...Умеете готовить. Убирать.

Ага, то есть этот гад боится зарости грязью и сдохнуть с голоду? Интересно, мои таланты подлежат апробации, или он Ицхари на слово поверит?

– ...Увлекаетесь шитьем и вязанием... поете...

Я не стала уточнять, что пела я в церковном хоре. У Калерии на старости лет приключился всплеск любви к кошкам и Богу. Кошек она прикармливала к возмущению почти всех жителей старенькой трехэтажки, а Богу молилась.

Меня же тягала с собой для вразумления.

Она так думала.

На самом деле бабка моя требовала Калерию сопровождать и воздействовать на остатки ее разума словом. Сама-то она на почве веры со старой подругой вусмерть разругалась, вот и... в общем, как я в хоре оказалась, уже не помню. То ли по инициативе Калерии, то ли по собственному безумному почину, главное, что отказать мне не отказали – не по-христиански это, но просили петь потише.

Глядишь, и не будет слышно, как фальшивлю.

– ...Вы вели собственное хозяйство...

Которого старый кот, оставшийся от Калерии и почивший вечным сном в прошлом месяце, и однокомнатная квартира.

– ...Достаточно здоровы, чтобы зачать и выносить минимум троих детей...

Еще чего.

Ему надо, пусть он и зачинает... и вынашивает. Троих! Да меня при мысли об одном потрясывать начинает. А ему троих...

– А... – мой здравый смысл вернул меня к проблеме, – скажите, а ничего, что мы... как бы это выразиться... к разным биологическим видам принадлежим?

Нет, на моей родной планете, о которой я вспоминаю уже с умилением, тоже варвары попадают, пусть не в плащах, но спортивные штаны с лампасами тоже неплохо подчеркивают истинную сущность настоящего мужика. Иные варвары и волосаты.

С битой вместо дубины...

Но чтобы клыки...

Хвост...

И вообще...

– Не стоит переживать, – в фасеточных глазах Ицхари я отражалась, словно в зеркальном комоде. – Наши генетики сделают небольшую коррекцию, и вы...

– Нет!

У любого бреда должны быть границы.

– Понимаю, вы взволнованы... вы нервничаете... вам следует успокоиться и подумать... настроиться на позитив...

В ушах зашумело море.

И я выдохнула.

И вправду, чего это я разнервничалась? Есть еще время. И сомневаюсь, чтобы сам жених был готов ко встрече со мной... Цвет волос, цвет глаз.

Размер ноги.

Он бы еще количество позвонков в копчике указал.

Все это похоже скорее на попытку создать такой список требований, по которым не получится найти невесту. Латентный ментальный дар... У кого?

У меня... осознание пришло вместе с булькающим смехом. Море веселится? Или... Я перевела взгляд на менталиста, который будто бы дремал, но...

Поэтому на меня так сложно воздействовать...

Дар крайне редкий, у гуманоидов практически не встречается, поскольку строение их мозга не способно выдержать нагрузки. И мне следует быть осторожной.

Буду.

Спасибо.

Море зашумело и подползло, раскинулось у ног верным псом.

– ...Это ваш шанс, – вкрадчиво произнес Ицхари, и бледно-голубые крылья его завибрировали. Запахло мандаринами, захотелось праздника. – Вы должны им воспользоваться...

Чувствую, придется.

Выбора мне не оставят.

Земля в иллюминаторе...

Не Земля.

Эта планета походила на старый волейбольный мяч. Рыжий, с проплешинами, то светло-золотистого колера, то бурыми, на рубцы похожими.

– Это горы, – Ицхари держался рядом, будто опасался, что без его заботы я немедленно пропаду. Признаюсь, соответствующее желание было, но я держала себя в руках.

Куда я могла пропасть с космического корабля?

Планета медленно ползла по орбите, подставляя желтому же солнцу и без того пропеченные бока. Полюса ее, лишенные привычной с детства знакомой белизны – хотя, конечно, ее я видела исключительно на глобусах и еще в фильмах «Дискавери» – имели неприятный буро-зеленый оттенок.

– Зона болот, – Ицхари дернул крыльями, и под ними раздулось два полупрозрачных мешка. – Закрытая... этот мир до недавнего времени не слишком жаловал гостей.

Одна луна.

И станция, больше похожая на ошетилившегося ежа. Станция боевая,

как мне сообщили, знакомя с потенциальным местом обитания. Полуавтоматическая. И управляется искусственным интеллектом, выращенным круонцами.

Не то чтобы во Вселенной вовсе не занимались вопросами искусственного интеллекта.

Занимались.

Кристаллы айхаров.

Яйца шиибу, способные вписаться в любой биотехнологический модуль.

Программы – имитаторы личности, которые использовались повсеместно и были вполне хороши, но не являлись интеллектом в полной мере.

Они умели собирать информацию.

Анализировать.

Делать выводы.

Учиться даже, но притом оставались программами, в высшей степени логичными, предсказуемыми и потому не способными действовать в сложных ситуациях.

А у круонцев вот получалось.

Как?

Кто их знает...

– Крайне закрытая раса... Есть мнение, что на их планете некогда обитали Предтечи... более того, сохранены были Предметы... – фасеточные глаза Ицхари затуманились, а сложенные конечности скользнули по груди, выдавая тонкий протяжный звук. – И Всемирная ассоциация археологов не единожды обращалась с петицией разрешить раскопки, но увы...

Усики печально обвисли.

А я покачала головой, выражая сочувствие.

– Есть мнение, что именно поэтому представителей круонцев и пригласили в Совет...

Не из большой любви, выходит, а чтобы получить средство давления. Логично... Дать попробовать вкус власти, а потом отнять и пообещать вернуть.

Одно непонятно, если им так нужна планета, то почему ее попросту не завоюют?

И я вопрос задала, глядя, как медленно плывет в пространстве еж космической станции. Не такая она и огромная... и пушки, конечно, выглядят серьезно, но сомневаюсь, чтобы у галактического правительства

не нашлось альтернативы.

– Война? – от волнения крылья Ицхари расправились и затрепетали. – Простите, но Всегалактическое объединение любителей мира против войн!

Надо же, и такое нашлось.

Любят они тут объединяться. Интересно, а есть какая-нибудь организация, защищающая интересы недовольных невест? И как к ней обратиться?

Пожаловаться.

Похитили.

Из родного мира выдернули и замуж отдают без белого платья...

– Круонцев пытались завоевать несколько раз, – ксенопсихолог старательно не смотрел в окно, точнее, не в окно, а на развернувшуюся панорамную имитацию, которая и позволяла мне полюбоваться что Вселенной, что новым домом. – И последний раз – двести лет тому... у них сохранились записи.

Зоб его, еще раздутый, мешал говорить, и голос Берко звучал глухо, часть звуков вообще стиралась.

– И что случилось?

Тоска по морю нахлынула.

И сгинула, неубедительно попытавшись сообщить, что пустыня – то же море, только из песка.

– Их мир крайне агрессивен, – Ицхари развел передние конечности, а по шкуре ксенопсихолога побежали лиловые дорожки. – Сами круонцы стараются не выходить за пределы поместий...

Мило.

То есть там, внизу, сбежать тоже не выйдет?

Я отвернулась от окна.

– Вам пора готовиться к встрече, – произнес Ицхари тонким срывающимся голосом. – Круонцы крайне чувствительны к соблюдению традиций...

Глава 8

Традиций, стало быть.

Традиций, мать их так... круонских традиций... да лучше бы они мне набедренную повязку вручили, с копьем в придачу, и десяток костей, чтобы в косички вплести. Тогда, глядишь, мы бы с моим благоверным были идеальной парой.

Но нет.

В каюте меня дожидался шелк... полотнище метров этак пятнадцати длиной, если навскидку. Это на саван? Или предполагается, что круонская невеста сама должна сшить себе наряд? Если так, то дорогой жених рискует еще лет этак пару проходить неосчастливленным. С другой стороны, если в этом и смысл...

Я подняла край белоснежного полотна.

Легкое.

И полупрозрачное.

И пара серебряных браслетов изрядной толщины в придачу. Больше на кандалы похожи... А ошейник куда подевался? Этому великолепию без ошейника никак... Или сразу клеймо поставят?

На лоб.

В соответствии с древними традициями.

Лоб зачесался.

А я обошла полотнище с другой стороны.

– И что мне с этим делать? – поинтересовалась я у Берко, который с выражением величайшего любопытства следил за моими перемещениями.

Я подняла ткань на уровень глаз.

Отлично.

Настолько тонкая, что из нее стекла делать можно.

– К величайшему сожалению, – произнес он, медленно растягивая каждое слово, – о традиционном наряде самок круонцев нам известно немного, но у нас есть галоснимок невесты...

Он вздохнул.

Сыто икнул.

И облизал острые зубы.

– Это не должно представлять сложности для гуманоида с вашим уровнем интеллекта, – промурлыкал Берко, сунувши меж острыми зубами коготок. – Гуманоиды всегда отличались немалой страстью к разного

рода... украшательствам.

Сомнительный комплимент.

А на стене, которая недавно радовала прямой трансляцией открытого космоса, возникла новая картинка, стало быть, той самой невесты, которой не повезло стать мне образцом для подражания.

Она была...

Нет, не ужасна.

Скорее очаровательна.

И куда более человекообразна, чем я могла себе представить. Невысокая... то есть мне так показалось, что она не слишком высока.

Стройна.

И ни тебе шкур, ни гривы, если не считать таковой прическу из нескольких десятков косичек, уложенных короной. В короне виднелись то ли цветы, то ли проволока, украшенная цветами. Этаким вполне себе милый вариант обычного свадебного венка. Сзади к нему крепился кусок белого полотна, который стекал на плечи, повисая у талии этаким пузырем, а затем обвивал эту самую талию, и не единожды. Ткань ложилась внахлест, создавая иллюзию очень узкой, но вполне себе стильной юбки.

Значит, все-таки крутить...

Только сомневаюсь, что у меня что-то да получится.

С косичками я точно возиться не стану, этодохлый номер, а вот в гусеницу поиграть...

Я потянула ткань.

Приложила к груди.

Если подумать логически, то с груди все и начиналось. И белья нижнего на невесте не было.

Она смотрела не в камеру, а куда-то влево... и ушко острое.

Шея тонкая, смуглая.

На ней ожерелье из круглых то ли ракушек, то ли камней, под ракушки вырезанных. На руках браслеты, стало быть, и вправду традиционное украшение.

– Вам помочь? – поинтересовался Берко.

Без помощи у меня замотаться определенно не выйдет, но вот...

– Спасибо, – я ответила нейтрально.

Нет у меня пока желания раздеваться, и вообще... разве должна я...

– Разоблачайтесь.

– Пожалуй, воздержусь...

Традиции традициями, но у меня свои имеются. Я, в отличие от

некоторых здесь, родственником шелкопряду не довожусь и стремления кокон сплести не испытываю.

– Я... – я осмотрелась и провела руками по костюму, который немного помялся, но в целом выглядел вполне неплохо. – В этом пойду...

К счастью, переубеждать меня не пытались.

Последняя ночь свободы оказалась до отвращения короткой.

Луны замерли над пустыней, окрасив пески в белый траурный цвет, и где-то далеко запели цикады, призывая Нкруму прогуляться.

Пара ос, преодолев охранный периметр, поползла по стеклу, оставляя на нем глубокие борозды. Бледные их крылья то и дело постукивали по поверхности, стремясь обнаружить слабое место. Осы чуяли тепло и жаждали добраться до источника его. Изогнутые их брюшки были полны яиц, которые погибнут, если осы не найдут способ отложить их в чью-либо плоть.

Желательно живую.

Нкрума поскреб шею.

Треклятая блоха никуда не исчезла, и пусть он дважды обмазался маслом ладанника – чудом матушка не учуяла его аромат, – а не помогло.

– Страдаешь? – Братец постучал по стеклу, спугнув ос, и те поднялись в воздух с тяжелым гудением.

Нкрума вздохнул.

Он почти убедил себя, что пол указал верно, но...

Вселенная огромна и многообразна. И разумных рас в ней сотни. Что, если ему доставят накхханку, больше похожую на блюдце серого студня? Они, несомненно, умны, но малоподвижны... и у иных разумных вызывают подспудное отторжение. Или ашшари... но тогда уж дюжину, поскольку меньшим количеством особей разум ашшари не сохранялся... или...

– Что делать думаешь?

Братец растянулся на подоконнике и, выпустив когти, провел ими по стене.

– Руки не распускай!

А то потом скажут, что это сам Нкрума в беспокойстве... или в предвкушении счастливой семейной жизни устроил.

– Да ладно тебе, больным и женатым все прощается. – Братец перевернулся на живот. – Скажи, – он подпер подбородок кулаком и прищурился. А осы, почуяв столь близкое и нужное им тепло, словно обезумели. Они возились, скреблись, раздирая плотный полимер острыми передними лапами, срыгивали яд... разум насекомого был слишком

примитивен, чтобы оценить преграду. – Как ты адмиралом-то стал с твоим характером?

Нкрума вздохнул и признался:

– Мама заставила.

То есть не то чтобы вот прямо так заставила. Напротив, его побег в Академию на Ульчре привел ее в ярость, а нежелание возвращаться... тогда она тоже придумала что-то про новую либеральную политику, которая заставляла милое дитя идти на нечеловеческие жертвы – покинуть родной дом ради казармы.

А ему в Академии нравилось. Порядок.

Логика.

И острое чувство собственной нужности.

– Так что делать думаешь?

– А что я могу сделать?

Покориться.

И... и это отнюдь не сдача, но лишь маневр... определенно... им все равно придется покинуть планету... в центральных мирах жене найдется занятие, а он... он отправится туда, где принесет больше пользы, – на окраину обитаемой зоны.

Пиратская угроза еще не ликвидирована.

– Многое, – братец оскалится. – Очень и очень многое. Если ты откажешься от невесты, будет скандал. А вот если она от тебя...

Шкура дернулась.

– Тоже будет скандал.

– Отнюдь... Матушка только сделает вид, что гневается. – Он постучал коготком, дразня ос. – И сошлет тебя куда? На окраину. Лет этак на пару...

Пара лет свободы – это много.

Нкрума прикрыл глаза.

– И что мне делать? – поинтересовался он у того, кто наверняка уже имел полноценный план.

– Слушать младшего брата.

Солнце вставало на востоке.

То есть я себя старательно убеждала, что где солнце встает, то в той стороне всенепреренно восток. Эта мысль внушала хоть какое-то успокоение.

Ночь прошла.

Беспокойно.

И отнюдь не потому, что кровать местная была тверда, озонированный

воздух тяжел, запахи раздражающи, а треклятая ткань слабо светилась, будто намекая, что готова саваном облечь все мои надежды на спокойную и счастливую, а главное, свободную жизнь.

Я то засыпала, то просыпалась, вздрагивая всем телом. И вновь проваливалась в сон, словно в болото, в котором барахталась, кому-то доказывая, что семейное счастье со мной нельзя составить, поскольку человек я в высшей степени невезучий и...

Потом что-то загудело.

И погасший было свет вспыхнул ярко, сметая остатки сна.

Холодная вода.

Костюм, который странным образом стал чист и выглажен. Волосы... их я кое-как расчесала, но рыжие пряди то ли от излишней влажности, то ли сами по себе завились мелким бесом.

Расческа застряла.

И сломалась.

Что ж, в конце-то концов...

На меня навалилась странная апатия. Я позволила возложить на голову стальной венец, на который и закрепили мой саван. Предварительно ткань сложили в несколько раз и как-то так хитро, живописными складочками, выдававшими немалый опыт в подготовке невест. Получилось даже красиво... правда, мрачная моя физия несколько красоту портила.

Ксенопсихолог и Ицхари подхватили остатки шлейфа.

Все-таки не то что-то у меня с подсознанием. Определенно...

Торжественной процессией прошли мы по узкому корабельному коридору. Послышалось даже, что где-то далеко играл орган. Розовых лепестков вот не хватало, да...

Апатия отметила этот факт и не позволила на нем сосредоточиться.

Круглая капсула планетарного лифта.

Стремительное падение. Я и испугаться не успела.

Пустыня.

И солнце, над ней встающее.

Красный. Желтый.

И рыжий.

Все оттенки переплелись, создавая удивительнейший узор. Неправдоподобно огромный белый шар медленно выбирался из песчаной ловушки. И лиловые тени ложились пред ним праздничным ковром. И сама мысль ступить на этот ковер была святотатством.

Я стояла и смотрела.

Сквозь стекло.

И стекло это, идеальной прозрачности, казалось мне помехой. Апатия сгорела в сине-зеленых сполохах рассвета, сменившись удивительным чувством покоя. Я закрыла глаза.

Тянуло выйти.

Ступить на пески. Коснуться их, убеждаясь, что они и вправду столь же тонки и мягки, как выглядят. Я, кажется, сделала шаг, но меня удержали.

– Не стоит, Агния-тари, – сказал Ицхари, разрушая очарование момента, – пустыня опасна...

Верю.

И все-таки... Солнце, пески... как в дурном анекдоте про пляж в пятьсот километров... только местный, помнится, величиной на всю планету.

Воды здесь мало.

И моря в принципе не предвидится. Интересно, мой жених вообще моется или предпочитает вылизываться? А то мало ли какие здесь обычаи...

Мы стояли.

И стояли.

И моя апатия сменялась здоровым раздражением. В конце концов, меня с другого края Вселенной приперли не для того, чтобы рассветами местными любоваться.

Где, спрашивается, тот несчастный, которому холостым спокойно не жилось?

Он явился, когда солнце, оторвавшись-таки от земли, поднялось на две ладони и плеснуло жаром. Не знаю, как снаружи, но в стеклянной кабине стало вдруг душно, как в духовке. Ицхари расправил полупрозрачные крылья, а ксенопсихолог надул пузырь зоба. Я бы тоже чего-нибудь расправила или надула, но природа оказалась жестока к гоминидам, а потому оставалось стоять и надеяться, что рано или поздно нас отсюда заберут.

Раздражение росло вместе с температурой.

Я взмокла.

И туфли треклятые, которые пришлось надеть для полноты образа, вновь натирали... и вообще...

– И долго нам тут... – я прищурилась. Солнечный свет был слишком ярким.

– Согласно древней свадебной традиции круонцев... – проскрежетал Ицхари, которому, казалось, местная жара пришлась вполне по нраву. Тело его выпрямилось, а на хитине проступили маслянистые капельки,

источавшие ментоловый прохладный аромат. – Невеста дожидается жениха...

Со скалкой в руке.

– ...Тем самым выражая свою готовность перейти в его род. Это относительно новая традиция, которой не исполнилось и тысячи лет.

Да... со старинной и традиционной скалкой в руках, которая, думаю, передавалась бы от матери к дочери вместе с напутственными словами.

– Раньше мужчины меняли род...

– И как долго дожидалась?

– Пока тени не сократятся на треть... – Крылья переливались всеми оттенками радуги и вибрацией своей создавали иллюзию сквозняка. – И чем серьезней намерения, тем дольше длилось ожидание. Известны случаи, когда невеста стояла на вершине бархана сутки...

Изрядно пополнив запас напутственных слов, надо полагать. И содержание приветственной речи вряд ли, конечно, входило в семейные легенды, но...

– Ее встречает не жених, но старшие женщины рода...

В этот момент на горизонте что-то мелькнуло, будто осколок стекла сверкнул.

– ...Которые провожают ее...

Да под белые рученьки. Хотя, конечно, разумно. Все же пока доведут до жениха, первый гнев схлынет, а там, глядишь, и вовсе на нет сойдет, коль невеста отходчивой будет.

– ...В дом рода.

Осколок сверкнул ярче и превратился в стеклянную машину. Выглядела она этаким игрушкой, гладкой со всех сторон и блестящей.

Колеса отсутствовали.

И крылья.

И двигалось оно, чем бы ни было, плавно, будто по нити скользило.

– Что это?

– Гравилет, – Ицхари любезно объяснил необъяснимое.

Женщины рода не спешили, а скалки, чтобы поприветствовать их должным образом, у меня не было.

И к лучшему.

Машина зависла над песком в полуметре от капсулы лифта, и в зеркальной ее глади отразились и струна лифта, и капсула с застрявшей в лифте мной.

Отражение было хорошим.

Качественным.

Я увидела и вздыбившиеся волосы, и фату, что съехала набок, придав мне вид лихой и слегка придурковатый, и пот на коже... и в общем, саму себя, на редкость нелепую в сопровождении рептилоидного монстра и богомола-переростка.

Не знаю, что подумали женщины рода, но выходить из гравилета они не спешили.

Ждали.

И мы ждали. И вот подумалось, что ожидание это есть вполне себе явственная демонстрация будущей счастливой жизни, которую устроит мне свекровь при поддержке старших женщин рода.

Уж лучше б я жениха усыновила, уматерила... нет, уматерить его я еще успею, но все же...

Наконец капля будто разломилась пополам, и верхняя ее часть вытянулась, образовав между гравилетом и лифтом тоннель. Он пропускал свет, но при том ослаблял его, избавляя от слепящей яркости.

Пленка лифта дрогнула и лопнула, освобождая проход.

И дальше что?

Мне полагается бежать вприпрыжку, повизгивая от счастья, что обо мне все-таки не забыли?

А ведь могли.

Это просто... Уходит девушка на высокий бархан, а добрая свекровь путает даты, когда невестушку встречать надобно. И та стоит, ждет, гадает... ее ли заберут или уже обугленный скелет?

– Вы вновь настроены негативно, – с упреком произнес Ицхари, и крылья его полыхнули бледной радугой. – Подобное мышление свойственно гоминидам, но, надеюсь, вы сумеете перебороть в себе...

Сумею.

Еще как сумею.

И выберусь из этой норы, чего бы это мне ни стоило.

Но сказать проще, чем сделать. Для начала стоило сделать хоть что-то, и я решительно шагнула на красный песок, который всхлипнул и обнял мою ногу раскаленными губами.

Твою ж...

Приветственная речь рвалась из моей груди витиеватым экспромтом, держать который в себе было выше моих сил.

Вторая нога провалилась по щиколотку.

Да меня здешняя пустыня сожрет и не подавится.

– Ваша смелость, Агния-тари... – бархатистый голос отвлек меня от почти проигранного сражения. Песок не спешил расставаться с моими

ногами, и, подозреваю, выдернуть их без поддержки у меня не получится. Поддержка же в лице Ицхари и рептилоида, чья шкура стала темной, с лиловыми полосами, а в очах появилась характерная осоловелость – того и гляди в спячку впадет, – запаздывала. – Внушает уважение.

Я вот как-то сразу поняла, что предо мной предстала потенциальная свекровь собственной, так сказать, сиятельной персоной. Она не шла – шествовала, и треклятые пески держали ее...

Даме было... А кто знает, сколько ей было. Есть в природе дамы, которые в некий момент своей жизни просто-таки застывают навечно в статусе «слегка за тридцать».

Они неизменно элегантны.

Очаровательны.

И преисполнены уверенности, что созданы нести миру добро, вне зависимости, что по этому поводу думают другие. Да и вообще, подобные особы зачастую исключают саму возможность наличия мыслительного процесса у кого-то, кроме них.

А в остальном...

Слегка нечеловечна.

Широкое плоское лицо с высокими скулами. Узкие глаза явно монголоидного разреза. Губы резко очерчены. Шейка длинная, скромно украшена нескромной нитью жемчуга, которую обмотали трижды...

Я оценила и брючный костюм изумрудного цвета.

И скромные туфельки на низком каблуке. Но и с этими туфельками свекровь моя была выше меня на полголовы.

– И вам здравствуйте, – я изобразила дружелюбную улыбку.

Очень надеюсь, я ей не понравилась. Впрочем, здесь и гадать не стоит – не понравилась определенно, подобные дамы вечно пребывают в поиске той совершенной особы женского пола, которая будет достойна ее сыночка. Я и близко совершенством не была.

И потемневшие глаза выдали чувства, которые испытывала почтенная дама.

А я, подтверждая догадку еще и о своем дурном воспитании, вытерла потную ладонь о брюки и протянула, растопырив пальцы.

– Безмерно рада личной встрече.

Руку взяли коготками.

Поддержали и отпустили.

Отлично.

Мы в данный момент времени сошлись на мысли, что сына ее надлежит немедленно спасти от столь несерьезной и явно неблагонадежной

особы, как я. Осталось лишь объединить усилия.

– Я бы вас даже обняла, – сказала я с придыханием. И свекровь ощутимо вздрогнула. – Да вот... застряла немного... ничего, сейчас освобожусь.

И я дернула ногой.

Песок же всхлипнул и разжал плотные объятья.

Покачнувшись, я рухнула к ногам потенциальной свекрови.

– Это вы что делаете? – осведомилась она, на всякий случай отступая.

Сразу видно благоразумную женщину.

– Это я вам уважение выказываю, – пропыхтела я, пытаюсь подняться с карачек и не запутаться в белом бурнусе, который тотчас съехал набок.

И где, спрашивается, мое сопровождение, которое так нужно?

– По обычаям моей родины...

Руку мне протянули.

И подняться помогли.

И туфлю извлечь. Правда, с ней и какую-то гибкую мелкую тварь, которая обвила каблук. Тварь я попыталась стряхнуть, но та лишь крепче вцепилась в добычу.

– Не стоит трогать, – будущая свекровь отобрала туфлю и, подковырнув тварь коготчком, легко от нее избавилась. Правда, там где она касалась каблука, остались беловатые пятна вида прехарактерного, но... – Это песчаный червь... они очень любят живую плоть.

– Ага, – сказала я и ногу задрала повыше.

Может, я и вполне живая пока, как для плоти, но взаимной любви к червям не испытываю. Была бы моя воля, я бы вообще в воздухе повисла.

– И мне кажется, – меня с легкостью извлекли из песка, отряхнули, крутанули и сунули в прохладное нутро гравилета, – что лучше нам продолжить беседу в более подходящем для того месте. Мой сын, боюсь, уже извелся.

Глава 9

Набедренная повязка так и норовила сползти.

– А ты уверен... – Нкрума вцепился в нее когтем, но чувствовал: стоит пошевелиться – и древний мех, который с возрастом не обрел ни прочности, ни красоты, расползется по швам.

И хорошо, если по швам.

– Уверен, – братец отошел, окинув Нкруму придирчивым взглядом. – Рожу сделай серьезную. Да не такую! Представь... ну не знаю, что у тебя опять блохи.

– Нет у меня блох!

А грива зудела.

Шерсть, смоченная сахарным раствором, слиплась, и косицы, в которые ее заплел брат, торчали, будто иглы у пустынного вихренника. В них поблескивали хрустальные бусины матушкиного ожерелья, косточки, которые братец добыл на кухне, и, кажется, тонкие полоски вяленого мяса.

– А ты представь, что есть. С такой физией тебя только пожалеть и приглубить. А это неправильный подход. Женщинам только дай повод приглубить кого-нибудь, так они вусмерть заголубят, и будешь тогда...

На загровке братец просто поставил шерсть дыбом и сбрызнул алой краской из чьей-то косметички. Правда, краска оказалась с блестками, что несколько не соответствовало грозному образу, но...

– Руку убери. Челюсть вперед. Брови сведи, будто ты думаешь о чем-то... важном.

Нкрума думал.

Например, о том, как получилось, что младшенький опять его уговорил на этакое безумие?

И дубину, главное, приволок.

Для устрашения.

– Может, брови выщипать?

– Я тебе хвост выщиплю! – рявкнул Нкрума и на всякий случай дубиной замахнулся. Правда, младшенький сумел увернуться и даже язык показал.

– Вот... так и держись. Нет, погоди... Шкуру на плечо... и еще вот...

Он вытащил из сумки связку ожерелий.

– Ты что, в семейную сокровищницу заглянул?

– Ай, да кому она нужна? По шкатулкам пошарился. Что? Мы же

временно и для дела. Потом вернешь... Как тебе вот это? – он вытянул из связки массивную цепь, украшенную плоскими медальонами. Для шеи Нкрумы цепь оказалась коротковата.

– Задушишь, – просипел он.

– Терпи, – брат добавил еще пару цепочек, связав их между собой. Накинул. Отошел. – Может, серег добавим?

Нкрума поспешно прижал уши к голове. Жертвовать их целостностью он не был готов даже для дела. В конце концов, и без ушей хватит.

– Ладно, как знаешь. Погоди...

Щек коснулась пуховка.

И Нкрума чихнул.

– Вот теперь ты красавец.

В этом Нкрума крепко сомневался и, говоря по правде, всерьез подумывал о том, чтобы переодеться. Он еще успеет, если...

Тонкий звук потревоженной границы полоснул по нервам.

Не успеет.

– Иди, – братец поспешно запихал остатки драгоценностей под кресло. – Тебя ждет твоя судьба!

Этого Нкрума и опасался.

Он вышел на террасу – и конечно, проклятая повязка затрещала и сползла еще ниже, обнажив и шрам на животе.

Если не двигаться...

– Морду сделать не забудь! – крикнул в спину брат.

Морду.

Дубину.

Забудешь тут. И грива чешется, и щеки зудят от этой блестящей заразы, которую на них нанесли. А шею и вовсе стиснуло так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он застыл, закинув дубину на плечо, втайне надеясь, что вид его впечатлит будущую невесту, кем бы она ни была, должным образом.

Гравилет мягко опустился на площадку.

Треснула скорлупа защитной оболочки, вытянулась, образуя гладкий трап. И по нему, согласно обычаю, спустилась невеста.

И Нкрума выдохнул с изрядным облегчением: он не забыл указать пол, а что до расы, то ни хитина, ни ложноножек у невесты не наблюдалось.

Это радовало.

В остальном... она была крошечной.

Хрупкой.

И храброй.

Она шла босиком, не задумываясь ни о песчаных осах, ни о скорпионах, которые повадились вить гнезда в тени дома. И странный наряд ее алым цветом своим предупреждал о ядовитости.

Нкрума встряхнул головой.

Пригнулся, когда девушка подошла поближе, и зарычал.

– Будешь кусаться, – сказала она, подбирая край ритуального одеяния, которое зачем-то водрузила на голову, – маме пожалуюсь.

Это было нечестно.

Нкрума так и хотел сказать, но тут ощутил, что по ноге его что-то ползет.

Мелкое.

Шустрое. И не скорпион – у них не хватало сил пробить его толстую шкуру. Это песчаная сороконожка ядовито-желтого окраса взобралась к самому колену.

Нкрума отпрыгнул в сторону, дернув ногой, что было глупо, это он понял, когда жвалы насекомого впились в тонкую кожу под коленной чашечкой. Обожгло болью, и он взвыл, крутанулся, когтями пытаясь смахнуть треклятое насекомое. Дубина, съехав с плеча, ударила по ступне.

Многоножка попыталась вывернуться из когтей, а ее яд вызвал мелкие судороги.

И в довершение его позора набедренная повязка таки лопнула и съехала на колени.

Я ждала... вот не знаю, чего ждала.

Того, что меня похлопают по плечу и скажут, мол, Агния, хорошо держишься, но давай мы тебя домой отправим? Я бы согласилась, и мы бы разошлись к обоюдной радости.

Я им не нравилась.

Ни свекрови, которая разглядывала меня с интересом юного вивисектора, ни прочим... их даже представить не удосужились...

Рослые.

Тонкие. Почти с человеческими чертами лица, только все равно чужие. Они сидели ровненько, сложив ручки на коленках, сияя золотом и камнями, переглядывались этак, с сочувствием и пониманием. А главное, сочувствовали отнюдь не мне.

Полет был недолгим и завершился стремительным падением.

А потом часть стены, которая еще недавно казалась плотной и надежной, распрямилась и легла мне под ноги. Прибыли, стало быть...

Руки никто не подал.

И вообще мое сопровождение было неподвижно, как треклятые чучела котиков... а может... может, и вправду? Мало ли, вдруг местная федерация, или организация, или еще кто не одобряют контактов иноземцев с живыми старейшинами рода, а обычаи соблюсти надо?

Да и на старейшин они не слишком тянут.

Я вздохнула и поднялась.

Иголки, чтобы ткнуть в кого, догадку проверяя, у меня с собой не было, а потому... потому оставалось идти навстречу судьбе и своей больной фантазии.

А она разыгралась.

Дом? Я разглядела лишь белую стену с узкими окнами.

И дорожку, выложенную камнем. Деревца в кадках, причем кадки были мне по колено, а деревца – едва ль с две ладони высотой.

Солнце жарило.

И на белых досках террасы, где меня изволила дожидаться судьба – подумалось, зря я приветственных слов не приготовила, маловато, стало быть, на солнцепеке простояла, – лежали длинные тени. Судьба переминалась с ноги на ногу.

Была огромна.

Устрашающая.

Куда более устрашающая, чем на снимке.

Мышцы.

И снова мышцы.

И еще раз мышцы... какого-то желто-бурого окраса, причем буроты неравномерной... и с блестками. Их особенно много было на волосах. Заплетенные в тонкие косички, те торчали шкурой дикобраза, и косточки с бусинками в эту прическу вписывались вполне гармонично.

На плече судьбы возлежала знакомая дубина.

А бедра опоясывало узкое меховое полотенчико, изрядно поеденное молью.

Я моргнула.

И перевела взгляд на лицо.

Плоский нос. Высокие скулы. И щеки, почему-то в пене... золотистой пене, которая медленно сползала, оставляя белесые полосы ожогов. Увидев мой интерес, судьба выпятила челюсть и зарычала. От утробного голоса у меня мурашки по спине поползли, а голову определенно заклинило, если я выдала:

– Будешь кусаться, маме пожалуюсь!

Рык стих.

Судьба моргнула. А потом вдруг взвизгнула тоненько и отскочила в сторону. Припала на колени, скинув дубину, как мне показалось, себе же на ногу, и завертелась юлой.

– А... простите, что он делает? – спросила я свекровь, которая возникла за моей спиной. Надо же, я и не слышала, как она подошла.

– Это... – она коготком сняла упавшую ресничку, – древняя традиция... очень древняя... жених показывает, насколько он рад встретить невесту...

– А...

Судя по страсти, с которой исполнялся танец, особенно по рожам, что он мне корчил, бедолага был просто-таки вне себя от счастья.

– А дубина зачем?

– Для полноты образа, – свекровь была невозмутима. – Круонец должен уметь прокормить свою жену... и детей.

Бедолага застыл, тяжело дыша, и, пользуясь такой передышкой, меховое полотенчко сползло к его босым ступням.

– А это... тоже? Традиция, да? – я отвела взгляд.

– Традиция, – как показалось, свекровь говорила сквозь зубы.

Сама виновата.

Могла бы и прислать список их традиций, чтобы не травмировать мою ранимую психику.

И все-таки, судя по увиденному, мое подсознание отчетливо намекало, что длительное воздержание вредит организму.

– Круонец показывает невесте себя таким, каков он есть, – свекровь цедила слова. – Дабы никто не посмел сказать, что под одеждой был скрыт дефект...

Я важно покивала.

Конечно, под таким обилием одежды, которое он показал при встрече, только дефекты и скрывать... ага... Главное, чтобы ощупывать не заставили, для полной, так сказать, уверенности.

– Дорогой, – голос свекрови стал ласковым-ласковым, и жертва местных традиций вздрогнула и отмерла. – Что у тебя в руке?

Он безропотно протянул лапищу с зажатой в ней многоногой тварью.

– Еще одна традиция, да? – я сглотнула, ибо тварь еще шевелила конечностями, извивалась и выглядела отнюдь не безобидной.

– Это, – свекровь расплылась в дружелюбной улыбке, – дар, который жених приносит невесте, показывая глубину своих чувств. Это очень редкое насекомое, яд которого весьма ценен.

Тварь свернулась клубочком и оцетинилась полусотней игл.

– Спасибо, – вежливо ответила я. – Положите его в баночку, пожалуйста.

– Зачем? – Жених таки подал голос.

– Хранить буду. Под подушкой.

Его.

Что-то такое жених ощутил, если его перекосило...

Глава 10

Когда острый каблук матушкиных туфель впечатался в лоб, Нкрума лишь смиренно закрыл глаза и подумал, что было бы неплохо, если бы этот самый каблук проломил ему череп, разом покончив со всеми мучениями. Однако снисхождения он, судя по всему, не заслужил.

В голове слегка зазвенело.

А стальные матушкины пальцы дотянулись-таки до уха.

Они крутили.

Тянули, заставляя наклоняться ниже и ниже, но боли Нкрума, спасибо сороконожке, не ощущал. Судороги сменились легким параличом. И только глаз продолжал мелко и часто подергиваться.

– И в кого ж ты такой уродился? – Матушка устала мучить его ухо и обратилась к духам предков, которые, впрочем, от ответа благоразумно воздержались. – На мою-то голову...

– Мама...

Она устало махнула рукой, прежде чем рухнуть без сил в кресло.

Кресло было низким.

Влажные полотенца – холодными.

Ситуация на редкость неудобной.

Нкрума наклонился и кое-как поднял разорванную повязку.

– Да чего я там не видела, – устало произнесла матушка, но взгляд отвела. И кивнула, когда Нкруме подали простыню. – Древних ради... лучше бы ты ума нажил, право слово...

– Мама!

– Сама знаю, что мама... – вздохнула она. – Дорогой, я все понимаю, но и у твоего чувства... юмора должны быть пределы. Ты сломал дубину первопредка, порвал шкуру...

Нкрума вздохнул.

И опозорился так, что... Одно радует, встреча была закрытой, а потому сомнительно, чтобы его выступление записали. Попади эти кадры в Галосеть, и...

Ему ничего бы не осталось, как уйти в пустыню.

– Я не нарочно...

– Охотно верю. Выкрал семейную реликвию рода Хамура...

– Это какую? – Нкрума потер переносицу.

Щеки мерзко зудели, и этот зуд проникал сквозь немоту кожи.

– Вот эту, что у тебя на шее. Не узнаешь? Надеюсь, Аджабa тоже не узнает.

Нкрума взмолился Древним, потому как почти наверняка Аджабa реликвию свою видела и узнала, и стало быть, нажалуется мужу, а тот после женитьбы характером резко испортился.

– Ничего, дорогой. Мне это их стремление похвастать красными камнями никогда не нравилось. К тому же я не раз предупреждала ее, что не стоит бросать вещи где попало, верно?

Нкрума кивнул.

И опять вздохнул. И набрал воздуха, чтобы сказать что-то... покаянное, пожалуй, но тонкая цепочка тренькнула и упала к ногам, поблескивая алыми глазами амулетов.

Точно.

На гербе рода Хамура такой вот алый камень изображен.

– Остальное мелочи. Гриву размочишь, лак сам слезет через пару дней.

– Пару дней?!

– Особо сильная фиксация. Используется для церемониальных причесок, – матушка повела плечиком. – Сам понимаешь. Но скажи-ка лучше, зачем вы мою отбеливающую пудру взяли?

– Отбеливающую? – упавшим голосом переспросил Нкрума, осознавая, что щеки зудят просто-таки невозможно.

– Да, дорогой, – сладко улыбнулась матушка. – Концентрат... Один гран в тоник – и протирать кожу по утрам. Придает белизну и мягкость.

– Концентрат...

Он попытался вытереть пудру рукой, но, вовремя опомнившись, принял протянутое матушкой ледяное полотенце.

Жжение усилилось.

И стало почти невыносимым.

Нкрума чихнул.

– Не спорю, получилось весьма оригинально... традиционно... и радовать должно, что невеста твоя мало понимает в традициях... вообще мало понимает в происходящем.

Матушка задумалась.

Потерла пальчиком переносицу. Провела по брови, как делала всегда, когда ей приходила идея сомнительного плана.

– И такая хрупкая, слабая... не представляет, что такое жизнь в пустыне.

Нкрума старательно стирал с лица остатки треклятой пудры и старался не смотреть на свое отражение в выпуклом боку вазы. В вазе покачивались

пустынные анемоны, впитывая влагу из воздуха. И судя по оттенку, который приближался к темно-синему, им оставалось недолго. Скоро переродятся в крупные клубки-клубни, и Аджоба велит вынести их во двор, где они и разделятся.

– Страшно подумать, что было бы, если бы сороконожка...

Матушка замолчала.

Постучала коготком по губам, запирая в них невысказанную мысль. А Нкрума как-то похолодел. Да быть такого не может... Его матушка... И невеста вряд ли пришлась ей по вкусу, в этом сомнений нет.

Но избавиться...

Это не убийство. До убийства матушка не опустилась бы, но просто постоять в сторонке, позволяя пескам взять то, чего они желают...

– Я... – Нкрума отступил. Хвост его нервно дернулся, едва не снеся со столика вазу с анемонами, которые рассерженно зашипели и вытянули тонкие ложноножки. – Пожалуй, пойду.

– Иди, дорогой, – ласково сказала матушка. – И помыться не забудь.

Не забудет.

Он потер зудящую щеку.

И переступил порог.

– Дорогая, – Хамари Одхиамбо из рода Тафари позволил себе нарушить уединение жены, – тебе не кажется, что ты несколько переигрываешь?

Он улыбался.

И с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться в голос. И улыбка его отражалась в желтых глазах супруги. Она счастливо зажмурилась и потянулась, что стоило истолковать как признак высочайшего удовольствия.

– Отнюдь. Теперь он точно не отойдет от этой девицы.

– Но мне не показалось, что она желает этого брака.

– Как и Нкрума. А общие цели сближают. Древние... – она все же фыркнула в ладошку. – Но какой же он... порой...

И они оба рассмеялись.

Тишина.

В гостевых покоях пахнет фруктами. Аромат легкий, ненавязчивый и незнакомый. Есть в нем легкая мятная нотка, и цитрусовая кислота, и сладости капля, и подходит он этим комнатам.

Они огромны.

Больше, чем старая моя квартира, хотя на нее грех было жаловаться. Здесь одна ванная комната квадратов сорок будет. Окна в пол, а сам пол выложен темно-желтым камнем, теплым на ощупь. Ванна-чаша вдавлена в него, и вода течет медленно, наполняя ее едва ли до половины.

Низкие кресла.

Массажный стол.

Стопка полотенец на столике темного дерева. И круглые серые камни, выстроившиеся вдоль окон. Они нагревались от солнца и слабо поскрипывали.

Я отошла.

Спальня. И вновь кровать на полу. То есть, я полагаю, что вот эта груда шкур и есть кровать. Я присела. Потрогала. Шкуры были мягки и шелковисты, да и пахли все теми же фруктами.

Гостиная, как полагаю.

Пол такой же, каменный, но мягкий на ощупь. И ступать по нему приятно. Здесь окна затемнены, и потому в комнате царят приятные полумрак и прохлада. Здесь хочется остаться.

Сундуки вдоль стен.

И такие же камни у окон.

Кресла низкие, больше похожие на лежаки, сидеть в таких на редкость неудобно. Или просто я не привыкла? А может, ростом не удалась? Вообще никак не удалась.

Полки.

Столики.

Статуэтки.

И цветы в огромной каменной вазе. Цветы похожи на астры, лишь цвет их, бледно-голубой, непривычен глазу. Да еще нормальные астры не шевелят лепестками, если к ним руку поднести.

Надо...

Что-то надо сделать, но, оставшись в одиночестве, я, признаться, растерялась.

Ванна?

Отдых?

Перезвон колокольчиков. Гудение далекое, доносящееся откуда-то издали. И шепот чей-то, будто зов. Прислушаешься – и имя услышишь.

Чье?

Быть может, если я услышу, то выберусь. Это ловушка такая разума. Я когда-то смотрела кино и...

Сев на пол, я все-таки разрыдалась.

Без повода.

Но в конце концов, мое безумие, могу поплакать, когда захочу.

– А почему у тебя из глаз вода льется? – поинтересовались над головой, и я вздрогнула. – И зачем ты на полу сидишь?

– Нельзя? – я поспешно вытерла глаза ладонью.

– Можно. Но воспитанные дамы так не делают.

– Значит, я невоспитанная. – Слезы высохли мгновенно, и стало неудобно. И в самом деле, чего это я... Подумаешь, с ума сошла. С кем не бывает, право слово. С кем не бывает, тот не поймет. И если разобраться, то безумие мое такое... милое.

С космосом.

С пришельцами.

Со свадьбой вот. В фату сморкаться удобно, раз уж она здесь. Главное, пытаться меня не пытаются, на эксперименты не отправляют, а что до всего прочего... сама виновата.

– А тебе удобно?

Этот... круонец был поменьше моего потенциального жениха. И кажется, помоложе. Вон, физия какая любопытная. Глаза желтые, круглые и блестят, как у кошки, который до сметаны дорвался. Смотрит и разве что не облизывается.

Но этот хотя бы одет прилично, в просторные полотняные штаны и рубаху белую, с орнаментом на вороте.

– Удобно, – ответила я, хотя сидеть на полу было несколько жестковато. – А тебе?

Он тоже сел, скрестив ноги, пытаюсь скопировать мою обычную позу, но видно было, что получается так себе.

– Не очень, – длинный хвост скользнул по ковру. – Жестко. И кости тянет.

– А ты вообще кто такой?

– Я? – он почти искренне удивился, и короткая грива поднялась дыбом. – Гарджо Одхиамбо. Я брат твоего жениха.

– Младший?

– Ага. – Он погладил собственный хвост и потупился. – Ты на него очень злишься?

– За что?

– За сороконожку.

– Нет.

– А вообще? – Гарджо старательно улыбался, вот только клыки эту улыбку портили.

– И вообще не злюсь.

– А воду зачем льешь?

– Она сама, – я потеряла глаза. – Чего ты хотел?

– Посмотреть, – он поерзал и признался: – Я таких, как ты, никогда не видел. Вообще почти ничего не видел. Мама говорит, что я еще маленький, чтобы в космос летать.

– Сочувствую, – покивала я.

Маленький Гарджо был на полторы головы выше меня. Но мне ли спорить со свекровью?

– Маму надо слушать.

– Ага, ее не слушаешь... – Он тяжело вздохнул и уточнил: – Значит, вы жениться будете?

– Нет!

– Почему? Он хороший, бестолковый только. Так мама говорит. Но ее не слушай. Он очень толковый, просто... – Гарджо замолк, стиснув хвост так, что из огромной его лапищи торчала лишь темная прядка.

– Договаривай уже.

– Он женщин боится.

Это чудовище с дубиной боится женщин? Наверное, мое удивление было слишком уж явным, если Гарджо развел руками и пояснил:

– Когда он был маленьким, к нам часто приезжали матушкины сестры, и каждая трепала за щечку.

Я опять покивала.

Тетушки и щечки, это да... это повод. К счастью, у моей матушки не было ни сестер, ни подруг, которые бы интересовались мною, а бабушкины являлись не так уж и часто, чтобы травмировать мою детскую психику стихами с табуретки, глупыми вопросами на тему любви к родителям и прочими бесчинствами, что взрослым видятся милыми.

Жениху, выходит, не повезло.

– Сочувствую.

Гарджо выпустил хвост и сказал:

– Я от них сбегал. А он ответственный.

Мы замолчали.

Когда молчание слишком уж затянулось, я встала и сказала:

– Мне бы помыться...

И переодеться не мешало бы, поскольку чем дальше, тем сильнее становилось ощущение, что костюм мой полон песка.

Глава 11

На семейном ужине я была вместо десерта. Точнее, подали меня чуть раньше, а вот потреблять нас с ним стали одновременно.

– Вы, наверное, устали, – поинтересовалась кошечка с белыми длинными волосами, заплетенными в дюжину кос. Ее наряд цвета берлинской лазури подчеркивал их белизну.

Золото на шее.

На руках.

И на ногах тоже. Я успела оценить тройку браслетов с колокольчиками, которые весьма благоразумно предупреждали о приближении этой особы. Взгляд ее был безмятежен, как грозовое небо, но я не слишком-то обманывалась.

Гарджо скорчил рожицу, наглядно демонстрируя, что думает об этой...

Как же ее звали?

Имя такое длинное, скрипучее... я не запомнила. А вот супруг ее, приходящийся моему будущему старшим братцем, был внушителен.

Темной масти.

С гривой, заплетенной в маленькие косички.

И с теми же бубенчиками. Надо полагать, бубенчики были не его инициативой, но супруге он перечить не посмел.

– Устала, – не стала отрицать я.

– Конечно, – круонка улыбнулась во все клыки. Надо же... А от мяса она демонстративно отказалась, заявив, что есть плоть живых существ в их просвещенное время – это дикость.

Этакими клыками только салат жевать.

Или на булочки охотиться.

Отщипнув крошечку, круонка отправила ее в рот.

– Вы так хрупки... невероятно просто!

Вторая, серенькая скромница, потупила взгляд. На ней и платье было попроще, и золота поменьше. Да и супруг ее старательно делал вид, что за столом отсутствует в принципе.

– Во Вселенной много невероятного, – пробормотала я.

Гарджо вздохнул.

Как и мой нареченный, который весь вечер если и разжимал челюсти, то исключительно для того, чтобы положить в них очередной кусок мяса. Ел он... да такого на зарплату менеджера средней руки не прокормишь, и

танец с дубиной обретал иной, потаенный смысл.

– Я слышала, – сказала блондиночка, продолжая мучить пышку. И взглядом меня одарила таким, что...

– Ее сестрица надеялась стать супругой Нкрумы. – Гарджо дернулся и подвинулся ко мне вместе со стулом, чем заработал крайне неодобрительный взгляд матушки.

Моя потенциальная свекровь восседала во главе стола, наблюдая за происходящим снисходительно, как и подобает императрице.

Блондинка удостоена была места по правую ее руку. Серенькая – по левую, за ними сидели их мужья.

Далее – я и Нкрума.

Гарджо.

И где-то далеко, на другом конце стола, а стол здесь был длиной с небольшое шоссе, терялись фигуры моих консультантов.

– О да, я слышала. – Блондинка лизнула чай.

Во всяком случае, про себя я решила считать напиток, поданный в широких низких чашках, снабженных для удобства двумя ручками, именно чаем.

Да и остальное...

Благо никаких розово-резиновых пудингов не подавали. Мясо здесь было похоже на мясо. Овощи, пусть и несколько странной формы, были именно овощами. А рогалики с шоколадом – рогаликами.

Правда, шоколад имел странноватый привкус, но это же мелочи.

– Слышала, что во Вселенной огромное количество обитаемых миров. И большая часть их, к сожалению, настолько примитивны, что даже не внесены в реестр.

Уточнять, что за реестр имелся в виду, я не стала.

Нам, обитателям примитивных миров, позволительно.

– Ужас какой! – Я отхлебнула чаю, который отчетливо пахивал ванилью.

– Не представляю, как можно в таком жить...

– Без дубин? – уточнила я.

И Гарджо фыркнул, а мой нареченный, кажется, подавился.

– В принципе. – Хвост, украшенный десятком золотых колец, скользнул по паркету. И в этом мне привиделось раздражение. – Вообще живут... не представляю... низкий уровень развития. Короткий срок жизни... болезни неизлечимые...

– А у вас все излечимые?

– Большей частью. Но мы болеем редко.

– Повезло.

Гарджо закатил глаза к потолку. А нареченный откашлялся и произнес:

– О мире нельзя судить по уровню его технического развития.

И смолк.

Уши прижал.

А в костюме он смотрится вполне прилично. Если, конечно, не брать во внимание размеры. Шкаф этакий... в белом смокинге.

При бабочке.

Еще бы очки надел для завершения образа. Правда, образ этот несколько портила торчащая дыбом грива. Кучерявые прядки опасно топорщились, как бывает, когда расплеть косички. На щеках же виднелись белые пятна и потеки.

– Неужели? – Нкруму одарили презрительным взглядом.

И мне захотелось дернуть дорогую будущую родственницу за хвост.

– Именно такие вот... неразвитые миры становятся обузой.

– А еще полигонами для корпораций. – Нкрума отодвинул тарелку и вытер губы. – Потому, собственно говоря, они и запрещены для посещений. Во избежание казуса Веркации.

Это еще что?

Или кто?

– Веркация – небольшой мир во втором секторе. Был открыт лет двести назад и по законодательству того периода отошел под крыло корпорации «Биотех», которая заявила о политике интенсивного развития.

Надо же, как-то не увязывалась эта историческая справка с обликом варвара. И слова-то какие...

– На Веркации, которая пребывала на третьей ступени... – он запнулся и, сообразив, наверное, что я почти ничего не понимаю в ступенях, пояснил: – Они запустили спутник, но еще не дошли до освоения лун.

То есть примерно наш уровень.

– Корпорация открыла несколько представительств, так сказать, свободной торговли, и не прошло и полугода, как мир затопило высокотехнологичными товарами из Содружества, что почти полностью остановило развитие собственной науки.

Анемоны на столе, до того неподвижные, вздрогнули. Тонкие лепестки их затрепетали, а потом потянулись ко мне с явно недобрыми намерениями.

И главное, стебли изогнулись гусиными шеями.

Да и сами цветы...

Или не совсем чтобы цветы?

Я подобрала с тарелки кусочек мяса и торопливо кинула в желтоватый

зев.

– Права на разработку ископаемых перешли в руки корпорации, а затем не только на ископаемые. Запасы воды. Запасы соли. Биообъекты. Собственное население оказалось экономически зависимо от корпорации, что и позволило проводить там ряд исследований, которые позже были признаны незаконными.

– Древние, – блондинка закатила очи, отчего ротик ее приоткрылся. – Ты так зану-у-уден... как будто это кому-то интересно...

– Мне интересно.

Анемон обнял кусок мяса лепестками.

Все же щупальцами, которые я принимала за лепестки. Цветок раздулся в основании и цвет изменил. Теперь в нем появились нотки фуксии, и это наверняка что-то да значило.

– Содружество было вынуждено выплатить долги Веркации, а после потратиться и на реорганизацию мира, практически полностью истощенного выработками. После этого и был принят закон о невмешательстве во внутренние дела.

Хорошее дело.

Закон был принят, а вот я под его действие, выходит, не попала?

Анемон потянулся и приоткрыл щупальца, как бы намекая, что еда – это хорошо, но уж больно кусок маловат. Я отломил еще кусочек булки и, воровато оглянувшись – мало ли, вдруг у них не принято цветы подкармливать, – подбросила в самый центр вазы.

– Все равно, – фыркнула блондиночка, поднимаясь. – Примитивный разум, как ни крути, таковым и останется.

Зазвенели колокольчики.

И анемоны замерли, снова притворяясь астрами, правда, уже темно-лиловыми, что несколько дисгармонировало с песочно-желтой скатертью.

– Дорогая, – свекровь была мягка и дружелюбна, – мне кажется, ты несколько переутомилась. Должно быть, твои луны поднялись слишком высоко, отсюда и раздражение.

– Я не раздражена! Я просто не понимаю... – Блондинка, похоже, чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы перечить свекрови. – Вы позволили ему отвергнуть все брачные предложения – и для чего? Чтобы выбрать вот это?

Она ткнула в меня мизинчиком.

И я почувствовала, как вспыхивают уши.

– Хотя, конечно, выкуп за такую невесту не попросят. Может, в этом все дело?

Косички ее дрожали.

Бубенчики звенели.

Дребезжали колокольчики, а сытые анемоны вновь меняли окрас, теперь на лиловых щупальцах появилась россыпь белых пятен.

– Это его выбор.

– Древних ради! Позволить мужчине самому сделать выбор... это... это...

– Прогрессивно? – поинтересовался Гарджо, подкидывая анемонам кусок кекса.

– Глупо!

– Почему?

– Потому что, невоспитанный мальчишка, всем известно, что мужчины сами не знают, чего хотят... – Она выдохнула и стиснула кулаки. – И прекратите их закармливать! У меня выставка через десятину!

Анемоны пристыженно убрали щупальца, превратившись в круглые плотные шары, этикие камушки в плетеной корзинке.

– То есть, – голос свекрови ощутимо похолодел, – ты полагаешь, что я дурно воспитала своих детей?

– Я полагаю, что своих я буду воспитывать иначе! – Блондиночка вздернула подбородок, и тяжелые волосы скатились за спину. А поскольку грива у нее была изрядная, плюс щедро украшенная золотом, то и весила, надо полагать, немало. Вот и появилась в горделивой позе некоторая натужность.

– Ты их сначала роди, – спокойно произнесла свекровь.

И блондиночка всхлипнула.

А после подхватила корзину с бедными шариками и бросилась прочь.

– Мама...

Супруг блондиночки поднялся. Выглядел он не столько растерянным, сколько удрученным.

– Твоя жена, кажется, позволила себе забыть, что я являюсь главой рода. И передай ей, будь любезен, что ее поведение заставляет меня сомневаться в разумности моего выбора.

В столовой воцарилась напряженная тишина.

– Видишь ли, Бои уже пять солнцеворотов замужем за моим братцем, но детей у них до сих пор нет, хотя целители уверяют, что оба здоровы. – Гарджо сам увязался за нами.

Ужин закончился.

Первой откланялась свекровь, за ней исчезла тенью и серенькая

девушка, прихватив своего супруга. Мой нареченный держался бодро и, наступив на горло тоске, которая читалась в его глазах, даже изъявил желание устроить мне экскурсию по дому.

– Матушку это несколько беспокоит. Она рассчитывала, что Бои родит девочку, а лучше двух или трех, чтобы было из кого выбрать. Конечно, Бои сама рассчитывает стать во главе рода, но вряд ли у нее получится.

– Почему?

– А вы за ручку возьметесь?

– Нет, – ответил за меня мой жених.

Стало даже обидно.

Меня, понимаешь, через всю Вселенную к счастью волокли, а ему за ручку подержаться жалко. Может, считает меня заразной?

В примитивных мирах чего только не водится.

– Характер не тот. Несдержанная она. И думает, что лучше всех. Она тоже из старого рода... Вот тут у нас гостиная, но матушка ее не любит. Ее Бои обставляла, когда только приехала. Решила, что раз ее выбрали в род, где девочек нет, то сразу наследницей и назовут. – Гарджо остановился на пороге комнаты, которая поражала огромными размерами.

Окна в пол.

И легкие занавеси, что спускались до этого пола и растекались по нему сине-зелеными шелковыми лужицами.

Белый камень.

Низкая мебель с золотыми накладками на углах. У меня сразу ноги заболели, предчувствуя неизбежное столкновение с этими самыми накладками.

Стеклянные вазы.

И бледные анемоны, повернувшиеся к нам.

– Ее роду принадлежит кусок старого морского дна. – Гарджо на цыпочках вошел в комнату, а вот мой жених не стал и мне не позволил, удержал за руку.

На мой вопросительный взгляд лишь плечами пожал смущенно.

– Там гнездовья кристаллов... Вот они и занимаются их выращиванием... сотни и сотни лет... – Гарджо замер у невысокого столика из темного то ли дерева, то ли камня. – Плюс копи с редкоземельными... они нужны для правильного программирования... да и плантации пустынных водорослей.

Звучало это как-то нелепо.

Пустынные водоросли.

Вроде сухой воды. Да...

Младший братец щелкнул по вазе, которая отозвалась долгим гудящим звуком, и анемоны поспешили спрятаться, притворяясь камнями.

– Ее мать уже который год мечтает стать главой Совета. Она и Бои отдала, рассчитывая на поддержку рода Тафари, – медленно и с явной неохотой произнес мой женишок.

На меня он старался не смотреть.

Да и вообще отворачивался.

Не нравлюсь? Пускай! Надеюсь, до свадьбы дело не дойдет. А вообще я домой хочу, в свою малогабаритную квартиру с узамбарскими фиалками на подоконниках. Может, они и не бог весть какие редкие, но зато сидят себе мирно на одном месте и еду не выпрашивают.

– Вот-вот... А матушка подумала и предложила импорт организовать. Мы занимаемся биоприкладным программированием. – Гарджо с немалым усилием поднял массивный стул и протащил его между двух ваз. – Искусственный интеллект широкого профиля... да и вообще управляемые системы разной степени разумности.

– Что ты делаешь?

Гарджо не ответил.

Он перенес три вазы в центр комнаты, установив треугольником. А между ними воткнул то ли вешалку, то статую, главное, что длинную и узкую.

– Зачем ты ее раздражаешь? – вздохнув, поинтересовался нареченный.

– А зачем она раздражает всех? Тоже мне, возомнила себя хозяйкой дома. – Он огляделся и, смахнув в лапу дюжину желтых камней, мирно стоявших на полочке, высыпал их на подоконник.

– Бои не любит беспорядка... А он еще молод. Ему хочется делать пакости.

– Это не молодость, – возразил Гарджо, – это чувство протеста, которое тебе купировали вместе с ушами.

Мой женишок рыкнул.

– Никто мне уши не купировал! И вообще, это нелепый пережиток прошлого.

Гарджо, пытаясь от натуги, перетащил огромную конструкцию, больше всего напоминавшую кусок сыра с выплавленными в нем дырами. Правда, сыр был окаменевший и цвет имел характерный, золотой.

– Вот так-то... А вообще, ты иди, иди... У вас в полдень встреча.

Встреча?

Что-то я слышу о ней в первый раз. И судя по нахмуренной физии круонца – все ж львиного в нем было больше, нежели обезьяньего, – он

тоже был не в курсе.

– Я взял на себя труд... – Конструкция двигалась с трудом и скрежетом, но Гарджо не сдавался. – Сообщить в Ассоциацию защиты прав брачующихся...

А это еще что за...

Их было двое.

Высокие. Человекообразные. С крупными костистыми лицами, на которых застыли отдаленно дружелюбные гримасы.

Одна обряжена в свободную шелковую хламиду, перевязанную у горла синей ленточкой. Второй – в черный строгий костюм.

– Арлей Арли, – представилась особь в хламиде.

Грудным басом.

В левом ухе ее поблескивала серьга. А голый череп украшала замысловатая татуировка.

– Наноши Нано, – ее спутник, при ближайшем рассмотрении показавшийся мне все же спутницей, говорил мягким голосом и двигался текуче, плавно. Он занял высокий трехногий стул, присев на него бочком, и черная брючина разъехалась, выставив ножку в клетчатом чулке.

Красные лодочки.

Браслетик на щиколотке.

– Агния, – сказала я, озираясь.

Эта комната, не в пример прочим, была исполнена в духе воинствующего минимализма. Никаких тебе занавесей, камней и конструкций, лишь белое строгое пространство, в котором нашлось место для четырех табуретов, больше напоминавших насесты, и такого же высокого столика. На столике возвышался прозрачный кувшин, в котором плавало что-то мутное и явно живое.

Впрочем, живность не смутила Арли.

Кувшин был поднят с явной легкостью, а содержимое его разлито в высокие узкие бокалы. Живое встrepенулось и возмущенно зашевелило щупальцами. Чем бы оно ни было, но убыль воды в кувшине его явно не радовала.

– Присаживайтесь, – мне строго указали на табурет.

Я кивнула.

Подошла.

Потрогала. Тонкие, будто проволочные ножки, прочными не выглядели, но ладно, вес гостей они выдерживали, значит, и под моим не прогнутся. Беспокоило другое. Конструкция эта высотой была выше

уровня моей талии, и я просто-напросто не представляла, как забраться на этот табурет.

– Мы с клон-сестрой...

Все-таки женщины. Обе.

– ...Являемся полномочными представителями Ассоциации защиты прав брачующихся, – на одной ноте сказала Арлей. – И наш долг – убедиться, что брак заключается на добровольных началах.

– Нет, – выдохнули мы с супругом одновременно.

И переглянулись.

Показалось, круонец улыбается, ну, может, не улыбка, а просто клыки в пасть не влезают.

– ...И обеспечить наилучшие условия для создания социальной ячейки.

Мы кивнули.

Глубокомысленно.

А потом меня подняли за шкурку и водрузили на табурет. Повернули слегка, чтобы я видела обеих полномочных представителей, а они в свою очередь имели удовольствие лицезреть меня.

В помятом костюме.

С растрепанными волосами.

И вообще в виде, далеком от совершенства.

– Я не хочу выходить замуж, – сказала я, слегка поерзав. Все же табурет был мало того что небольшим, так еще и скользким до отвращения. И мне казалось, что я медленно и неудержимо сползаю. А падать не хотелось.

– Я не хочу жениться, – поддержали меня.

Вот женишок на насест взлетел легко и устроился вполне себе удобно, во всяком случае по расслабленной позе его нельзя было понять, испытывает ли он какой-то дискомфорт.

Полномочные представители кивнули.

И уточнили.

– Вы заполняли анкету брачного агентства «Золотой лепесток»...

Нкрума скривился.

– ...Чем выразили явную готовность вступить в отношения, классифицирующиеся согласно межгалактическому справочнику межличностных отношений как брачные, требующие подтверждения путем регистрации.

У меня закружилась голова.

То ли от высоты, то ли от заунывности. Арлей говорила низким

голосом, слегка растягивая звуки и подвывая в особо торжественных местах.

– Договор, заключенный добровольно, отмене и обжалованию не подлежит, что соответствует семнадцатой статье пункта...

Мы с женихом переглянулись. И в желтых глазах его я увидела отражение собственной тоски. Да, бюрократия – она везде бюрократия, а уж когда галактических масштабов...

– Соответственно, ваша жалоба не может быть принята и зарегистрирована.

– А моя? – Я поерзала, пытаясь забраться чуть повыше. Все же проклятое сиденье явно было под наклоном. – Я-то анкет не заполняла.

Нано развела пальцами, и в воздухе появился мерцающий экран, полупрозрачный, будто сотканный из воды. Она что-то нажала, куда-то сдвинула и произнесла:

– Сорок два полных суточных оборота назад, согласно летоисчислению вашего мира, вы заполнили анкету знакомств на внутрипланетном сетевом ресурсе, именуемом «Счастье здесь».

Я сглотнула.

И потупилась.

Да, было у меня подобное помутнение разума, аккурат после разлуки с Толиком. Хотелось, помнится, личного счастья, и немедленно.

Пустая квартира.

Одинокие вечера. Тоска непонятного свойства. И безумная уверенность, что если у других получилось, то и я смогу. Портал был популярным, но...

Пара писем сомнительного содержания. Тройка пошлых комплиментов и снисходительное предложение прогуляться до сеновала. Причем желательно, чтобы сеновал этот обустроила я, а заодно и ужин романтический, и вообще отдых от приземленного мира.

– Д-да, – ответила я.

– Этот ресурс был приобретен корпорацией «Золотой лепесток» и, согласно уложению о действии корпоративных правил при поглощении малых структурных элементов...

Голова заняла.

А стул стал еще более скользким, чем мгновение назад.

– ...Ваша регистрация означает...

– Я поняла, – прервала я этот поток речи. – Жалоба не может быть принята и зарегистрирована. А ничего, что меня похитили?

– В соответствии с третьим пунктом договора об оказании

посреднических услуг, принятом вами в полном объеме...

Впредь всегда буду читать лицензионные соглашения.

– ...Агентство имеет право вмешаться в вашу существующую жизнь с тем, чтобы реорганизовать ее должным образом.

Мы вновь переглянулись. И Нкрума слегка пожал плечами.

– То есть помочь нам вы не можете?

– Ассоциация должным образом отреагировала на поступившие жалобы и в процессе расследования постановила...

Со стула я все-таки не сверзлась.

Уже достижение.

Глава 12

Ночь пришла с востока. Она предупредила о приближении прохлады и звоном комарья, которое выбралось из нор, спеша воспользоваться кратким окном приемлемой температуры. Полупрозрачные тела насекомых поднялись над садом. И в мелодичный перезвон их крыльев вмешалось тяжелое гудение шершней. Их тяжелые тела скользили в комариных тучах, распугивая гнус.

Надо будет гнездо поискать, обложить желтыми камнями, чтобы никто не наткнулся ненароком. И при роении отметить, куда молодые матки в спячку залягут.

Нкрума сидел у окна.

О шершнях думалось легко, как и о комарах, что стучались в стекло мелкой дробью. Некоторые садились, позволяя разглядеть и полупрозрачные тельца, и тонкие лапки, и свернутые нити хоботков.

– Страдаешь? – Гарджо подкрался незаметно и, несказанно довольный этим обстоятельством, щелкнул брата по носу.

Тот только отмахнулся.

– Невеста не понравилась?

Не в этом дело.

– Она здесь не выживет, – тихо сказал Нкрума. – Я даже не уверен, что ей в доме безопасно.

Слишком хрупкая.

С тонкой кожей, которую пробьет не то что комариный хоботок, но и тонкое жало пустынной мошки, которая опасна разве что новорожденным.

С теплой кровью, что будет манить всех хищников в округе. С любопытством неумеренным и готовностью лезть туда, куда не стоит. Чудо, что анемоны не плеснули в нее желудочным соком, точно без ожога не обошлось бы.

– Не знаю... она цветочкам понравилась. А Бои бесится... Таль уже сбежал. Прячется на полигоне... ты не хочешь?

– Настроения нет.

– Матушка разослала приглашения. Будет представлять твою невесту старейшинам, ну и всем, кто прибудет. А прибудут, как понимаешь, многие.

Шершень появился в стекле беззвучно, на долю мгновенья сложив крылья. Лапы его, снабженные плотными выростами хитина, впились в комариное тельце. И, прежде чем комар успел подняться, жвалы шершня

ловко откусили ему голову.

Нкрума поежился.

Невесту было жаль, а себя и того жалче. Возникла трусливая мысль бежать, если не в пустыню, то хотя бы с планеты, но...

Матушка этого точно не простит.

– Когда? – со вздохом поинтересовался он.

– Так... завтра. – Братец проводил шершня задумчивым взглядом. – Чего тянуть-то?

И вправду чего?

...Ночь пахла азалиями. Вот никогда особо цветы не любила, и, быть может, нынешний аромат к азалиям имел отношение весьма опосредованное, но вот не шли они у меня из головы, эти разнесчастные азалии.

И еще дом.

И пустыня, голос которой доносился сквозь стены. Я способна была расслышать каждое слово ее. Шелест песков, запертых там, за оградой, которую местные хозяева мнили непреодолимой. Но достаточно было откликнуться, и песчаное море смоеет ее, накроет дом по самую крышу.

Слышала шорох змей.

И шелест крыл неведомых насекомых. И как-то беспокойно мне становилось.

– Что, тяжело тебе? – шепотом поинтересовалась я у сороконожки, которую посадили-таки в банку. Банка была высокой, из толстого стекла и с крышкой надежного вида. Но сороконожка ворочалась и скреблась, норовя пробиться сквозь прозрачную эту преграду.

При звуке моего голоса она замерла.

А после заскреблась с куда большим энтузиазмом, как бы видом своим показывая пример: вот так надо, Агния. А ты лапки сложила – и конец борьбе за независимость.

Тянуло прохладой.

И азалиями.

И кажется, ночной сад был полон жизни, но что-то, наверное, здравый смысл, подсказывало мне, что не стоит туда соваться. Целее буду.

– Дорогая... – Свекровь не удосужилась постучать. Она вплыла в комнату с уверенной неторопливостью океанского лайнера, знающего, что он – самый роскошный корабль в океане.

Белый костюм.

Золотые цепочки на запястьях. Домашние тапочки расшиты круглыми

камнями, которые мне напоминали чьи-то глаза. Пояс с теми же камнями.

Сверток в руках.

– Добрый вечер, – я старалась говорить спокойно. – Я вот... в окно смотрю.

– Это хорошо. Только выходить не следует. Этот мир, полагаю, слишком чужд для тебя.

– Чужд.

Надо же, какое у нас вдруг возникло взаимопонимание.

– Я вообще не представляю, как такое возможно...

– Что именно? – Величественный взмах руки, и сверток превратился в платье. То есть не совсем чтобы в платье: просторные шаровары из бледно-зеленой тюлеобразной ткани, узкая рубашка до середины бедра и просторный жакет, на сей раз изумрудного колеру. – Мне подумалось, что тебе, должно быть, не слишком удобно все время ходить в одном и том же. Поэтому если ты не возражаешь...

Какие вежливые слова, а тон таков, что становилось ясно: не стоит мне возражать.

Я и не собираюсь.

– Я взяла на себя смелость подыскать домашнее платье. Думаю, в нем тебе будет удобно. Завтра доставят другие.

– Спасибо.

Интересно, а белье под это платье полагается надевать?

– Не за что, дорогая... Не за что, – она любовно провела по ткани ладонью. – Это круонский шелк... мы держим несколько ферм с шелковичными червями. Слышала?

– Кто не слышал о шелковичных червях, – пробормотала я.

Белье имелось.

Я просто не сразу поняла, что эти мотки веревочек с запутавшимися в них кусочками ткани и есть белье.

– Действительно... Нам повезло на пески с высоким содержанием кварца. К слову, я собиралась отдать эти фермы за сыном.

Мило.

Это у них так принято, за женихом приданое давать?

– Он, конечно, несколько далек от прикладной биологии...

Я все же присела и покачала головой, надеюсь, выражая именно сочувствие.

– А вот вам, как видела, нравится работать с живым. Анемоны вас признали.

– А могли и не признать?

По губам свекрови скользнула тонкая улыбка.

– У нас не принято трогать чужие цветы. Очень легко остаться без пальцев.

Ага...

А за обедом, стало быть, не судьба была.

– Не стоит переживать. Это адаптированная форма, – свекровь успокаивающе погладила меня по плечу. – Никто не станет держать в доме по-настоящему опасное растение.

Уже легче.

– Самое большее, что вам грозило, – кислотный ожог.

Я сглотнула.

Однако странные у них здесь представления об опасности.

– Иногда ребенку лучше на собственном опыте позволить понять, что есть опасность. Малая боль – большой опыт, так здесь говорят.

Вот что-то сдается мне, что речь идет вовсе не об анемонах.

– Я взяла на себя смелость ознакомиться с результатами вашего тестирования, – она обошла стороной столик, и сороконожка замерла, свернулась клубком и погасла, из яркого насекомого превращаясь в некое подобие камня. – Ваши эмпатические способности... любопытное приобретение.

Ага, как и я сама.

Взвешена.

Оценена.

И признана годной.

Я подцепила пальцем веревочку и, прикинув, как сия конструкция будет выглядеть в итоге, покраснела и положила белье на место.

– Так, говорите, вы знакомы с червями? В вашем мире они тоже встречаются? – Свекровь распахнула окна, впуская в комнату свежий ветер и запах азалий. Но только их. Стоило чему-то крупному и явно агрессивно настроенному подлететь ближе, как оно увязло в завесе.

– Встречаются, – я поерзала. – Гусеницы такие... едят листья, потом строят коконы из шелковой нити. Эти коконы, кажется, кидают в кипяток, чтобы личинка погибла, а затем раскручивают.

Познания мои были куцы и печальны.

– Какое варварство! – не то восхитилась, не то возмутилась свекровь. – Не стоит опасаться, никто не заставит вас уничтожать бедных животных.

Она щелкнула пальцем по гудящему шару, отправляя его в темноту сада.

– Скоро включатся ультразвуковые глушилки, и полог станет

непроницаемым, – сказала она. – Наши черви обитают в песках. Они питаются песчаным крилем, мелкими простейшими, которыми заселены верхние слои. И, охотясь, поглощают огромные количества песка. Органика переваривается, а неорганика преобразуется в пищеварительном тракте. Слюна червей содержит вещества, изменяющие структуру песка. Он превращается в клубки тончайших нитей, которые червь попросту отрывивает.

Лежащий на кровати наряд заиграл новыми красками. Ткань из отрывки песчаного червя – как-то не самая лучшая реклама.

– Дальше уже дроны подбирают, распутывают... Нити получаются исключительной прочности, но в то же время мягкие и тонкие. Это одеяние не пробить ни осе, ни даже шершню.

Понятно. Огламуренный бронежилет для девочки, если той вздумается выйти из дома.

А ведь тянет.

Я слышу, как поет пустыня.

– Конечно, процесс пусть и автоматизирован, но все равно нестабилен, как сама популяция червей. В последнее время их что-то беспокоит. Надеюсь, вы поймете, что именно.

Конечно.

Я же специалист. По внеземным червям...

Слетаю и спрошу. Может, песок несвежий попался или луны не в той фазе сошлись. Кому ж еще в этом разбираться-то?

– Больше веры в собственные силы. – Моя свекровь была неудержимо оптимистична. И это, честно говоря, пугало. – И окажите мне любезность, наденьте завтра это платье, даже если оно вам не по нраву.

– Почему?

Я моргнула, пытаюсь избавиться от навязчивого желания выглянуть в окошко. В окошке этом что-то гудело, и гремело, и возилось, и еще шуршало, намекая, что выглядывать вовсе не стоит, что желание это суицидальное и...

– Не всякий род может позволить себе одеваться в чистый шелк. Как правило, его нити просто добавляют. Но мне хотелось бы показать всем, что мы ценим дар судьбы, Агния... Быть может, мой сын и бестолков, и забыл те сказки, которые ему читали на ночь, но я помню. Если вас примет мир, примем и мы.

Понятно, что ничего не понятно.

То есть моя свекровь все же наступила на горло собственному недовольству и приняла-таки меня в почетные невестки. Но только она. А

завтра мне предстоит знакомство еще с кем-то, кто будет настроен куда более скептически, и потому меня надо нарядить, чтобы у этого кого-то и мысли не возникло, что мне здесь не рады.

Как все запутано.

И бестолково.

– Хорошо. – Я взяла платье. – Я ведь справлюсь без посторонней помощи, верно?

Здесьние слуги меня, честно говоря, несколько пугали. Были они молчаливы, исполнительны и, когда пропадала надобность в их услугах, просто-напросто исчезали.

– Справитесь. – Свекровь, кажется, поняла. – Вас смутили ашшеры? Не стоит воспринимать их как разумных существ. То есть они, безусловно, ограниченно разумны, но являются по сути теми же дронами, просто адаптированными для дома.

Безумие.

Но мое, если уж на то пошло. Кто ж знал, что у меня настолько извращенный разум, да...

– Я постараюсь привыкнуть к ним, – пообещала я.

– Не сомневаюсь, у вас получится. И все же постарайтесь не выходить из дома, ладно?

Я кивнула.

Постараюсь, что уж тут...

А платье село идеально. И надо сказать, белье, оказавшееся еще более развратным, чем я предполагала, было удобно.

Шелк охлаждал кожу.

И был мягок.

Нежен.

И огромное зеркало, в которое вдруг превратилась стена, показывало, что наряд этот странный мне идет.

Этак я и замуж захочу.

Почему бы и нет? Мужчина серьезный. Червей опять же дадут. Он будет дубиной местных мамонтов гонять, а я за прялку сяду. И заживем в любви и согласии.

Глава 13

Нкруму разбудил тонкий высокий звук. Он появился и исчез, стертый недовольным грохотом местного неба, которое к посторонним звукам относилось весьма ревниво.

Показалось?

Или все-таки...

Будто иглой пространство проткнули.

Нкрума потряс головой, избавляясь от остатков сна. Он потянулся и, добравшись до первой панели, вывел на цифровую стену данные с внешней ограды.

Пески.

И тишина.

Старый червь выбрался на поверхность, раскрыл дыхальца и вывалил жабры, жадно собирая капли росы.

Стая бехтов после охоты устраивалась на дневную лежку.

Пустынные змеи выползли погреться на рассветном солнце. Скоро оно полыхнет, заставив рептилий исчезнуть в тяжелых складках песка.

Спокойно.

И значит, все показалось, или...

Он затребовал доступ к станции, и та откликнулась, пусть и с небольшой заминкой.

Утро.

Плотный покров облаков в верхних слоях атмосферы.

Солнце.

Драгоценный желто-красный шар планеты.

И ощущение какой-то неправильности.

Нервы. Чтоб их...

И очередная строчка, на которую отзываются патрульные дроны.

Первый и пятый.

Третий.

Четвертый.

Седьмой.

Шестой в ремонте, код неисправности...

Все как обычно и нет причин для беспокойства. А звук... мало ли какие звуки могут привидеться во сне.

Он все-таки дал запрос на полный доступ, но получил закономерный

отказ: станция переходила на третий субрежим. И значит, стоило ждать солнечной бури, но...

Палочники выбрались на подоконник. И колония тупиков копалась в песке, раздирая кривыми лапами плотные нити нор. То один, то другой тупик, нелепый с виду, короткокрылый и длинношей, обманчиво беззащитный, раскрывал клюв, выбрасывая длинную нить языка. И когда тому удавалось пробить толстое тело норника, тупик ухал.

Они вытягивали личинок.

И хрустели, перемалывая плотные хитиновые покровы. Кланялись самцы, распускали перья, пытаясь привлечь внимание самочек. До сезона брачных игр оставалась еще пара десятин, но молодежь уже забавлялась, а старшие особи наблюдали за нелепыми этими попытками со снисхождением.

Тупики чувствовали приближение бурь лучше, чем кто-либо.

И стало быть, на станции сбой.

Сбои случались, хотя и нечасто... и до серьезных, требовавших непосредственного вмешательства, дело доходило крайне редко.

Нкрума набрал короткую записку в центр.

Пусть проверят.

На всякий случай. Письмо мигнуло, растворяясь в цифровом потоке внутренней Сети, а он вновь попытался получить доступ к внутренней системе станции. Но она ответила отказом: кристаллические щиты подняты. Свободные порты закрыты.

Режим наблюдения.

И охраны.

Пауки выползли, те, что у подножья Красных скал. Семейство добралось до камней, развесило нити разноцветной паутины, пытаясь привлечь мошкар. И старая паучиха, пробежавшись по ловчим нитям, заботливо украсила их капельками липкой росы.

Эти тоже солнечных вспышек не любят.

Ответа не было.

Беспокойство его лишено смысла, ибо нет безумца, который добровольно сунулся бы на Круон, но...

– Дорогой, ты встал? Чудесно! – Матушка была бодра, легка и весьма довольна с виду. – Значит, у нас есть еще время.

– На что?

– На то, чтобы привести тебя в порядок. Тетушка Ашари придет рано, с ней три внучатые племянницы, присмотришь к ним, будь любезен... очень милые девочки.

Матушка взъерошила гриву и, пройдясь по комнате, умудрилась поднять с пола тонкую шелковую нить, переставить рамку с галоснимком и выровнять папку с бумагами.

– Чуть позже подтянутся Гарахо, – она позволила себе поморщиться. – Заявились все семеро... надеются все-таки получить твою шкуру.

– Самому нужна.

Вновь зачесалось в гриве. Вот интересно, почему эта треклятая блоха оживала лишь в матушкином присутствии?

– Я тоже думаю, что с родом Гарахо не стоит иметь дела. Сущие ретрограды. Представляешь, заявили Совету протест. Добиваются, чтобы мы закрыли мир и вернулись к обычаям предков. Хотя памятуя твою страсть...

– Мама!

– Я поняла. Но все же держись в стороне от их девиц. Совершенно безумные создания, с них станется заявить на тебя права и бросить вызов этой девочке.

Захотелось попасть на станцию.

Причем немедленно.

– Но мне хочется верить, что ты сумеешь с ними управиться... А вот на Киш-Ями обрати внимание. У них как раз средняя в возраст вошла. Очаровательное дитя с мягким характером, то, что тебе нужно.

– Мне кажется, – Нкрума все-таки свернул экраны, выведя на стену поликристаллическую поверхность ковра, – мы уже нашли то, что мне нужно...

– Ты про эту девочку? – Матушка присела на кровать и поморщилась: ее всегда раздражала излишняя простота убранства его комнаты. – Она, конечно, милое создание, но тебе не кажется, что вы несколько... несуразно смотрите? Она такая... хрупкая...

Матушка провела ладонью по покрывалу, изменяя его структуру. И ткань утратила темно-песочный оттенок, пошла крупными круглыми завитками всех оттенков золота.

Она пробежалась пальчиками по стене, выбивая код, и та потекла, лишаясь привычного бледно-коричневого цвета. Да и структура ее стала плотнее, появилась иллюзия каменной кладки, грубой и... и это было красиво, но...

– Не стоит благодарить. Я беседовала с этой девочкой, и кажется, ей самой здесь несколько неуютно.

– Мама...

Матушка остановилась у полок, но менять их не стала, слава Древним.

А вот стол потек, приобретая новые очертания, словно камень оплавилось, правда, теперь уже не бурый, а полупрозрачный пустынный янтарь, который добывали со дна моря Ррух.

– Это ведь ты ее бросил вчера, одну, в незнакомом месте, без поддержки и участия. И мне показалось, что мой долг хозяйки дома оказать эти самые поддержку и участие. Не стоит благодарности.

Подоконники сделались чуть шире.

И тоже полупрозрачными.

Ковер сменил цветовую гамму, а из спящих камней потянулись кристаллические ветки псевдомононов.

– Вот так... А то живешь, право слово, как в казарме. Так вот, брак вам заключить придется, в этом нет сомнений, – матушка огляделась и кивнула, в высшей степени довольная своим творчеством. – Это предусматривает договор, как и счастливую вашу совместную жизнь в течение года. И конечно, мы вполне можем себе позволить неустойку, но это нанесет ущерб и нашей репутации, и репутации агентства.

И все-таки звук был.

Вот снова.

Он прокатился по пустыне, заставив паучиху разжать лапы, выпуская полусъеденного кавалера. И тупики замерли, позабыв про норы. Медленно перевернулся на бок червь, но опасным источник звука не счел. В этом мире мало что могло представлять опасность для матерого червя.

– Поэтому наилучшим вариантом будет развод где-нибудь в центральных мирах. Представим это дело как ее инициативу. Девочке заплатим, конечно... Ей хватит, чтобы обустроить жизнь. Я даже готова сохранить ее принадлежность к роду, при условии...

– Мама, хватит! – Нкрума заставил себя отвернуться от экранов. – Отменяй прием. Что-то происходит...

– Что, дорогой?

Она была мила и дружелюбна.

Всегда мила.

Всегда дружелюбна. И порой это злило больше обычного.

– Не знаю. Но происходит... у меня предчувствие.

– Ты просто слишком волнуешься, – она ущипнула его за щеку. – Право слово, не стоит. Просто постарайся быть милым. Помни, что тетушка Ашари терпеть не может, когда кто-то интересуется ее самочувствием. Да и интересоваться-то нечем. Эта старая карга всех нас еще переживет, а вот если ты позволишь себе не спросить о здоровье любезнейшей Тамари, она меня со свету сживет своими нотациями.

Матушка говорила. И говорила...

Ее голос постепенно размывался, исчезали слова, оставался неприятный тяжелый гул, от которого хотелось избавиться, причем любым способом.

...Солнечный свет пробивался сквозь затемненные окна, освещая скорбную фигуру Ицхари, который застыл на подоконнике памятником самому себе.

– Недоброго вам утра, – дружелюбно сказала я, опуская тапку. Увы, местные тапки были слишком легкими, чтобы представлять угрозу для кого-либо.

– Солнце встало, – Ицхари многозначительно щелкнул жвалами.

– Встает, – уточнила я, поскольку процесс этот лишь начался, а следовательно, рань была несусветная. – Как вы сюда попали?

– Я запросил пароль в ваши покои, – он был меланхолично-заунывен, – и Арагами-тари предоставила его мне.

Надеюсь, ночи, проведенной в одном помещении с особью инсектоидного образа, но все-таки мужской, хватит, чтобы счесть меня окончательно опозоренной?

Или...

– И зачем? – Я потянулась.

Спалось, как ни странно, неплохо.

Очень даже неплохо. Кровать была в меру жесткой и пахла свежестью. Одеяло – теплым, но не жарким. Да и само это место... спокойно мне здесь было, да.

– Ваш день грозит быть долгим. – Ицхари двигался медленно, переставляя конечности столь осторожно, будто до конца не готов был доверить им вес собственного тела.

– Это я уже поняла.

– Сегодня вас представят главам родов и их близким, объявив тем самым, что выбор адмирала Нкрумы Одхиамбо из рода Тафари свершен!

Очень рада.

За нас обоих. А за глав Совета с их близкими – тем более.

– Однако блистательная Арагами-тари предположила, что не все будут рады встрече с вами.

Какая нечеловеческая проницательность.

Помнится, в нашем мире родственники свежеокольцованных самцов тоже не проявляли восторга при знакомстве с невестой. Нет, справедливости ради, родичам упомянутой невесты тоже редко

приходились по нраву женихи, но у нас это знакомство кругом родичей и ограничивалось.

– И она просила меня быть подле вас.

– Будьте, – я кивнула.

Действительно неуютненько.

Заявилась откуда ни возьмись.

Захомутила перспективную особь, на которую у местных красавиц, полагаю, собственные планы имелись. А вспоминая клыки оных красавиц, как-то совсем уж не по себе становилось.

– Согласно контракту, я представляю интересы и жениха, и невесты и обязан защитить ваш брак от посягательств извне, в чем бы оные ни состояли.

Жвалы щелкнули весьма грозно.

Да и сам он, если подумать... метра под два ростом, и пусть кажется худым, но куда сильнее человека будет. На передних лапах шипы и зазубрины.

Жвалы опять же.

Да, с такой свитой мне будет спокойней.

– Берко полагает, что вам нужно проявить себя агрессивной особью. Самки это ценят.

Скрипнули суставы.

– Я постараюсь.

Завтрак подали в комнату.

Печенье. Сок бледно-лилового цвета, в который Ицхари запустил тонкий ус и, прислушавшись к ощущениям, отставил стакан в сторону.

– Вам лучше употреблять чистую воду.

Интересно, сразу яд или что поинтересней?

– Эта композиция содержит химические вещества, не совместимые с биологией вашего вида.

– Яд? – не выдержала я, отправляя в рот кусок печенья.

Ицхари задумался.

– Нет, – все же вынужден был признать он. – Вещество окажет сильнейший седативный эффект в сочетании с повышением уровня эндорфинов.

Успокоительное?

Интересно, кто это так позаботился о моей нервной системе? Надеюсь, не свекровь.

– Вам стоит внимательней относиться к потребляемой пище.

К счастью, и печенье, и вода, и круглые белые ягоды кисловатого вкуса

были признаны годными к употреблению.

Ванна.

И полупрозрачная вода. Мягкий халат. Платье, которое, как ни странно, пришлось впору. Расческа. Ицхари наблюдал, не делая попыток помочь.

Прогулка по комнате.

И за ее пределы. Правда, далеко я не ушла.

– Вы действительно собираетесь представить это недоразумение? – Голос Бои звучал резко. – Это... это прямое оскорбление!

А вот что ответила свекровь, я не услышала.

– Или вы рассчитываете, что одна из девиц Гарахо вызовет ее на поединок?

Меня?

На поединок?

Я вздрогнула, представив местную драку. Боже, да я в драках и в саду-то не участвовала, предпочитая решать дело исключительно миром. И пусть порой мир обходился дорого, но...

– ...И перегрызет ей глотку, разом избавив вас от проблем? – завершила блондиночка. – Конечно, скандал будет...

Я отступила, не желая быть замеченной.

И руку на горло положила.

Становилось совсем уж невесело. Я вернулась в свою комнату.

– Может, вы все-таки вернете меня домой? – обратилась я к Ицхари, который был молчалив и как-то слишком уж задумчив, что, признаться, спокойствия не добавляло.

В здравый разум и тихие обшарпанные стены нашей областной больнички? Я зажмурилась, представив эти самые стены, выкрашенные темно-зеленой краской. И даже старый фикус в фойе, где ныне поставили автомат для продажи бахил.

Запах хлорки.

Печальный лик гардеробщицы, поставленной следить за посетителями. И вообще...

Ничего не произошло.

– К огромному моему сожалению, – сожаления в голосе Ицхари не было ни грамма, – это невозможно.

Почему, уточнять я не стала. Бред не отпускает? Значит, надо наслаждаться. И лучше в компании.

– Будьте здесь. – Я потрянула головой, чувствуя, как рассыпается то подобие прически, которое мне вообще удалось соорудить. – Я скоро.

Как ни странно, он послушался.

А я вновь оказалась в коридоре. Итак, вспоминаем экскурсию... Куда идти? Налево? Направо? Прямо? Прямо и потом налево, заглядывая попутно во все комнаты, которые будут попадаться по дороге.

И когда открылась очередная дверь, я поняла, что не найду убежища лучше.

Глава 14

Нкрума сквозь стеклянный полог наблюдал за садом.

Первым, само собой, явилась Ашари-тари, дражайшая тетушка, которую он помнил с юных лет, и воспоминания эти не отличались теплотой. Тетушка была крепка, сильна и высока.

Стара почти как море, но это нисколько не убавило сил, лишь прибавило стержовности характеру.

Платье из темного шелка.

Алые туфли на острых каблуках. Нкрума буквально услышал, как весело цокают они по плитам...

Где мой милый котеночек? Опять похудел? И смотрит букой? Гляди, мальчишек надо держать в руках, иначе вырастут и потом...

Ее зычный голос наполнял дом и вскоре как-то оказывалось, что во всем огромном поместье нет уголка, где Нкрума мог бы укрыться от тетки.

Ныне ее сопровождали младшие родственницы.

Трех привезла.

И все высоки. Фигуристы. И напористы, надо полагать, ибо именно напористость тетушка почитала лучшим из качеств.

– И где этот негодный мальчишка? – Она расцеловалась с матушкой, махнула рукой женам братьев и лишь затем вспомнила о существовании прочих. – Я тебя предупреждала, что ты с ним наплачешься. Строже надо было быть, строже...

Нкрума прижался к стене.

Шерсть его поднялась дыбом, а хвост бешено застучал по полу.

Нет уж, он не станет больше терпеть.

– Ах, вот ты где! Ты посмотри, еще и скалится, мерзавец! – Тетушка ущипнула его за щеку и, ухватив за гриву, пребольно дернула. – Я на месте твоей матушки давно бы тебя...

Грохот возвестил о прибытии других гостей.

– А она все... – Тетушка раскрывала рот, но слова растворялись в этом гуле, и младшие родственницы опустили очи, изображая кротость, но выходило погано.

Кроткими они не были и в младенческие годы.

А еще смеются.

– Иди уже, негодник. – Тетушка вытерла пальцы носовым платочком. – И не вздумай еще больше мать позорить! А вы, девочки, не стойте!

Ступайте, с невестой познакомьтесь... И постарайтесь аккуратно. Что встал? Встречай! Эта старая хрычовка Гарахо вовек не забудет, если протокол нарушите.

На летной площадке было тесно.

Белый гравилет рода Гарахо, огромный и с виду неуклюжий, занял почти все пространство, заставив остальных гостей ждать своей очереди. Три ноги-подпорки ушли в камень, и толстое брюхо расколосось, выпустив широкую ленту трапа.

Тамари Гарахо была одного возраста с теткой, а значит, давно уж разменяла сотню лет, и, несмотря на отменное здоровье, нисколько не мешавшее ей руководить кланом, она всячески любила подчеркивать немалый свой возраст.

И ныне она спускалась медленно, с трудом переставляя ноги.

Туфли?

О да, мягкие, сшитые из рапановой кожи, без каблуков и излишеств. Впрочем, шкура рапана, которого добывали на Хальмской пустоши, сама по себе немалое излишество.

Простой наряд.

Пояс из металлических нитей и крупные алые камни в волосах.

– Ах, дорогая... – она позволила матушке поцеловать себя в щеку. – Как все течет, как все меняется. Еще недавно, помню, приезжала взглянуть на колыбельку этого негодника, а он уже невесту отыскал...

В голосе почтенной Гарахо-тари прозвучало явное недовольство.

Ее свита из семи одинаковых девиц, облаченных в алые наряды, следовала на почтенном отдалении.

– Сам... Чтобы в мои времена кто-то заикнулся о самостоятельности... Вот увидишь, это не к добру... Дай мужчинам волю – и весь мир перевернут.

– А то! – Почтенная тетушка любила появляться там, где не надо. – И этот мир, может, оживет в конце-то концов, а то с такими, как мы, он скоро плесенью покроется.

– Мы чтим заветы предков. – Тамари протянула вялую ручку, которую пришлось поцеловать.

Гравилет поднялся, медленный и степенный, освобождая площадку для новых гостей, а они все прибывали и прибывали.

– Я слышала, что девушка родом из дикого мира...

– Неужели ты всерьез думаешь, что они рискнут...

– А он вполне еще ничего... хотя, конечно, староват и, слышала, ужасающе невоспитан...

Женщин становилось все больше. Они заполнили не только дом, но и сад, растревожив бледные анемоны, которые сочли за лучшее спрятаться в землю. Осы и те, поднявшись было, скоро вернулись в гнездо.

– Ах, поверь, все это вполне поддается коррекции, я тебе скажу больше, во многом его агрессивность проистекает из банальной неудовлетворенности.

Нкрума прижал уши, не желая больше слышать.

И девушку стало жаль.

Ее не подумают щадить. Нет, физического вреда никто не причинит, но ему ли не знать, с какой легкостью здесь могут измарать в грязи одним словом.

Поток гостей иссяк.

– Дорогой, – матушка появилась рядом, – мне кажется, тебе стоит немного успокоиться и найти девочку, скоро начнется церемония представления.

Его провожали любопытными взглядами.

Жадными.

Полными нехорошего предвкушения. И чем дальше Нкрума уходил, тем меньше хотелось возвращаться.

В комнате он живо стащил алую куртку, украшенную шитьем, и полотняную рубаху. Поскреб щеку – в зеркальной стене отразились белая, шелушащаяся кожа и взъерошенная грива. О да, именно таким должен выглядеть настоящий жених.

Древних ради... он не вернется.

Пускай матушка придет в ярость и, быть может, вовсе отречется от неблагодарного сына, тогда... тогда он просто-напросто отправится туда, где и провел последний десяток лет.

С пиратами следовало разобраться окончательно.

Да и проект по исследованию седьмой зоны был весьма интересен.

Именно.

Найдется куда силы приложить.

Нкрума запустил обе руки в гриву и взъерошил ее.

Его костюм нашелся в самом дальнем уголке гардеробной. И кристаллизированное полотно кольнуло пальцы, прежде чем ожить. Оно расплзлось по ладони тонкой пленкой, которая моментально расширилась, растеклась, закрывая кожу.

– И что это такое? – спросили у него с немалым интересом.

Нкрума обернулся.

Его невеста сидела на подоконнике, подобрав ноги, и выглядела

вполне себе миролюбиво, вот только грива вновь поднялась дыбом.

– А ты на всех женщин рычишь или только на меня? – спросила она, дернув себя за рыжую прядку. Прядки были яркими, солнечными, как и рыжие пятнышки на носу невесты. Такой масти Нкрума прежде не встречал.

– Извините, – сказал он. – Это... невольно.

– День тяжелый?

– Похоже на то...

Он присел.

Полотно расползлось, но слишком медленно. Стоило бы поддержать его на солнце, тогда бы все пошло веселей.

– Так что это? – Она указала на ткань, ныне больше похожую на черную кляксу.

– Это костюм... то есть не совсем. На самом деле это колония простейших организмов, связанных друг с другом подобием диффузной нервной системы. Они существуют как бы все вместе, образуя гиперорганизм, и в то же время каждый отдельно...

– Сложно.

– Да, пожалуй, – Нкрума повернул руку. – Их выращивают, а после программируют. Форму можно задать любую, но, как правило, делают специальную одежду.

– Выглядит жутковато.

Она сползла с подоконника, который был для нее несколько высоковат, и приблизилась. От женщины пахло детским мылом и еще – самую каплю – анемонами.

– Тебе не больно?

– Нет. Колония поглощает отмершие чешуйки кожи, пот или любые иные выделения, которые и перерабатывает. Опять же, они способны к фото- и хемосинтезу, что дает немалое преимущество. В такой одежде не жарко и не холодно, она изменяется вместе с телом, а это в некоторых ситуациях... полезно.

Нкрума вовремя остановился.

Не хватало испугать ее еще больше. Впрочем, женщина не выглядела напуганной.

– Ты ведь сбежать собираешься, – сказала она, потрогав черную пленку, которая медленно меняла цвет, мимикрируя под кожу.

– Я? – Изображать эмоции у него всегда получалось дерьмово.

– Собираешься... Я слышала, что они говорят. Меня пока не замечают...

– До представления и не будут.

Разгрузочный пояс нашелся в шкафу. Странно, что матушка его не реквизиовала. Нкрума пробежался по ячейкам.

Стандартизированный паек.

Запасы воды.

Аптечка.

Маячок и система связи. Маячок стоит отключить.

Парализатор. Солнечные заряды. И даже палатка-паутинка. Отлично. Хватит, чтобы продержаться пару ночей.

– Я с тобой, – сказала невеста.

Нет, мысль была воистину безумной, и об этом мне без всяких слов сказало выражение морды разлюбезного жениха, но...

Я не могла остаться в доме.

Я не хотела оставаться в нем!

Да, черт меня побери, мне стоило представить, как я вхожу в зал, полный разлюбезных кошечек, и у меня ноги подкашивались.

– Боюсь, это невозможно.

Он пригладил встопорщенную гриву и отвел взгляд.

– Почему?

А темная пленка, облепившая торс, медленно меняла цвет. На плечах и предплечьях появились бледные полосы и неровные пятна, сам же фон стал темно-песочным.

– Потому что ты там не выживешь.

– А ты выживешь?

Он присел, и наши взгляды встретились. Да, кошек я люблю, но не таких же огромных!

– Я здесь вырос. Я сбегал в пустыню с тех пор, как мне исполнилось десять, но и то могу сказать, что мне везло... Она приняла меня и позволила вернуться.

Теплый.

И больше не похож на нефтяное пятно. А шерсть колется.

– Наш мир жесток к чужакам, поэтому сюда не приходят туристы. Они хотели бы, но мы не примем, потому что нам не хочется отвечать за чужую смерть. Ты видела сороконожку...

Еще бы, я ее теперь часто вижу, она, кажется, неплохо обжила банку, и мясные шарики, которые я ей кидала, пришлись твари вполне по нраву.

– Ее укус будет для тебя смертелен, а она не самая страшная из того, что там водится.

Разумом я понимала, что идея, пусть и оригинальная, здравомыслием не отличается. Однако врожденное упорство, которое покойная моя бабуля именovala шлеей под хвост, не позволяло отступить. Кроме того, где-то в глубине души вспыхнула иррациональная надежда: если я умру здесь, то очнусь там.

В кино ведь так бывает?

Нет, в целом мой настрой был весьма далек от суицидального, но...

– Я с тобой, – повторила я упрямо.

И кулачки сжала.

Пригрозить бы ему, но чем?

– Если не возьмешь, я закричу, – предупредила я. – Громко...

Нареченный лишь вздохнул.

Нкрума всегда знал, что спорить с женщинами – занятие пустое и неблагодарное, они в любом случае окажутся правы, а если и нет, то все равно останешься виноват в их неправоте. И, взглянув на невесту, вынужден был признать: не отступится.

И что делать?

Не то чтобы он крика испугался, благо звукоизоляция в доме пока работала, но вдруг да станется с нее следом пойти? Дальше охранного периметра она вряд ли уйдет, хотя женские пути неисповедимы. Да и в пределах периметра достаточно опасных созданий.

– Я буду хорошо себя вести, – пообещала она.

Нкрума не поверил.

Но кивнул.

Пять минут... или десять... полчаса – самое большее, и она сама запросится домой, а Нкрума с преогромной радостью просьбу исполнит. Свяжется с братцем, раз уж по его вине обрел это недоразумение, на котором все же придется жениться, и пусть тот заберет невесту.

Надо к змеям ее сводить.

Женщины, как подсказывал опыт, змей воспринимали не слишком благосклонно – то ли сходство характеров сказывалось, то ли инстинктивное отвращение... В любом случае даже матушка, несмотря на свое хладнокровие, змей предпочитала исключительно в виде сумок.

Или туфель.

А если песчаные гадюки не образумят, всегда остается паучье логово. Там как раз сезон брачных игр.

Определенно, полчаса ей хватит.

– Хорошо, – сказал Нкрума, стараясь не улыбаться. Нет, он не

отличался злорадством и вообще характер имел на редкость уравновешенный, если верить личному делу. Однако предстоящая вылазка наполнила душу странным предвкушением.

И чувство это, весьма далекое от светлого, Нкруме нравилось.

– Но ты должна будешь слушаться меня...

Старый ящик хранил множество самых разных вещей. От молочных клыков, которые Нкрума старательно собирал, надеясь однажды сделать ожерелье, до детского комбинезона. Эта колония давно впала в спячку, следовательно, код успел обнулиться.

– И что мне с этим делать? – Женщина поморщилась, но приняла запечатанную колонию.

Глава 15

...На сливу похожа.

Такую черную, с седоватым налетом сливу, довольно плотную на вид.

– Сожми в кулаке, – сказал жених.

И посмотрел так, с насмешечкой. Думает, отступлюсь? Нет, в черной жиже мало приятного, но отступить я не привыкла. А потому закрыла глаза и изо всех сил стиснула подарочек.

Что-то треснуло.

Хлюпнуло.

И руке стало тепло и влажно, впрочем, вскоре тепло сменилось холодом, а черная жижа, просочившись сквозь пальцы, растеклась по тыльной стороне ладони. Плевать она хотела на законы физики.

– И дальше? Мне раздеваться?

Жених пожал плечами:

– Если есть желание. Но, в принципе, одежда для них не является преградой.

Я чувствовала, как оно расползается по телу, и с трудом сдерживалась, чтобы не завизжать. Неприятно – и все тут, будто змеиную шкуру натягивают.

– А оно в рот не полезет?

– Нет. – Он наклонился и, достав из коробки нечто круглое и плоское, протянул мне. – Это маска. Крепится...

У виска, я поняла.

Надо было лишь прижать, и треклятый диск сам прилип к коже, чтобы в следующее мгновение распуститься полупрозрачными лепестками. Я и пискнуть не успела, как оказалась внутри пузыря.

– Спокойно, – жених удержал меня за руки. – Это нужно, чтобы ты не задохнулась, если поднимется ветер.

– А ты?

– Я уже взрослый. У меня волосы в носу растут. Естественный фильтр. И роговица куда плотнее вашей.

Я только и нашлась, что кивнуть. Оказывается, и от волос в носу есть польза. Пузырь перестал быть пузырем, лепестки опали, плотно облепив лицо, но на сей раз ощущение не было неприятным. Воздух эта маска пропускала, а остальное... привыкну.

– Пояс. – Он протянул что-то, больше напоминающее сбрую.

– Спасибо.

Сама бы я с ней долго провозилась, а вот жених мой с этой упряжью разобрался за пару секунд. Что-то подтянул, что-то подправил, и вот уже я – гордая обладательница собственного пояса с парой пистолетов, а заодно двух перекрещенных на спине пулеметных лент.

Патроны, правда, были веселеньких расцветок.

– Картриджи для воды. – Нкрума коснулся бледно-голубых. – Стандартизированный паек.

– А он не испортился?

Ящик выглядел несколько запылившимся.

– Срока годности не имеет. Антисептик для первичной обработки ран. Противоаллергенное. Универсальное противоядие против ядов гемолитического типа, нейролептиков...

И чем дальше он говорил, тем яснее я осознавала, что идея и в самом деле была неудачной. И если бы не шлея... нет, не шлея, а гордость.

Признать, что была не права?

Ни за что.

Поэтому слушала. Кивала. И пыталась запомнить.

Пакет для остановки кровотечений с биоклеем. Колония кровезаменителей. Порошок от... порошок для... Боже мой, надеюсь, ничего этого мне не пригодится.

– И последнее, – Нкрума вытащил серебряную звездочку, которую ловким движением приклеил мне на лоб.

Вот тебе и Царевна Лебедь, чтоб ее... Осталось месяц под косу – и будет совсем хорошо.

– Это маячок. Если вдруг что-то случится, достаточно нажать, и пойдет сигнал спасателям. Эвакуируют в течение получаса. Понятно?

Понятно.

Дайте два... а лучше три, ибо не с моим везением... Но я промолчала и выдавила из себя улыбку.

– Идем, да?

Он тяжело вздохнул, бедолага, не повезло же ему.

Нкрума подошел к окну и, надавив на подоконник, поднял тяжелую раму. Поманил меня.

– погоди, – я остановилась, понимая, что если сделаю шаг, то обратного пути уже не будет. И пусть мне не сильно нужен этот обратный путь, но...

Насмешливо приподнятая бровь.

Надо же, и на этой львинообразной физии возможны эмоции.

– Волосы. Подобрать надо. – Я забрала волосы в хвост. – Веревочки не найдется?

Плести косу на скорость я еще в университете научилась, и не только быстро, но и аккуратно, ибо будущий врач должен быть всецело опрятен.

Веревочка нашлась.

И Нкрума с мрачной торжественностью перевязал ею мою косу.

– Может, все-таки останешься? – спросил он, впрочем, без особой надежды на согласие. И я не стала разочаровывать, помотала головой.

Столько мучений, чтобы остаться? Нет уж, прогулка так прогулка.

Ветер принес запах песчаной бури.

Тонкий аромат, который тотчас растаял, оставив на языке непривычную сладость. И наверное, не стоило ветру верить.

Он еще тот обманщик.

Анемоны были спокойны. И пара медвяниц медленно ползала меж корней их. Поблескивали на солнце медные панцири, медвяницы были неторопливы и деловиты.

Буря, если и будет, то нескоро, к ночи, скорее всего. Успеют вернуться.

Нкрума перемахнул через подоконник и подал руку. Девушка была очаровательно неловкой. Встав на колени, она свесила голову, разглядывая что-то на земле.

– Извини, – ее голос чуть дрогнул. – У вас все иначе. Я никогда не была в пустыне. Раньше.

– У вас пустынь нет?

– Есть... и большие, но не такие, как ваша.

Анемоны замерли.

И спустя мгновение зашевелились, закачались, меня окрас, будто желали понравиться ей. Глупость, это лишь реакция на чужака.

– Иди рядом. – Нкрума ступал по той дорожке, которая вела к забору в обход дома. Другая была короче, но пролегала аккуратно перед окнами. Ему же совершенно не хотелось быть замеченным матушкой.

Вряд ли она поверит в историю о романтической прогулке.

Невеста шла осторожно.

И старалась не шуметь, но получалось у нее плохо.

– Можешь не таиться, – сказал Нкрума, когда переступил черту сторожевых лиан. Разморенные солнцем, они были по-дневному ленивы. Темные плети побегов шевелились, но вяло, скорее прислушиваясь к происходящему, чем намереваясь остановить.

Охрана переведена в режим гостевого дня. И лианы отдыхают, как и

тонкие, почти скрытые в их зарослях клубки игольников.

– Это не похоже на пустыню. – Невеста остановилась у клубка, который раскрылся, ошетинился сонмом бледно-лиловых колючек. – Красивый...

Игольник качнул редуцированными листочками.

– Здесь есть вода... в принципе есть, на глубине. Приходится прокладывать скважины, выводить на поверхность, но...

Она вновь кивнула и не стала возражать, когда Нкрума взял ее за руку. Ладонка хрупкая, как стебель того же игольника, который чуть сдави – и рассыплется.

Правда, осколки вопьются в кожу, открывая симбионтам доступ к свежей крови, и воспаления не избежать.

– Здесь многое в замкнутой системе. Вода очищается, часть поступает наружу, поддерживая сад, остальное – возвращается в дом. Есть накопительные баки – на случай дождя.

– А дожди бывают?

– Последний шел, когда мне было тринадцать. Я хорошо его запомнил.

Она позволила увести себя, и острые шапки игольника, который уже не выглядел опасным, покачались ей вслед.

Нкрума и вправду помнил тот дождь. Темно-сизое небо. Вода, которой вдруг стало слишком много. Грохот капель по крыше. И матушкино беспокойство – как бы не смыло новую платформу, ее ведь только-только на пустоши вывели.

Дождь шел сутки, наполнив доверху не только запасающие баки, но и каверны в скалах. Песок и тот, казалось, набряк, сделавшись тяжелым, темно-лилового оттенка. И в нем, будто в смоле, вязли черви.

Один прибил к самым воротам, молодой, ошалелый, он захлебывался водой, не зная, куда деваться от ее изобилия.

Потом всю ночь рокотали жабы.

Нет, в жизни Нкрумы были и другие дожди.

Тяжелые болота Ашварры.

И зыбкие туманы третьего мира, где разумные обитали в стеклянных куполах, потому как по туманам приходило всякое.

Затяжные ливни Ульвы, когда и пластик начинал гнить.

Да, всякое было, но...

– У нас воды много. Пресной – так не очень, а соленой – целые моря. Я на море как-то была. Однажды... – она шла рядом, уже не замечая, что сама держит его за руку, и странное дело, ощущение теплых пальцев в ладони успокаивало.

Еще не поздно вернуться.

Или все-таки... не станет он ее змеями пугать. К гнездовьям сводит, покажет молодых шейраков. Покрытые бледным сизоватым мехом, они обычно нравились женщинам.

Пустыня встретила порывом прохладного ветра, который скользнул по гриве, оставив мелкую пыль солончаков. И значит, буря придет оттуда.

Она уже почти родилась на переломе жары и холода. Еще немного – и небо треснет, выпуская новорожденный вихрь. Сначала он хрупкий, бледный и с трудом удерживается на тонкой ножке. Он зачерпывает горсть за горстью песок, выстраивая тяжелую стену, ограждаясь ею от мира. Но пройдет не так много времени, и вихрь окрепнет.

Всосав не только легкую пыль солончаков, но и тяжелые бурые глиноземы, он окрасится алым и черным и подхватит мелкие камни, украшая чудовищный наряд свой. И небо встретит его громом.

Молнией полыхнет.

А потом и вовсе выкатит армаду черных туч.

Да, далеко уйти не получится, еще час-другой, и ветер окрепнет, завьюжит, стирая дорожки. Вон и толстый шмель спешит убраться в нору, пока не замело ее песком. А на гребень ближайшего бархана выкатило пару колючих шаров бездорожника.

Верная примета.

Нкрума потрянул гривой и обратил внимание на женщину, которая стояла тихо, очень тихо.

– Страшно?

Она вздрогнула, будто очнулась, и покачала головой.

– Нет...

И Нкрума поверил.

– Здесь очень красиво, – она сделала вдох и прижала руку к лицу. – Почти не чувствуется.

– Так и должно быть... она фильтрует довольно крупные частицы. Песок. Соль. Пыльцу вот...

– Здесь есть растения?

– Есть. – Нкрума огляделся и, отыскав то, что хотел, потянул женщину за собой. На растение, конечно, бессмертник походил слабо, этакий сухой сучок, торчащий из земли, но поутру...

Время близилось к полудню, но запас воды имелся достаточный. Бессмертнику хватило нескольких капель, чтобы серый сучок вздрогнул, потянулся, выпуская бледные дрожащие листочки. Покрытые мелкими ворсинками, они отлично аккумулировали росу, передавая ее стеблю,

который скрывался глубоко под землей.

Еще пара капель – и листья дрожат от неслыханной щедрости. И спеша использовать мгновение, бессмертник выталкивает цветочные побеги, свернутые тугими спиралями. Они лопаются, высыпая облачка пыльцы, которые ветер сметает в мгновение ока.

И красные яркие цветы в оправе серебристых листьев дрожат на солнце.

– Удивительно. – Женщина протянула руку. – Никогда бы не подумала...

– Большую часть времени он спит, выставив наружу сторожевой побег, а вот если случается обильная роса, тогда зацветает. В тот раз, после дождя, вся пустыня была ало-золотой.

Ветер загудел.

– А мы здесь останемся? – уточнила женщина, оглядываясь на молчаливую стражу из камней. Песок подбирался к ним, но не рисковал пересечь границу.

Вернуться...

Или рано еще? Она крутила головой, щурилась, пытаясь рассмотреть хоть что-то в желто-золотом море песка. И вряд ли заметила красные тени на вершинах гряд, предвестников грядущей непогоды. И солнце для нее было непривычно ярким, но и только.

Здесь надо родиться, только тогда слишком уж яркая белизна сегодняшнего дня покажется опасной.

Или заметишь, как скользнула под ногами змея, правда, показываться не решилась – те, кого она чуяла, были слишком велики, чтобы счесть их годной добычей. А вот дальше змея, да и Нкрума слышали тихий шорох песчаного скорпиона, обустроивавшего гнездо.

– Если хочешь, можем прогуляться.

Он, честно говоря, надеялся, что она откажется. Но женщина кивнула и сама протянула руку. Она шла, неумело ставя ноги, а потому проваливалась в песок по щиколотку, а порой и глубже. И гром ее шагов разносился по окрестностям.

Он наверняка взбудоражил стаю шаганов, заставив матерого вожака, не раз водившего сеголеток на охоту, рычать, успокаивая их, жаждущих легкой добычи. Вожак был слишком стар, чтобы поверить, что такая неуклюжая особа будет одна.

Он пробудил от полудремы червя, заставив того опуститься глубже, на всякий случай уходя от острог.

И распугал пяток пауков, развесивших сбрызнутые соком сети на

ветвях колючника.

А женщина прошла мимо и не заметила.

Она то и дело останавливалась.

Оглядывалась.

Вздыхала и шла дальше, спокойная и тихая.

Ее молчание было по вкусу пустыне, и потому, пожалуй, очередная сороконожка, выбравшись из песчаной складки, скользнула под ноги, но не тронула. А огромный жвалыг лишь зашипел, раскрыв полупрозрачные крылья.

– Что он делает? – Женщина предупреждению не вняла, но остановилась, разглядывая жвалыга.

Хорошо хоть, гладить не полезла.

– Защищает кладку. Видишь, чуть левее, – Нкрума на всякий случай положил руку на ее узкое плечико. – Кокон с яйцами... жвалыг охотится на ос. Не только на них, но с осами у него получается лучше всего. Он их травит, но не до смерти, и складывает в кокон, чтобы личинкам было что есть.

– И наши осы так делают. – Она отступила. – Только наши мельче и жалят больно...

Поместье отсюда было видно.

Темная черепица крыши пила солнечный свет. К вечеру все ячейки энергохранилища будут заполнены.

Это хорошо: грядущая буря затянется на несколько дней. И похоже, знакомства с родичами избежать не выйдет. Нкрума, конечно, не слишком рад, но одно дело – сбежать в пустыню, и совсем другое – погибнуть там. Самоубийцей он не был.

– Он... такой маленький, – она прижалась к нему, ища опору. – Как будто игрушечный. И кажется, что если ветер хорошенько дунет, то дом засыплет песком.

– Вполне возможно. Такое уже случалось...

Она вздрогнула.

– Дроны всякий раз раскапывали. Дом способен существовать в автономном режиме до полугода, а при некоторой экономии энергии и того больше, но обычно нас откапывали в течение пары дней.

Кажется, это ее не успокоило. И пальцы стиснули его ладонь сильнее.

– Если хочешь, можем вернуться...

В следующее мгновение произошло сразу несколько событий.

Женщина отступила и оступилась, нелепо взмахнула руками, пытаясь сохранить равновесие, и все же рухнула на спину, потянув его за собой.

Нкрума пытался ее удержать. Но вместо этого рухнул сверху, едва успев выставить руки, чтобы не раздавить ее. А песок вдруг взвизгнул.

Вздрогнул.

И поднялся белесой волной, которая ударила по спине. Застучали мелкие камни, и небо вдруг полыхнуло всеми оттенками алого. По ушам ударила ультразвуковая волна, заставив сжаться, чтобы не допустить трансформации.

И горький ветер принес запах гари.

– Что это было? – тихо поинтересовалась женщина, не делая, впрочем, попыток подняться.

Глава 16

Стоило оказаться снаружи, и мне тотчас захотелось вернуться под защиту белых стен. И плевать, что там мне не рады, но не сожрут же, в самом-то деле! А вот пустыня, она может... Я кожей чувствовала ее интерес, пока спокойный, осторожный даже, но... Я ведь понимала, что стоит ей пожелать...

Пустыня неразумна?

Отнюдь.

Быть может, какая-то другая и лишена разума, а эта... эта смеялась надо мной, и смех этот колоколом звучал в моей голове.

Она играла.

Дети играют с песком, но бывает ведь и наоборот? Я даже не ребенок, я всего-то жалкое мгновение между существованием и...

Успокоиться.

Взять жениха за лапу, то есть за руку, пусть и походила она на лапу... и успокоиться.

Убрать из головы всякие нехорошие мысли о том, что, к примеру, ему достаточно отвести меня подальше и забыть, а там... несчастный случай.

Несчастный случай мне и в доме устроить могли бы.

И уж точно тогда не стал бы он с костюмом возиться.

Я шла.

Проваливалась.

Выковыривала себя из песка.

Привыкала.

Жарко? Но странное дело, жара больше не казалась мне невыносимой, напротив, мне было вполне комфортно.

До тех пор, пока я не рухнула на песок.

Сверху грохнулся жених, а потом что-то грохнуло, свистнуло, и пустыня отозвалась на этот свист гневным рыком. Звук этот, исходящий откуда-то из глубин, заставил меня содрогнуться всем телом.

А потом небо вспыхнуло.

И отчетливо запахло горящим пластиком.

— Что это было? — поинтересовалась я, от души надеясь, что это гроыхало какое-то их местное чудо света, и вообще небо у них по пятницам имеет обыкновение сиять, а пластик... мало ли что посреди пустыни гореть может?

Нкрума поднялся.

Двигался он медленно и, как мне показалось, скованно, будто каждое движение причиняло ему немалую боль. Руку протянул.

А я приняла.

Мне из песков выковыриваться непривычно, пусть и оказались они мягкими, но...

Я встала.

И вытряхнула песок из складок одежды.

Из волос его тоже не мешало бы вычесать, да и макушка нагрелась, а бабушка мне настоятельно советовала не гулять в жаркий день без шляпы.

Жених молча протянул мне отрез мягкой белой ткани.

И поняв, что я не представляю, что с ним делать, знаком показал повернуться.

– Ты ранен?

Сердце ухнуло в пятки.

Если ранен, то что мне делать?

Он покачал головой.

И, сложив кусок ткани пополам, накинул его на голову, завязал сзади узлом.

– Извини, – произнес он хриплым голосом. – Мне следовало самому подумать.

– Что случилось?

Он развернул меня к дому.

К тому месту, где раньше находился дом, а теперь из песков поднимался темно-лиловый купол, весьма серьезный с виду купол. И подумалось вдруг, что появление его не входило в планы.

– Мы... не вернемся? – на всякий случай уточнила я.

И Нкрума вздохнул.

Глава 17

Женщина не скандалила.

Не кричала. Не пыталась выставить его виноватым, хотя Нкрума как раз и был виновен. Не стоило тащить ее в пустыню. Что бы ныне ни происходило под куполом, там все равно было безопасней.

Над головой свистнуло, и небо распорол белесая полоса атмосферного следа.

Еще одна.

Значит, флотилия.

Чья?

Круон находится в особом статусе, следовательно, вряд ли кто-то из миров Лиги. Там есть безумцы, но не настолько же, чтобы...

И купола давно признаны незаконными.

Нынешний, судя по насыщенному лиловому оттенку, геологический, внешней разведки. Такие давно уже не производят.

Гадостное предчувствие окончательно оформилось.

Не было сбоя.

Вирусная атака, вероятнее всего, через условно нерабочий дрон. Проклятье... и непозволительная беспечность. А главное, непонятно, что им надо.

Мечь?

Не сказать, что пираты были избавлены от этого чувства, но...

Голова Нкрумы не настолько большая ценность, чтобы собственной рисковать. Да и слишком хорошо спланирована эта акция. Нет, поместье выбрано явно неслучайно.

Время?

Здесь им, пожалуй, повезло. Или нет? С одной стороны, несомненно, заложники, и весьма ценные... с другой – кто бы ни привел сюда свой клан, он плохо представлял, на что способны женщины, оказавшиеся взаперти.

Нкрума тряхнул головой, избавляясь от остатков адреналинового оцепенения.

Дом закрыт.

Защищен.

И проникнуть туда не выйдет... пока.

А вот они остались в пустыне. И что-то подсказывало, что о генераторе помех пираты тоже позаботились. Звать на помощь

бессмысленно, а возможно, и опасно.

Твою ж...

Женщина стояла рядом. Смотрела. И в глазах ее Нкрума прочел немой вопрос.

– Нам придется некоторое время провести в пустыне... – каждое слово приходилось выдавливать.

Она кивнула и, слава Древним, не стала уточнять, сколько именно времени и как долго они вообще могут здесь продержаться.

Мысль почти ускользнула, но Нкрума сумел ее зацепить.

Древние.

И их потерянный город, который вырублен в скале, а значит, при толике везения не будет засыпан песком. Буря приближалась, и пустыня шептала о ней, а еще о чужаках, которые вторглись, нарушив равновесие.

До города не так далеко, если разобраться.

Сам бы он долетел моментом, но с женщиной... Нкрума вспомнил, как она шла, проваливаясь в пески, и вынужден был признать: сама она не доберется ни через час, ни через два, ни в принципе.

Он вздохнул и потер шею.

– Скоро начнется буря... песчаная... это сильный ветер и...

– Я представляю. Примерно.

Песчаная буря – это именно то, что нам нужно для полного счастья. Я смотрела в желтые глаза жениха и осознавала, что он – моя единственная, мать ее, надежда выжить.

Припекало солнышко.

Мерцал купол, укрывший дом. Пески лоснились, лежали шелками, но больше не казались мне столь уж прекрасными. Что-то подсказывало, что до ближайшего жилья здесь не пару километров, да и вовсе не предназначена эта пустыня для подобных переходов.

И значит, мы здесь без воды.

Еды.

И вообще без надежды выжить. Я коснулась было звезды, но Нкрума покачал головой.

– Не стоит. Привлечет лишнее внимание. Нам сейчас надо добраться до одного места. Там переждем бурю, а потом решим, что делать дальше.

Говорил он спокойно и уверенно, будто подобное случалось в его жизни и прежде. Хотя, может, и случалось. Что я вообще о нем знаю?

– И куда идти?

Я переминалась с ноги на ногу.

Куда ни глянь – пески, одни – темно-рыжие, будто ржавчиной посыпанные, другие – почти белые, не пески, а лед, и посверкивают на солнце примерно так же.

– Высокое содержание кварцевых солей, – сказал Нкрума, заметив мой интерес.

О да, это именно та информация, которая мне теперь жизненно необходима. А все-таки странные у меня фантазии. Нет бы вдвоем на острове, чтобы пляжи, пальмы и море... Допустим, вдвоем мы были и пляж имелся, а что до остального – на свой мозг жаловаться дело неблагодарное.

– Ты не дойдешь. – Нкрума опустил на песок. – Ты слишком... чужая.

То есть мелкая и слабая.

Верно, я и в походы ходить не любила, в самые обыкновенные, не видя особой романтики ни в кострах, ни в комарье, ни в дневных многокилометровых прогулках с рюкзаком на спине.

Но это же не значит, что меня бросать надо!

Я пойду.

Я ведь понимаю, что это наш единственный шанс, и вообще... Суицидальные наклонности, приведшие меня в пустыню, вдруг куда-то исчезли. И теперь я хотела одного – жить. Пусть в странном этом мире, населенном чудовищными существами, но жить.

– Я смогу.

Он покачал головой.

Правильно.

Я слишком медлительна. И не умею ходить по песку, проваливаюсь. И если времени мало...

– Я тебя понесу, – сказал жених.

– Что?

– Понесу, – он опустил на четвереньки. – Но мне придется... немного измениться.

Я кивнула.

И не стала уточнять, как именно он будет меняться. К чему, если и так увижу.

– Изначально предки даровали нам два обличья. Второе более приспособлено к жизни в песках, и молодым принимать его легче. Когда-то я любил выходить на охоту, но давно уж...

Хвост его нервно дернулся, а уши прижались к голове. И что-то подсказывало, что вынужденные перемены жениха не радуют.

– С возрастом мы стабилизируемся. Чем старше, тем сложнее меняться, и существует вероятность застыть в иной форме. А это не совсем... приятно.

Я вновь кивнула.

Надеюсь, с умным видом.

– Она более примитивна, но инстинкты обострены, и это именно то, что нужно для пустыни. – Он поскреб удлинившимся когтем ухо. – Тебе не стоит пугаться.

– Не буду, – пообещала я, смутно подозревая, что исполнить обещание будет непросто.

– Хорошо. Я запомню твой запах и... – Он махнул рукой и добавил: – Я хорошо справляюсь со своей животной стороной.

Очень на это надеюсь.

– Отвернись, – попросил Нкрума, и я послушно повернулась к нему спиной.

А вот те пески настоящее золото, так и тянет подойти, запустить руки и поднять, позволяя золотым струйкам просачиваться сквозь пальцы.

Золото живое.

И оно будет ластиться ко мне...

Глухое ворчание заставило обернуться.

И кажется, я икнула. Хотела крикнуть, но голос исчез. Да, он, конечно, предупреждал, но как-то недостаточно, что ли, предупредил?

Второе обличье, стало быть.

Ну, если подумать, дома мужики после свадьбы частенько козлами оборачиваются, если не кем похуже, а мне вот лев достался. Не образно говоря, а самый натуральный такой, здоровущий... Я в зверинце была, видела. Так вот, мой был крупнее раза этак в два.

Или в три?

Стоит.

Разглядывает меня желтыми глазищами.

Морда плоская. Усы торчат, нос широкий. Грива, опять же, на месте, и блески из нее не все исчезли, значит, точно женишок. Ага, полосы на морде тоже узнаю.

Улыбается.

Смешно ему? А у меня колени дрожат, только дрожь эту я стараюсь не показывать. Стою, гляжу. Любуюсь, так сказать, мощью нечеловеческой. Шкура золотая, с более темными полосами. Лапы широкие, когтистые. Ступает мягко, мышцы под кожей перекачиваются. И дурная мысль в голове: а как он меня понесет?

Надеюсь, не в зубах.

Что-то не внушает мне его доброжелательный оскал доверия.

– Знаешь, – сказала я хрипло, когда речь ко мне вернулась, – женщин по-другому предупреждать надо.

Лев присел и чуть наклонил голову.

– Примерно вот так: «Дорогая, ты только не нервничай, я котиком стану... большим таким котиком».

Он хмыкнул.

И, протянув лапу, выпустил когти. Выглядели они внушительно.

– А вот пугать меня не надо.

Я все же потрогала коготь.

Острый.

Интересно, на кого он тут охотится? Но, как меня учили, свято место пусто не бывает. Если водятся львы, то должны быть и антилопы, или что тут у них бегают? Главное, что голодная смерть нам, похоже, не грозит.

Лев рыкнул и растянулся на песке, наклонился, подставляя шею.

Верхом, стало быть?

– Ты уверен? – я потрогала жесткую шерсть.

Не то чтобы у меня возражения имелись, все же лучше верхом, чем в зубах, но от седла я бы не отказалась, и вообще жизненный опыт мой подсказывал: ехать, конечно, всяко лучше, чем идти, но всадник я совершенно никакой.

Лев заурчал.

И хвостом шлепнул.

Ну да, конечно, у нас тут буря и полный армагеддец, а я за отсутствием седла страдаю.

– Как знаешь. Только ты, пожалуйста, осторожно...

Спина у него оказалась широкой.

А грива – достаточно длинной, чтобы за нее уцепиться.

Лев поднялся. Двигался он медленно, осторожно, явно опасаясь ненароком стряхнуть меня. Этакая забота умиляла.

А Толик, если и вспоминал о моем существовании, то лишь когда его собственная зарплата заканчивалась. Ну или запас чистых носков иссякал.

Двигался лев мягко.

Сначала шагом. Медленно. И быстрее... еще быстрее... В какой-то момент я растянулась на его спине, обеими руками вцепившись в густую гриву.

Глава 18

Она была легкой.

И смелой для такой малютки. Испугалась, конечно, но это нормально. Его, помнится, после первой метаморфозы и кадеты стороной обходили. Дирекция и та вызывала, уточняла, сохраняет ли Нкрума в ином обличье разум.

Сохраняет.

И довольно ясный.

Нет, пустыня, как обычно, изменилась. Ярче стали запахи, ожили звуки, а вот цвета поблекли. Зрение в этой форме было отвратительным, и пришлось сделать усилие, чтобы перестроиться.

Серая тень на сером песке – это змея спешит к камням, чтобы укрыться от грядущей бури. И другая – гархам парит над пустыней, а вдалеке – еще пара. Их он мог рассмотреть почти в деталях, а вот близкие предметы представлялись размытыми.

Пустыня гудела.

Скользили пески, меняясь друг с другом. И подземные, холодные норовили выбраться на поверхность, захватить еще солнца. На нем же бледные пятна стали ослепительно яркими.

Пахло ветром.

Гарью.

Никак сожгли флаер, поскольку в гравилетах пластика не было. Отлично, что сожгли. Плохо, что один. Когда все закончится, надо будет всерьез заняться охранным периметром.

И дополнительные спутники вывести.

Совет должен одобрить. Быть может, и хорошо, пусть посидят денек-другой в компании пиратов, заодно перестанут видеть в них большую фантазию одного испорченного цивилизацией самца.

Мысли были неподобающе злорадными.

А бежалось легко, и если поначалу Нкрума осторожничал – женщине явно впервой было передвигаться подобным способом, то постепенно успокоился. Она крепко стиснула бока ногами, растянулась на спине и обняла за шею.

Было не больно.

Интересно.

И еще немного страшно, поскольку буря приближалась куда быстрее,

чем он предполагал. Она шла с востока, пока еще неторопливая, но с каждым мгновением набирающаяся и силы, и ярости. И пески скрипели под тяжестью вихрей.

А черви поспешно уходили на глубину, надеясь, что буря сдерет лишь верхний слой песка.

Жизнь замирала.

А город, обычно такой близкий, теперь казался слишком уж далеким. И Нкрума, сделав прыжок, замер. Сидит? Отлично. У нее и выбора-то нет. Хорошо, что она сама это, кажется, понимает.

Тело загнуло.

И пустыня ответила на зов своего сына.

Ровной дорогой.

Крепким песком. Лапы поднимали пыль, но не проваливались в пливунцы-обманки. И буря застыла. Это ненадолго. Даже пустыня не способна остановить ее, но несколько минут...

Вдох и выдох.

И прыжок. Перебежка по узкой белой дорожке, пролегшей между двумя окнами жижицы. Хорошо, что твари всякие попрятались и нет нужды осторожничать. И снова прыжок. Бег... прыжок через низкую гряду скал... вой бури, получившей свободу... врата... и здесь можно передохнуть.

Не остановиться, но хотя бы перейти на рысь.

Тень.

Прохлада.

Красный камень, испещренный трещинами. Черные зевы пещер, соваться в которые безумие, но еще большее безумие – оставаться снаружи. Большой зал слишком близок к поверхности, а потому высока вероятность, что его засыплет.

Нет, потом пески отступят.

Всегда отступают, но, в отличие от древних статуй, ждать Нкрума не способен. И он, вспомнив прошлое, выбрал направление. Лаз, который открылся в стене благодаря обвалу, был достаточно широк и просторен, чтобы вместить и его, и всадницу.

Порыв ветра сыпанул песка в спину, поторапливая.

Внутри было тихо, но тишина эта – Нкрума прекрасно знал – обманчива. Это место любило играть, что со звуками, что с пространством.

Ниже.

К ступеням.

По коридору из красных стен, где в глубоких нишах притаились

существа самого диковинного вида. Они были исполнены весьма мастерски, и время пощадило их, то ли восхитившись, то ли, напротив, ужаснувшись.

Коридор шел под уклон, выводя в относительно небольшой зал. Здесь не было статуй, зато имелась роспись на куполообразном потолке. Краски поблекли, и теперь можно было различить лишь смутные фигуры.

Главное, что зал находился достаточно глубоко под землей, чтобы не опасаться быть засыпанным. И, обойдя его по периметру, Нкрума был вынужден признать: город стал убежищем не только для них.

Пара пустынных скорпионов.

Рогатая змея.

И выводок молоденьких юшиц, которые обосновались под каменной глыбой, в принципе не так и плохо – скорпионы сами не ползут, от змеи он поставит глушилку, а юшицы безобидны.

Нкрума лег посреди зала и понял, что устал. Ныли тело, каждая треклятая мышца, кости и даже грива. Старость? Или не возраст тому виной, но метаморфоза? Его ведь предупреждали.

Женщина слезла и присела рядышком, опершись на его бок.

Наверное, не стоит говорить ей о гнезде листовок, тем более что они тоже вполне себе безобидны, вот только женщинам вид их уродливый внушает отвращение.

Она некоторое время сидела тихо.

Дышала.

И кажется, ей тоже пришлось нелегко, все же пустыня – не самое подходящее место для женщин. Ее пальцы перебирали гриву, и это было даже приятно.

Но надо возвращаться в нормальный облик.

Надо.

Нкрума положил голову на лапы и прикрыл глаза.

Это место было...

Не знаю. Удивительным? Поразительным? Одновременно и волшебным, и пугающим?

Камни, что появились из песка. И подножие скалы, выраставшей акульным плавником. Огромные ноги и чья-то голова размером с гравилет. Пустыня стерла лицо, оставив лишь губы.

Храм?

Или не храм, но... нет, храм, слишком уж величественное место. Узкий коридор.

Лаз, пробитый в стене. И влажная темнота. Влагу я ощутила сквозь маску и комбинезон, она напитала защиту, сделав ее плотнее.

Спуск.

И коридор из красного кирпича. Высокие ниши. Статуи, смутно знакомые из учебника истории. Мы шли неторопливо, что было правильно: это место ненавидело суету. А потому движения льва стали медленными, а я... я просто смотрела.

Вот женщина с головой львицы.

И толстый мужчина, когтистые руки которого будто поддерживают толстый его живот. Крокодилья голова выглядит единственно... правильной?

Подходящей?

Красавица газель с тонким станом и копытцами на ногах... существо, сторбленное и уродливое, но в то же время весьма гармоничное в своем уродстве... перепончатые крылья, куриные лапы и человеческое тело, согнувшееся в поклоне...

Человек-сокол.

И шакал с весами в лапах.

Полная женщина... или бегемотиха, которую забавы ради обрядили в юбчонку?

Их было много, пожалуй, слишком даже. Но потом коридор закончился, и мы оказались в зале, относительно небольшом, не более метров десяти в поперечнике. Гладкие стены и высокий потолок, который поддерживали какие-то слишком уж тонкие колонны. Белые их тела слабо светились, как и вязь узоров на стенах, и пол, и света этого, камнем рожденного, хватало, чтобы рассмотреть наше убежище.

Двойная звезда в центре зала.

И огромный каменный гроб. Точнее, может, и не гроб, может, стол или алтарь, главное, он высотой мне по грудь, а в длину метра три будет.

Камень гладкий.

Белый.

И опять же светится. А кроме этого то ли стола, то ли гроба здесь не было ничего.

Нкрума лег, и я с наслаждением сползла с львиной спины. Ныли ноги, и плечи, и шея. Подозреваю, жениху приходилось еще хуже, поскольку выглядел лев не то чтобы грозным, а скорее заморенным. Я присела рядышком и, запустив руки в гриву – надеюсь, не обидится, – погладила его.

Спасибо сказать стоит.

Но мы сидели и молчали.

Долго молчали. И он прикрыл глаза, а я не мешала: все же изрядно набегался, пусть поспит, если хочется. Я посижу.

Тихонечко.

Честное слово.

Намерения у меня были самые что ни на есть благородные...

Они сами выползли. Сначала я ничего не заметила, слишком была увлечена пещерной живописью: на потолке удалось разглядеть колесницу, запряженную самыми обычными лошадьми, и, кажется, собак еще, людей, копыа...

Это, к слову, подтверждало мою замечательную версию с бредом, поскольку было бы крайне неразумно полагать, будто в ином мире я встречу пару-тройку образцов древнеегипетского искусства.

Что-то коснулось ноги.

Мягко.

Осторожно.

Будто пробуя эту несчастную ногу на прочность. Визжать я повременила, хотя желание, признаюсь, наличествовало. Но от живописи отвлеклась.

Вовремя.

На моей голени устроилось... существо? Определенно, оно было живым. Довольно крупным – с две мои ладони. И вид имело специфический. Лапки-нитки и длинное тельце, покрытое седоватым пушком. Крылья... то есть по виду это походило на пару прелых листьев, но я решила, что это именно крылья. Существо дернулось и расправило их, демонстрируя бледно-желтый узор, в точности повторяющий жилкование листьев.

Существо издало скрип, и из кучи обломков появилось еще одно.

И еще.

Они двигались на удивление быстро, и вскоре ноги мои оказались облеплены псевдолистьями.

– Кыш, – сказала я и попыталась нашарить на полу хоть что-то, что отдаленно могло бы сойти за оружие. Но нашарить получилось лишь хвост.

Я за него и дернула.

В конце концов, меня, может, уже пожирают. И пусть бабочки эти уродливые опасными не кажутся, но именно, что не кажутся, каковы они на самом деле, кто знает.

Хвост попытался вывернуться из пальцев, но я не дала. Дернула посильней и попросила:

– Проснись уже, пока меня не затоптали.

Зверь заворочался.

И существа замерли, а в следующее мгновение крылья вдруг исчезли, и на пол осыпались сухие деревяшки. Я не поленилась наклониться и потрогать одну.

Как есть деревяшка.

А ведь еще недавно...

Увлеченная загадкой существ, я не заметила, как мой жених обрел прежний относительно человекоподобный облик.

– Это палочники. – Голос его был с характерной ларингитной сипотцой. Вот только простуженных львов мне здесь не хватало. – Они безобидны. Просто некрасивы.

– Почему?

– Не знаю, – вполне искренне удивился он. – Природой так созданы.

– Нет, – я мотнула головой, – не о том. Они вполне симпатичные... на бабочек похожи. То есть у вас, наверное, бабочки не водятся, а эти... я им не навредила?

– Палочнику в состоянии покоя и огонь навредить не способен. – Нкрума улыбнулся.

И... вот как это возможно, чтобы весь из себя хищник, а улыбка вполне человеческая? Он присел и, зачерпнув горсть песка, позволил ему протечь сквозь пальцы. В ладони остались крохотные серые палочки.

– Они осторожны. И выбирают из кокона лишь на рассвете или на закате, когда температура оптимальна.

Палочки были твердыми.

– Не бойся, ты не сумеешь сломать кокон, даже если захочешь. На крыльях палочники преодолевают многие парланы... Питаются воздушным крилем, собирают росу. Кокон – не только от солнца защита. – Он позволил палочкам скатиться с ладони в песок. – Ни одно живое существо не способно разгрызть оболочку кокона или переварить. Палочников много, они даже полезны – переносят на крыльях пыльцу. А собственная их чешуя – неплохая приманка для шелковичников...

Голос у него выровнялся, но вид Нкрума имел несколько растерянный.

И тут сверху что-то ухнуло.

Громыкнуло.

И с потолка посыпалась мелкая крошка, а мне подумалось, что место это в достаточной мере пафосно, чтобы стать хорошей гробницей.

Глава 19

Женщина боялась.

Нет, не настолько, чтобы потерять от страха разум, слава Древним, у нее пока получалось совладать с собственными инстинктами, но вот...

Опасение?

Любопытство?

У эмоций тоже есть запах, и, пусть преобразенный, вернувшийся в первое обличье, Нкрума продолжал их чують.

Удивление?

И почти восторг... это было непонятно. Нет, город существовал столетиями и тысячелетиями, его даже как-то пытались исследовать, но быстро признали культурным достоянием и на том остановились.

Сюда приходили.

И братья, и сам Нкрума, и отец, когда был моложе... и дед, и целая вереница предков, причем не только его, здесь оставались, и в родовой книге имелось изрядно имен с припиской: «Утерян для рода».

Сюда приводили других.

И женщин в том числе. Бои вот побывала, а потом долго пеняла брату, что он посмел рискнуть ее прекрасной особой. И тот, пусть был еще довольно молод, перестал уходить в пустыню.

Мама, кажется, тоже была.

Молчала.

Она о многом, пожалуй, молчала, и беспокойство мешало думать.

Пираты никого не тронут... без причины. А Нкрума дал им изрядно причин, чтобы сровнять поместье с землей. И надо бы успокоиться, к примеру, сосредоточившись на запахах ее эмоций.

Волнение?

И рука в его ладони. Серый палочник, больше похожий на кусок гранитной крошки. Странно, что она не закричала. И странно, что он задремал. Переход был нелегким, но все-таки не настолько, чтобы отключиться.

Зрение не вернулось.

Он видел зал, очертания крупных предметов и женщину, каждое движение которой рождало желтые сполохи. И кажется, такой остаточный эффект – не слишком хороший признак.

А буря ожила.

Она ударила ветром по цитадели горы, но та не шелохнулась, повидав на своем веку изрядно капризных ветров.

Буря закрутила пески.

И содрала покров их, обнажив залежи твердой породы. Она прошлась мелким гребнем, вычерчивая новый узор барханов, чтоб в следующее мгновение просто-напросто стереть его тяжелой дланью. И начать сначала...

Она гудела.

Вздыхала.

И смеялась на тысячу голосов, каждый из которых был слышен так явно, что Нкрума заткнул уши. И разгневанная равнодушием буря – никогда не злите женщину – ударила о камень. Камень загудел, но выдержал. Конечно, выдержит, только верхние залы засыплет, тут и думать нечего.

Плохо.

Как-нибудь... всегда есть другой путь... Нкрума найдет.

– Все хорошо? – прикосновение пальцев к лицу заставило очнуться.

Теплые.

– Извини, – он зажмурился, надеясь, что и золотистые сполохи пройдут. – Это из-за оборота... надо перетерпеть.

– Тогда, может, присядешь? Ты не слишком хорошо выглядишь.

Нкрума не стал противиться.

И она села рядом.

Это хорошо, что она рядом, проще присматривать. И вообще, она теплая, мягкая, пахнет вкусно... Буря громыхала, протаскивая по острым скалам флотилию песчаных кораблей. Иногда скала вздыхала, порой вздрагивала, и тогда вместе с ней вздрагивала и женщина.

Агния.

Хорошее имя. Короткое. И запомнить легко, странно даже, что прежде оно не хотело задерживаться в памяти.

Агния.

Нкрума повторил еще раз и потер глаза. Сполохи не исчезали, а к золотым добавились и сине-красные. Теперь он видел не только змей и скорпионов.

Старый трухляник в состоянии глубокой спячки.

Безвреден, если не проливать крови, остального он просто-напросто не почует, но все равно надо будет предупредить, чтобы не ходила в тот конец зала. Еще пяток песчаных жаб, тоже в спячке, и, судя по всему, недавней. Это даже хорошо, Нкрума мысленно сделал заметку: воды пресной не так

много, а жабы крутобоки, полны доверху. Так что, если придется задержаться...

Они даже съедобны, если верить атласу.

– Что это за место? – голос Агнии потревожил рой ночарников, которые взвились, закружились и вновь вернулись в гнездо.

– Древний город. Заброшенный.

– Это я и сама вижу, – ему показалось, что Агния улыбается.

Конечно, показалось, сейчас им точно не до смеха.

– Это ведь не ваш город... то есть в нем не круонцы жили?

Он кивнул.

– А кто?

– Древние.

Она вздохнула и прикусила губу. И вправду, получается не слишком внятное объяснение.

– Такие города иногда находят не только здесь, но вообще... Всего зарегистрировано девять. Три – на Меррахе, это необитаемая ныне планета. Еще пара – в мирах с низким уровнем развития. Остальные – как где... – он почесал за ухом и вынужден был признать: – Круон... не заявлял о своих городах.

– Так их несколько?

– Семь... Круон закрытый мир, и до недавнего времени мы торговали – и только. Совет крайне болезненно относится к любым вмешательствам во внутренние дела. А города... Туда непременно потянулись бы исследователи, искатели приключений, комиссии... Нам пришлось бы обеспечивать безопасность, а это...

Она кивнула.

И задрала голову.

– У нас есть похожее... Древний Египет... одна из старейших цивилизаций. Они еще пирамиды построили. И сфинкса...

Я запнулась.

Вот кого он напоминает – наполовину лев, наполовину человек.

Сфинкса.

Очередной виток моей безумной фантазии, но весьма логичный.

Про сфинкса Нкрума переспрашивать не стал, но лишь потянулся так, что кости захрустели, и произнес:

– Все города заброшены, их исследовали вдоль и поперек, даже тот, что на дне океана. Биологических останков не найдено и вообще других следов развитой цивилизации. Известно, что исходный материал всегда

местный, но со временем меняется... Возрастает прочность, увеличивается износостойкость и... не важно.

А мне было интересно.

Пожалуй, эта беседа позволяла забыть о том, что происходило наверху. Время от времени гора, в глубине которой мы находились, вздрагивала, с потолка что-то сыпалось, видно, износостойкость износостойкостью, а возраст у строения был немалый.

– И что это?

– Лаборатория. – Нкрума сел, скрестив ноги, и меня усадил. А когда я дернулась, сказал строго: – Так теплее. И безопасней. После бури всегда холодает.

А я и не заметила.

Хотя есть ведь костюм. Но почему бы нет? Свечение слегка поблекло. А если и вовсе погаснет?

Или...

– Они создавали жизнь там, где она вряд ли могла зародиться сама. Возможно, это был какой-то глобальный эксперимент, а быть может, они просто следовали по пути творца, как утверждают некоторые, но все города находятся в мирах экстремального класса. На том же Меррахе была жизнь, но глобальная катастрофа уничтожила ее. А вот остальные... Ульхар – это океан, и не из мирных. Камрала – геологически нестабильна. Есть и другие. И самое любопытное, что сейчас обнаружены другие, идентичного класса, но жизнь, тем более разумная, существует лишь на тех, где обнаружены города.

Люди с оружием чувствовали себя вполне вольготно, уверенные в собственной безнаказанности.

Они вошли в дом именно тогда, когда благородная Арагами-тари собиралась объявить о подписанном соглашении. Ее несколько смутило отсутствие как жениха, так и невесты, но, подумав, она решила, что такое своевременное исчезновение обоих – хорошая примета.

Старуха Тамари зудела о нарушении исконных обычаев.

Тетушка выразительно молчала, разглядывая сквозь бокал поникшие анемоны. Бои что-то втолковывала сестрице, которая выглядела одновременно и несчастной, и воинственной.

Она подняла бокал.

И коснулась края когтем, заставляя хрусталь петь. На голос его отозвались и другие бокалы, а заодно и люстра за мгновение до того, как разлететься вдребезги.

– Всем стоять! – велело существо в черном экзокостюме. – Это ограбление.

– Вот в старые времена, – проворчала Тамари, указывая мизинчиком на грабителя, который, к слову, появлением своим несколько разрядил обстановку, – при входе в дом ноги вытирали...

– Прошу прощения, милые дамы... – Крупный айварх, видимо, услышав замечание, демонстративно вытер ноги о белый ковер. И весьма удивился, когда ворс жадно впитал всю грязь. – Полагаю, очаровательные дамы не откажут в приюте нескольким несчастным путникам, сбившимся с пути.

Айварх был крупным даже для своего вида, а броня и вовсе делала его огромным. Матовые пластины панциря тускло поблескивали. Воздушная маска, которую он стянул, спряталась в складках шеи. Широченные плечи мало что не доставали до косяка, и голова, украшенная двумя парами костяных наростов, гляделась несоразмерно маленькой.

– Не откажем, – Арагами-тари подняла руку, – тем более что погода ныне не располагает оставаться на улице...

Крупный носовой отросток шевелился и пульсировал, меняя цвет.

За что его изгнали?

Айвархи редко покидают свой мир, тем более взрослые, а этот...

Агрессивен?

Пара парализаторов. Массивная туша плазменной пушки, которая на этой фигуре смотрелась вовсе не такой уж большой. Ультразвуковой подавитель. Пожалуй, оружие он любил.

И не только то, которое стреляет.

Металлические накладки на броне свидетельствовали, что и рукопашной айварх не брезговал. А в предках одни травоядные...

– Очень рад, – он ощерился, демонстрируя желтые плоские зубы. – В таком случае, думаю, мы проведем незабываемые выходные.

В зале появилось с полдюжины существ.

Гоминиды.

Кажется, один рапан в уродливой броне. И пара сцерхов, которые нервно озирались и явно чувствовали себя не слишком уютно. Пара была старой, сыгранной и, несмотря на беспокойство, дело свое знала.

В ковре таяли осколки стекла.

А на люстре появились белые водянистые наросты. К вечеру затвердеют. Конечно, вряд ли кто позволит настроить форму, но...

– Значит, вы тут хозяйкой? – айварх шевельнул носовым отростком.

– Я.

– Милый дом... Может, в таком случае, подскажите, где ваш сын?

– Который?

Глаза у него были огромные, опущенные длинными ресницами, и глядел айварх с укоризной.

– Вы богаты на сыновей...

– Увы, – позволила себе улыбку Арагами-тари, – пустыня не сочла возможным дать мне дочь. Но быть может, в продолжение нашей беседы, вы назоветесь? Несколько неудобно обращаться к вам по расе, не правда ли?

Тонкий свист ненадолго оглушил. И Бои, прижав уши, зашипела. Благо супруг оказался рядом, коснулся руки, успокаивая.

– Мхарбрах, – представился айварх. – Милостью зари безродный.

– Мне жаль...

– Мне не очень. Как оказалось, жизнь разнообразна и богата на возможности. – Он забрал у нее бокал с водой, понюхал и раздавил его. – Всегда поражали ваши вещи...

Ковер принял подношение с благодарностью, и по белому ворсу скользнула пара волн.

– А еще ваша самоуверенность... Одна станция, примитивная охрана дома и святая вера, что никто этим не воспользуется. – Он взял Арагами-тари за руку и стиснул пальцы. – Скажите, что помешает мне вас убить?

– Не знаю...

– До чего невоспитанный юноша... – Старая Тамари не сумела удержать язык за зубами. Зря... Щелчок, и голова ее разлетелась алыми брызгами, а тело рухнуло на ковер.

– Интересно, – айварх присел рядом, – ее он тоже сожрет?

– Нет, – Арагами-тари сдержала приступ тошноты. – Он настроен поглощать лишь малые объекты.

– Так все-таки, где ваш сын?

Никто не закричал. Никто не попытался убежать, никто не потребовал свободы, лишь старшая из девиц Гарахо оскалилась.

На мгновение.

Глаза ее налились желтизной.

Айварх не уйдет живым из этого мира. Что ж, сам виноват.

– Меня интересует адмирал. Знаете, говорят, это огромная потеря для всего флота – в расцвете карьеры взять и вернуться домой. К маме... Не советую делать глупости. Я привел достаточно людей, чтобы взять под контроль это место.

Он постучал пальцем по мертвой Тамари и велел:

– Уберите ее в коридор! Все-таки здесь дамы. В последний раз повторяю вопрос...

– Не знаю. – Арагами-тари подумалось, что жизнь она прожила в общем-то неплохую и что нынешнее происшествие лучшее доказательство необходимости реформ.

Уже не зря.

Мысли были отрешенные.

И ворчание рядом заставило поднять руку.

– Пожалуй, мы не будем доводить дело до прямого столкновения, – она говорила тихо и спокойно, не отводя взгляда. – Нкрума должен быть в доме. Он не слишком жалуется подобные собрания, к тому же...

Она услышала песню ветра, далекую, приглушенную, но все же яростную.

Буря близится.

– Не хочу вас разочаровывать, тари, но в доме его нет. Мои люди все осмотрели и, поверьте, были внимательны.

Буря идет. Спешит, вымещая гнев на чужаках, которые мало того, что явились незваными, нарушив древнейший из заветов, но и посмели пролить кровь.

Бледные анемоны скрылись в горшках.

И осы замерли.

Роса, выступив на окнах – система жизнеобеспечения заработала с полной нагрузкой, – потекла по стеклам, но ни одно живое существо не посмело подобрать капли влаги.

Буря.

Близилась.

– В таком случае, – она вытащила руку из лапы пирата, – он, скорее всего, вышел... и вернется.

– Это вряд ли, – айварх оскалился.

Вернется.

Или она плохо воспитала сына, что было бы... печально.

Глава 20

Он разомкнул объятия, когда потолок над нами перестал вздрагивать. И, потянув носом, сказал:

– Еще пара часов, и она уйдет дальше...

– Откуда ты знаешь?

– Запахи. – Нкрума пожал плечами. – В пустыне говорят запахи и еще звуки. Там змея.

Я подскочила. Ничего себе у него переходы! Но в углу, в который он показывал, ничего не увидела. Тени. Камни. Мусор какой-то.

– А вот там прячутся скорпионы...

Час от часу не легче. Или просто пугает? Я и без того напугана до икоты. Пустыня, буря, пираты... Сходила на бал, называется.

– И что мы будем делать?

Сколь ни присматривалась, но ничего подозрительного не увидела. Может, и к лучшему, реальная змея не всегда лучше теоретической.

– Ничего, – он взял меня за руку. – Просто не ходи туда, и все.

– А если они?..

Нкрума покачал головой:

– Ты слишком крупная для добычи.

Утешает.

– Я поставлю палатку. Посиди здесь.

Я послушно опустилась на камни. А ведь и вправду стало холоднее. И дыхание мое вырывалось облачками пара. Нкрума же вытряхнул содержимое пояса. Перебрал несколько капсул и, установив пару на полу, сдавил их.

Сперва ничего не происходило, я даже успела подумать, что капсулы просроченные или вообще нерабочие, когда левая лопнула, выпустив тонкую серебристую иглу. Та дотянулась до правой. Вновь раздался хлопок. В воздухе запахло чем-то терпким, раздражающим, а игл стало две.

И четыре.

Восемь.

Они разрастались с огромной скоростью, полупрозрачные, будто хрустальные, с серебряными листочками. И это палатка?

На шалаш похоже.

Из хрусталя. С серебряной инкрустацией. Следовало признать, что получилось гламурно, но я не была уверена, что гламур этот подходит для

жизни. Нкрума же остался доволен. А когда я поднялась, чтобы заглянуть внутрь, придержал:

– Сарбеллии надо немного времени. Она приняла заданную форму, а сейчас симбионты ее сцементируют. Получится плотный покров, который будет пропускать воздух и держать заданную температуру.

– А... как ее переносить?

– Куда?

– Куда-нибудь... если вдруг захочется или нужда появится?

Бледно-лиловые цветы смотрелись вполне гармонично. Тончайшие лепестки их тускло светились, и свечение это оживило палочников.

– Просто отломим ведущие ветви. Колония восстановится за малый цикл, а если подкормить, то и быстрее. – Нкрума не спешил выпускать мою руку, и это было хорошо.

Спокойнее как-то.

– Если взять несколько колоний... пять, допустим, или шесть, можно построить дом. Раньше круонцы так жили. Изначально мы были кочевниками... – Он говорил тихо, а мне представились вдруг огромные волокуши, на которых были установлены серебряные дома, почему-то в русском стиле, с двускатною крышей, наличниками резными и непременно горбатым крылечком.

Огромные лохматые мамонты, которым вряд ли было комфортно в пустыне, тянули эти волокуши, а следом брели вереницы древних круонцев, укутанных в шкуры.

Картина была столь яркой, что я моргнула.

Ну уж нет, любой бред должен быть дозирован и структурирован. А я как-то слишком уж заигралась.

– Все упирается в наличие воды. Если перебить жилы, то костяк скоро отомрет... – Нкрума потянул меня за собой.

А палатка наша, к слову весьма немаленьких размеров, выглядела цельнолитой. Хрусталь потемнел, да и листья больше не серебрились, скорее уж окрас ее выровнялся, обрел равномерность. Нкрума провел пальцем по серому пологу, и тот раскрылся.

Как-то хищно раскрылся.

А если она меня сожрет? Не готова я морально стать жертвой палатки. Но то ли храбрость, то ли дурость, то ли одно с другим вместе заставили меня шагнуть внутрь.

Ничего.

Темно. И жутко.

Особенно оттого, что глаза моего нареченного слабо светятся.

– Присядь.

Я послушно села на что-то мягкое, слава богу, оно не шевелилось и звуков не издавало, а потому можно было мысленно представить, что оно вовсе даже не живое.

Что делал Нкрума оставалось загадкой, я чувствовала его рядом, и кажется, даже могла рассмотреть фигуру – все же темнота не была непроницаемой. А затем раздался очередной тихий щелчок, и в палатке появился свет – круглая груша на нитке.

– И что это? – я грушу потрогала.

Холодная.

А свет мягкий, приглушенный.

– Колония микрожучков... они давно в спячке, – Нкрума зацепил ее за какой-то вырост. Надо же, а мне палатка изнутри казалась гладкой.

И не палатка уже.

Шатер.

В нем и встать можно, во всяком случае мне. Метра три в поперечнике будет. Что ж, в моей походной жизни намечалась некоторая доля комфорта.

А под ногами – ковер.

Наверняка очередная колония чего-нибудь – кажется, начинаю привыкать к этому, – главное, что толстая и надежная.

– Стенки здесь прочные. – Нкрума ловко раскатал тонкую ткань, которую полил из бутылки. И ткань мигом разбухла, зашевелилась, теряя с тканью всякое сходство. – Выдержат и нападение грамха... Поэтому, пожалуйста, не выходи наружу.

Я кивнула.

Не знаю, кто такой грамх, но чувствую, встречаться с ним не стоит.

Глава 21

Воды было мало.

Хорошо еще, вообще была, но... палатка потребовала половину стандартной дозы, плюс колония светляков, постель...

И патрон опустел. Еще один Нкрума выпил после оборота.

Итого осталось восемь.

И полная десятка у Агнии.

Пару дней они протянут.

Одной жабы, если не выдаивать их досуха, хватит на перезарядку семерых. Итого...

Она присела рядом с постелью, которую потыкала пальцем. И плотные листья зашевелились.

– Знаешь, – Агния посмотрела на него снизу вверх, и взгляд ее был задумчив, – мне кажется, я лучше на полу посплю.

– На полу холодно будет.

А если поставить вторую постель... и зря расходовать воду?

Еще неизвестно, как и когда получится выйти. Верхние залы занесло, а пока город стряхнет пески, пройдут недели. Искать обходной путь? Не факт, что получится. Нет, так тратить воду неразумно.

Она маленькая, должны поместиться.

И Нкрума поскреб гриву.

– Если... я тебе мешаю, то на полу посплю я.

Холодало.

После бури температура всегда опускалась низко, порой настолько, что песок промерзал едва ли не до скальной подложки. И будет еще холодней.

Горячие камни он взял.

– Не надо, – сказала Агния.

– Что?

– Не надо на полу.

Она потеряла кончик носа.

– Нам ведь потом не обязательно жениться? В смысле, если мы проведем ночь в одной... – она ткнула пальчиком в разбухшие листья, которые приобрели красивый красный цвет, – постели.

Нет, а мало ли что? Вдруг да окажется, что жениться тогда обязательно, раз уж я прямым действием обесчестила их прекрасного

мальчика. Поди-ка докажи, что невинности его не лишила и вообще не принуждала к сожителству.

Уши у Нкрумы дернулись.

И глаза стали теплыми, янтарными. Губы растянулись в улыбке, которую совершенно не портили клыки.

– Нет, – голос его стал низким и хрипловатым. – Нам в принципе не обязательно... если мама не узнает.

Я икнула.

– Мы ведь ей не скажем?

– Не скажем, – согласился жених и выдохнул облако белого пара. – Забирайся.

Лезть в нечто лопухообразное и шелестящее совершенно не хотелось, но холод проникал уже и сквозь костюм, который вновь потемнел, стал плотным и ощущался на коже слоем этакой резины. И похоже, симбионтам совершенно не нравились низкие температуры.

Я ткнула пальцем в мясистый... лист? Похоже на то. И он прогнулся, образуя колыбель. Допустим, что эта колыбель не сомкнется надо мной, запирая тельце мое, весьма по местным меркам питательное, внутри себя.

Энтузиазма не прибавилось.

– Я тебя подожду, – сказала я, глядя, как Нкрума выставляет на полу треногу. На верху ее крепилась неглубокая миска, куда он высыпал горсточку белых зерен. Зерна зашипели, разбухли.

– Сейчас станет теплее. – Он убрал пустой патрон в нужную ячейку. – И все будет хорошо.

Я ему не поверила.

И он понял, что не поверила.

Разве бывает так? Только если в сказках... Неужели я постепенно начинаю верить, что все это по-настоящему? Инопланетяне. Пустыня.

Заброшенный город.

Я приняла протянутую руку, которая была до удивления настоящей. Плотная кожа, шершавая. И когти острые. Подушечки же будто бархатистые, их приятно гладить, и чувствую, что не мне одной.

Широкое запястье со смешной веревочкой.

На веревочке бусина болтается, и я откуда-то знаю, что это всего-навсего бусина, а не очередное хитрое приспособление для выживания. Он не забирает руку, позволяет рассмотреть и бусину, и пальцы, и запястье. И тонкая пленка костюма обрисовывает каждую мышцу.

Твердые.

Теплые.

И слышу, что сердце у него ухает громко, ритмично. А еще чуть силловатое дыхание.

Он пахнет, не сказать чтобы плохо, чем-то терпким, мускатным, и запах едва ощущается, но он есть. И ведь не может быть галлюцинация настолько достоверной?

Может.

Я знаю.

Помню. И практику в больнице, и отделение для душевнобольных. Их галлюцинации тоже казались им настоящими.

– Скоро станет теплее. Немного, – уточнил Нкрума и, подняв меня, легко, будто во мне вовсе не было веса, сунул в шелестящее нутро колыбели. И сам улегся рядом.

Хорошо.

А то мало ли, слова словами, но с ним оно как-то надежней.

Мускат и еще шафран. И еще что-то острое, перечное.

Он осторожно повернулся и сказал:

– Тебе стоит поспать.

– Да я как-то... выспалась, что ли, – я поерзала, и листья с шелестом развернулись, принимая новую форму. – Что ты дальше собираешься делать?

Хороший вопрос.

Глаза у нее зеленые.

И если Нкрума способен различить оттенок, то зрение восстановилось полностью, чему, пожалуй, стоит порадоваться. Агния устроила голову на его плече.

– Надо понять, что им надо.

– Им – это кому? – уточнила она.

– Пиратам.

– А у вас пираты водятся? – она наморщила носик. – Извини, мне что-то такое говорили, но тогда я была немного не в том настроении, чтобы про твои заслуги слушать. Ты их победил?

Легкая.

И мягкая.

Теплая.

Ей будет сложно одной в мире, который она не понимает. Но и на Круоне ей оставаться нельзя. Слишком опасно.

– Не совсем чтобы победил...

– Откуда они вообще берутся? – Она повернулась и легла на живот,

подложив под подбородок ладони. – Ты не против, что я так?

Против? Нет. Ее вес был почти не ощутим.

Палатка нагревалась, хотя и довольно медленно. Колония стремительно наращивала оболочку, а значит, водяные патроны придется заменить раньше, чем он предполагал.

– Мне просто казалось, что у вас тут всеобщее благоденствие.

Нкрума хмыкнул, и Агния едва не скатилась.

– Аккуратней, – проворчала она, заползая на прежнее место. – А ты теплый.

– Ты тоже.

Листья постепенно наползали, образуя плотный кокон, который стремительно поглощал тепло.

– Миры есть разные. В целом, конечно, уровень развития позволяет избавиться от ряда социальных проблем, но...

– Не от всех?

– Нет. Маску можно снять, – Нкрума коснулся управляющего кристалла. – Здесь воздух будет фильтроваться... А что до пиратов, то в любом обществе есть некоторый процент особей с девиантным поведением.

Брови ее поднялись.

– И неважно, сколь это общество благополучно. Да, в целом имеет значение, будет ли это сотая часть или же треть социума, равно как и возможности отдельного общества к адаптации подобных элементов.

...Буря пела колыбельную, и голос ее проникал сквозь толщу породы.

Вздохали скалы.

И ветер не успокаивался, но поднимался выше и выше, нороя вырваться с неуютной планеты. И чем выше, тем злее становился. Вот прозрачный вихрь захватил крохотный кораблик, закрутил, смял, будто бумажный, и, наигравшись, швырнул вниз. Пилот честно попытался выровнять полет, но ветер искорежил закрылки, а дюзы захлебнулись песком.

Земля приближалась.

Связь не работала. А пустыня ждала. Она порой любила подкормиться дарами свыше. И неожиданно мягкая посадка дала пилоту надежду. Он судорожно выдохнул и отпустил штурвал.

Смахнул пот со лба.

Сказал... собирался сказать что-то, однако кораблик вновь тряхнуло. Он накренился влево, потом завалился на нос, медленно, но верно сползая

в воронку зыби.

Связь по-прежнему не работала.

Да и не прошел бы сигнал сквозь песок. Впрочем, пилот этого не знал, а потому велел себе не беспокоиться: рано или поздно буря закончится, связь заработает, и тогда за ним придут.

Надо лишь дождаться.

А это не проблема, ведь флаер выдерживал и короткие космические перелеты, что ему какие-то пески? Набраться терпения и положиться на систему.

Сладкий запах металла просочился в пески, вытолкнув из спячки кольчатого червя. Давно уже пребывавший в состоянии анабиоза, он медленно развернулся, выбираясь из защитной оболочки. Тело его, узкое, было длинно и покрыто тонкими мощными чешуйками. Заработал мускульный мешок, восстанавливая биение псевдосердец. Раскрылись пасти чувствительных клеток, поглощая микродозы песка. И нервная система включилась, определив направление.

Червь двигался медленно.

Он был еще сонным, неторопливым, но упорным. И тело его ввинчивалось в пески на глубину, где в расщелине между скалами застрял цельнометаллический объект. Его червь достиг довольно-таки быстро, и флаер слегка вздрогнул, когда в левую дюзу что-то впечаталось.

Пилот вновь попытался связаться с базой, но...

Что-то зашелестело, заурчало, и урчание это породило какие-то совсем уж неприятные мысли. Внешние камеры не работали. Да и...

Червь обвинил находку трижды, для верности заякорившись щетинками, которые с легкостью пробили сверхпрочную оболочку флаера. Он застыл, шкурой прижавшись к металлу, и частично отключился, но на поверхности кожи раскрылись устья секреторных клеток, выпуская капли кислоты. Металл зашипел.

А откуда-то из песчаных глубин поднимались бледные тени вихреников, которых манило тепло. Металл им был мало интересен, поэтому червь только выпустил пару капель ядовитого газа – предупреждение.

Второму патрульному кораблю повезло больше.

Он рухнул на плато и, пропахав брюхом скальную породу, застыл.

– Твою ж... – сказал пилот и добавил пару слов покрепче. Он стянул шлем и дрожащей рукой смахнул со лба капли пота. До сих пор не верилось, что выжил.

Впрочем, резкий сигнал сирены, предупреждающий о протечке генератора, заставил его подобраться.

Спаспак.

Вода.

Бластер. И палатка, которую он намеревался поставить, отделившись от флота на пару лиг. Шел он быстро, благо песка здесь было немного, а буря ярилась южнее, и, выбравшись на каменистую дорогу, пилот остановился.

Палатка раскрылась моментально. Покрытые спецсоставом стены ее нагрелись, наполняя солнечной энергией пару аккумуляторов.

– Так-то лучше... – Пилот еще раз попытался связаться с базой, но, когда не вышло, не слишком расстроился. Его предупреждали, что местные бури непробиваемы и для армейских передатчиков.

В палатке было тепло.

И спокойно.

Пилот включил охрану периметра, расстелил спальный мешок, в который и забрался.

Завтра его подберут, благо кораблей на точке хватает, а послезавтра, если все пойдет по плану, они уже уберутся с треклятой этой планеты...

Сон его был крепок. А вот армированная ткань оказалась недостаточно прочна, чтобы удержать скорпионов. Их манило тепло и еще запах воды, которая была где-то рядом.

Пилоту снилась его собственная планета.

Частное владение.

Мир, в котором он, отверженный ныне, стал бы богом. Толпы поселенцев, благодарящих за дар земной. Он вскидывал руку, благословляя их на свершения, а еще ерзал и ворочался, и ворочаясь, совершенно случайно придавил хвост молоденькой песчанки, что устроилась в складках спального.

Укус ее заставил проснуться.

И остановил сердце, а заодно дыхание и прочие жизненно важные процессы.

Мясо досталось стае гарххов, которые частенько выходили на дорогу. Но в целом это ничего не изменило.

– В целом система предлагает огромное количество вариантов для реализации, будь то медикаментозная терапия или программирование личности.

Нкрума был теплым. И довольно-таки мягким. Уютным, пожалуй, а еще рассказывал интересно.

Нет, спать мне совершенно не хотелось, но и просто лежать было скучно.

А вот разговор – дело иное. Правда, говорил пока лишь он.

– Здесь многое зависит от собственно культуры. К примеру, айлы часто обращаются за заменой личности. Некоторые делают это даже без показаний, просто из интереса, а на совершеннолетие особи родители дарят ему сертификат. Иногда сами с ребенком выбирают ему новую личность... в целом, это самая стабильная из рас Содружества.

Я попыталась представить.

Вот живу я, Агния, и тут мне надоедает моя личность, характер, стало быть, или на курсы вот попадаю... А что, многие бы и у нас не отказались себя подкорректировать. Кому-то стервозности не хватает, кому-то совсем наоборот...

– А вот на Надоши изменения личности возможно лишь по решению суда и с согласия самого подсудимого. Но, как правило, они выбирают рудники. Надошцы полагают личность священным сосудом, созданным богами. Впрочем, у них и смертная казнь практикуется.

– И остальные не против?

Легкое пожатие плечами.

– А почему должны быть? Проблемы возникают, лишь когда законы Надоши нарушаются иными расами, но в остальном... Ассоциация развитых миров категорически запрещает вмешиваться во внутренние дела этих миров, – он чуть потянулся.

– Тесно?

– Нет. Немного руку отлежал... я не привык.

– Значит, пираты – это асоциальные элементы?

– Можно и так выразиться. Скорее, те, кому не нашлось места в существующей системе. А еще ее идейные противники. Целое движение...

– Антиглобалисты?

Я поймала себя на мысли, что это несколько... неожиданно – лежать в обнимку с диким дикарем и обсуждать проблемы поликультурного социума.

– Да. Правда, себя они именуют борцами за свободу. Лет десять назад организация была вполне легальной. Проводили митинги. Протесты. Устраивали семинары, повышая уровень образования. Их волонтеры работали в новых мирах, которые только-только были включены в систему, пытались добиться их самоотвода.

– И у них получалось?

А глаза точно кошачьи, с узкими зрачками. И мне как-то неудобно

вдруг стало смотреться в них. Я бы отвернулась, но места было мало.

– Дважды. Потом их возглавил такхар... Такхарцы весьма малочисленны и агрессивны, очень агрессивны. У них по сей день разрешены поединки чести, правда, при условии присутствия врача. Это позволяет снизить количество смертей, но инциденты все равно случаются. А еще такхарцы считаются лучшими тактиками. Джажро показалось недостаточно просветительской работы. И Лига устроила с полдюжины диверсий...

– Жертвы?

– На «Катарине Урма» погиб весь экипаж и семь тысяч пассажиров. Джажро объявили в розыск, а Лигу запретили. Тогда-то и выяснилось, что последние годы они занимались перераспределением ресурсов. Вербовали добровольцев, обучали. Выводили финансы. Через подставные фирмы приобретали списанный транспорт и модифицировали его на верфях Такхара. Такхарцы вину не признали, у них закон свободного оружия, вне зависимости плазмобой это или линкор малого класса. Были бы деньги... А деньги были. Джажро сумел заразить своей идеей многих, в том числе небедных граждан, а еще талантливых. Некоторое время о них ничего не было слышно...

Его пальцы коснулись моих волос, но он отдернул руку.

И вновь коснулись – мягко, осторожно, будто Нкрума опасался получить по этим самым пальцам.

– Потом случилась серия нападений. Атаковали рудовозы. Но это не сочли серьезной проблемой, тем более что сначала вообще не понимали, что происходит. Корабли исчезали – и только. Потом «Макхари» удалось отбиться и передать сигнал. Но все равно Содружество ограничилось тем, что усилило патрулирование. Только и патрульные катера стали исчезать. Замолчали колония илканцев, пара исследовательских баз... Тогда и начали обсуждать проблему. – Он поморщился. Подозреваю, эти обсуждения были долгими, нудными и напрочь лишены смысла. – Изначально большинство было за партию умеренных, которые предлагали разделить сферы влияния...

Даже на мой скромный и далекий от местных реалий взгляд, это было сущим идиотизмом.

– Нельзя сказать, чтобы это совсем не имело смысла... на нас вышли представители двух независимых кланов. Они-то и рассказали, что Джажро удалось объединить почти всех. А кого не удалось, того попросту вырезали. Выяснилось, – Нкрума тихо зарычал, – что в так называемых поселениях свободного типа проживают несколько миллионов. Наши социологи

утверждали, что эти поселения априори нежизнеспособны, а потому численность пиратов колеблется где-то на уровне пяти – семи тысяч. Постоянная ротация, высокий уровень смертности в силу полной изоляции, несдерживаемая агрессия... – Он говорил, не скрывая насмешки. – Джажро подмывал всех. Он сумел объединить их, создав, по сути, альтернативную систему. Это было бы неплохо, если бы не его безумная идея освободить родной мир.

– А мир, как понимаю, свободы не жаждал?

– Именно. Нет, ряд соотечественников, которые полагали родные законы недостаточно свободными, переселились в миры Лиги, но этого ему было мало. Его цель – планомерное истребление Содружества.

Нкрума вздохнул.

– Он прислал манифест, в котором и заявлял, что не остановится, пока жив...

– И как?

– Он и вправду не желал останавливаться... до последнего.

Глава 22

В космосе все иначе.

Черная бездна. Алый шар солнца, из которого поднимаются протуберанцы. Смотреть на них не стоит, замораживают, лишают разума и воли.

Или, если не сумеют, ослепят хотя бы.

Мало удовольствия быть слепым.

Камни планет на ожерельях орбит. Выводки спутников и россыпь серебристых мин, в которые въехал тральщик. Он двигался медленно, осторожно. Издали тральщик напоминал пустынного ахара, то же длинное ребристое тело, только вместо слизистых щупалец – плети гравиполей, которые и видеть-то мог не каждый.

Нкрума видел.

И их.

И полыхающий белым пламенем камень, который еще недавно был кораблем. Дождь легких истребителей, которые превращались в куски оплавленного железа еще на подлете. Силовые установки работали в штатном режиме.

Бомбардировщики, отделившись от туши тральщика, медленно поползли к поверхности планеты. Газовое покрывало атмосферы не было для них преградой. Еще мгновение.

Короткий доклад:

– Крыло на выходе...

– Приступайте.

Разрешение было лишь данью формальности. Команды давно уже ушли и были записаны на инфокристаллы, которые уцелеют, даже если флагманский дредноут выгорит изнутри. Говорили, что и пламя звезды им не особо повредит.

Нкрума верил.

Здесь, в безбрежной пустоте, где сошлись два мушиных роя разумных, отчаянно хотелось верить во что-то.

Он мог бы приблизить картинку, как сделал это дубль-капитан. И теперь на панели его визора зависла округлая туша штатного бомбардировщика. Вот мигнуло и растворилось силовое поле, одновременно распахнулись люки, выпуская несколько сотен игольчатых снарядов.

Каждый, снабженный псевдоразумом, устремился вниз.

И еще ниже.

Они вошли в атмосферу, и жар ее избавил от тонких чехлов защитных капсул. Да и металл оплавился, что не помешало снаряду вписаться в останки местной инфосети. В то же мгновение была проведена рекогносцировка, а данные поступили не только на каждый снаряд из связки, но и на материнский корабль.

Падение не замедлилось.

И купол колонии выдержал удар. И следующую волну. Снаряды взрывались, разбрасывая смертоносный гаргсит, который все же просачивался сквозь поле и неся кипящим дождем.

Запрещенное оружие.

Особая резолюция.

И пилоты, прошедшие курс психостабилизации.

Впрочем, и Нкрума, и пилоты отдавали себе отчет, что курс этот не поможет и, вероятно, их до конца жизни будет преследовать картина серой взвеси, что медленно и неотвратно оседает на обреченный город.

На третьей волне купол лопнул.

И вновь звука не было, но Нкрума его услышал. А капитан поморщился.

– Потери семнадцать процентов. У них остропясты...

Четыре огневые точки, спрятанные за пределами купола. В момент, когда раскрываются люки, бомбардировщики беззащитны – неподвижные, крупные, они являют собой удобную цель.

– ...Двадцать.

Они вздрагивают от удара.

И потом заваливаются, всегда дают левый крен, даже если изначально стояли с правым. А потом медленно, совершив оборот вокруг своей оси, летят к земле. И огненные росчерки их следов – буквы в истории сражения.

– Передай предложение, – Нкрума пытается отрешиться от мысли о тех, кто гибнет вместе с кораблями.

Капитан.

Пилот и навигатор, поскольку на всех кристаллов не хватает.

Команда стандартная – четырнадцать мест. В кораблях улучшенного типа – одиннадцать... В любом случае много.

Приказ остановить бомбардировку уходит.

А с ним и иной, который проламывает остатки инфосети.

Сдавайтесь. И будете спасены.

Это не только слова.

Это шанс, которым они, всегда побеждавшие, а ныне оказавшиеся в

западне собственного мирка, могут воспользоваться.

Сдавайтесь.

Серая пелена достигла земли. Газ этот тяжелее атмосферного. И подвижней. Он расползается по улицам, слизывая их покрытия. Он растворяет монолиты каров и основания домов, пусть даже построены они были из цикломера-плюс, гарантирующего устойчивость к особо агрессивным средам.

Он срывает лиловые листья с адаптантов, призванных улучшить атмосферу.

И добирается до людей.

Он убивает мгновенно.

Там, внизу, около полутора миллионов. Еще несколько сотен тысяч укрыты в поселениях временного типа. Сотня сгорела вместе со старой военной базой, которая была, конечно, хороша для своего времени, но это время давно минуло.

Сдавайтесь.

Или будете уничтожены.

Там, внизу, кричат. И ищут спасения, не понимая, что сам этот мир отравлен на сотни лет, а Нкрума уже не уверен, что стоило использовать особые снаряды.

– Ответ, – связист взмахивает руками. Поликристаллическая структура его шлема скрывает половину головы. Псевдоконечности смыкаются на затылке, а из позвоночного столба выходят синеватые отростки свободных нейрошунтов.

– Выводи.

– Ты, ублюдок! – экран прорастает в воздухе. Изображение четкое, ясное, и видно, что такхарец в ярости. Его суставчатый хвост мечется, а короткая шерсть вздыблена. Головные иглы окрашены желтым, и яд поспел. Это взрослая крупная особь, побывавшая не в одном бою.

– Выходи сражаться, ублюдок! Или ты только так способен... задавить силой Союза. Вы пришли, хотя вас не звали! Вы уничтожили все, что мы создавали немалым трудом!

Он говорил это не для Нкрумы.

Манифест, надо полагать, который, подобно вирусу, разлетится по Сети, заставляя очередных юнцов поверить в чужие идеалы.

Плохо.

– И я, – такхарец ударил себя кулаком в грудь, – вызываю тебя на бой! На честный бой! Решим все один на один!

Связист заворчал.

И рука дубль-капитана замерла над цветной панелью.

– Победишь ты – и мы сдадимся! Слышите? А нет – уберетесь вы! Если же не уберетесь, – такхарец оскалился, – вам придется туго... Думаешь, ты уничтожишь всех нас? Наши братья живут там!

Взмах руки.

И такхарец замирает. Изменяются модуляции его голоса, появляются глубокие рычащие ноты, которые заставляют пригнуться.

– Они среди вас, они за вашей спиной, они ждут мгновения, чтобы ударить, и однажды ударят. Им станут известны ваши имена. Каждого, кто участвовал в этой зачистке. Неважно, командир ты эскадры или простой мастер, но ты станешь жертвой. Однажды возмездие грянет!

– Он на связи? – уточнил Нкрума.

В возмездие он не слишком верил.

– Да.

– Передай, что я согласен.

– Что? – Дубль-капитан дернул конечностью, едва не вонзив шипастый отросток в переплетение кабелей. – Вы и вправду собираетесь...

– Они готовились к нашему визиту. – Нкрума осознал это явственно и даже удивился, как вышло, что осознание это пришло лишь теперь. – А значит, там, внизу, нас ждет горячий прием. Скольких мы потеряли? А потеряем еще вдвое, втрое больше.

Нападения последнего года.

Резня в Кахртке, которая была напрочь лишена всякого смысла, ибо кому могли причинить вред океанологи?

Наглая атака на курортный Ихшас и вирус, выпущенный в систему воздухообмена Игора.

Укол за уколом.

Жертва за жертвой.

И Совет – оцепеневший, потерянный. Партия деструкторов и речь Ил-Лайши, которую крутили несколько дней.

Постановление.

Подготовка. Им бы здесь притихнуть на годик-другой, поскольку Совет очнулся и попытался все изменить, ведь вооруженный конфликт – это слишком, но...

Аршар и вырезанный до последнего жителя город. Их выволокли на площадь и убивали медленно.

Видео казни в Сети.

Очередной манифест с призывом свергнуть тиранию Совета.

Корабли выходят, и пара пиратских кланов поспешно удаляется в

нулевую зону, отрещиваясь от происходящего.

И очередное видео.

Свободный город свободных людей, где все разрешено, были бы деньги, а деньги бывают всегда, ведь это так просто, пойти и взять, что тебе нравится. Галакты слабы.

И беспомощны.

Их привели в это место и бросили на растерзание старую станцию. Потратили несколько тысяч мин на заградительные поля. Подбросили пару боевых спутников и совсем уж древних диверсионеров, которых истребители сшибли еще на подлете.

Их заставили вступить в бой. Принять его.

И использовать газ.

Картина зверств Галактического Совета уже выгружается в Сеть, как и видео гибели Свободного города.

Мужественные повстанцы.

И злые галакты, задушившие тонкие ростки свободомыслия. В этом ключе будет подаваться информация, и если Нкрума откажется от поединка, то скоро его назовут бесчестным.

Кровавым.

Да и вообще, у него был один-единственный способ переломить ситуацию.

– Да, – сказал он дубль-капитану. – Условие временного перемирия. Любой сбитый корабль, любой выстрел будут считаться нарушением договора.

Джажро замер.

Пригнулся.

И заворчал. Кажется, на такой поворот событий он не рассчитывал.

– Ты, отродье...

– Пустыни, – подсказал Нкрума, разоблачаясь. Конечно, скафандр создавался под него, но все равно был неудобен. – Я родился в пустыне.

– А сдохнешь в космосе...

Не корабль, не планета, затянутая серыми тучами. Она сама силилась избавиться от заразы, не зная, что на это избавление потребуются годы.

Каменистая луна.

Защитный купол повисает над четырьмя маячками. Площадь небольшая, но им хватит. Серая туша линкора заслоняет солнце, и в какой-то момент Нкрума думает, что капитан прав: это все детство и глупость.

Тем более без скафандра.

Если купол рухнет, то погибнут оба. Впрочем, такхарцы никогда не

спешили умирать.

Джажро ждал.

Убежище где-то здесь, внутри этого спутника. Если понадобится, Нкрума распилит его на куски, сколько бы времени это ни заняло, но доберется до нутра.

– Мы заблокировали систему, – на всякий случай предупредил он соперника.

Тот лишь зашипел.

Поздно.

Те, кто затеял игру, убрались отсюда задолго до войны.

– Расскажи, кто тебя нанял? – Нкрума наблюдал за тем, как такхарец кружит, то подбিরаясь ближе, то отступая. Хвост скользнул по песку, сбив пару красных обломков, и замер.

– Нанял?

– Ты ведь не настолько умен, чтобы спланировать все эти удары. Страховые компании? Они сейчас на подъеме. Или кто-то из Совета, кому понадобилось повысить уровень полномочий?

– Ублюдок, – выдохнул такхарец.

Примитивное создание, и ругательства у него примитивные. И странно даже, что харизмы – а такхарец был отвратительно харизматичен – оказалось достаточно, чтобы быть втянутым в эту игру.

– Ты и вправду веришь, что они сдержат слово?

Такхарец атаковал.

Он был быстр. И силен. И еще смертоносен. Но он никогда не жил в пустыне.

– И что ты сделал? – спросила я, замороженная.

– Оторвал ему голову. – Нкрума широко зевнул, продемонстрировав отменные зубы. – Времени у нас было немного. Следовало начинать эвакуацию.

Когда пришельцев в экзоскостюмах стало слишком много, Арагами-тари подумала, что воспитывали их плохо. Никто не удосужился вытереть ноги, а некоторые еще и ели, кроша на ковер. Тот был несказанно рад. И стало быть, дня через три придется стричь.

Если не раньше.

Ворс поднялся, налился цветом, а по углам проступили тонкие иглы спороносных колосков.

– И что мы тут делаем? – Бои держалась рядом.

– Сидим, – спокойно ответила Арагами.

И осиротевшие девицы из рода Гарахо кивнули.

– Может...

Язык Бои скользнул по клыкам.

А взгляд зацепился за инсектоида, который, устроившись на низком подоконнике, сосредоточенно поглощал закуску. Он выстреливал ловчим шипом, протыкая канapé насквозь, потом приоткрывал клюв. И фасеточные глаза туманились, а усы трепетали.

– Не стоит. Рано еще, дорогая, – Арагами-тари погладила невестку по руке.

– Но...

Буря рыдала, просилась на порог, и голос ее доносился сквозь заслоны и засовы.

– Мы хрупкие милые женщины, мы никому не можем желать зла.

– А мы и не будем. – Девица Гарахо с волосами, выкрашенными в ярко-голубой цвет, потрянула гривой, и колокольчики, спрятанные в ней, зазвенели, заставив инсектоида отвлечься. Он скользнул взглядом по комнате, но, не обнаружив потенциальной угрозы – нельзя же думать, что таковой является с дюжину женских особей, – вернулся к еде. – Мы их так убьем...

И сестры кивнули.

Левая была песочной масти, а правая – редкого темного окраса. И на щеках ее проступали бледно-лиловые завитки узоров.

А говорили, что песчаники-ану выродились.

– Дорогая, не смотрите так, девочка расстроена! Вы убили ее бабушку! – Возмущения в голосе было ровно столько, чтобы чужак удовлетворился. – Скажи, долго ли продлится буря?

Песчаница прикрыла глаза.

Прислушалась...

И где старая гримза этокое сокровище откопала? И почему не показывала? Надеялась при себе оставить? Нехорошо.

Совет не одобрит.

– Еще шесть часов, – голос у нее оказался низкий и текучий, как старые пески. – Она говорит, что сверху чужаков не осталось...

Песчаница произнесла это на полузабытом наречии боху, будто и не сомневалась, что Арагами-тари поймет. И добавила:

– Она говорит, что твой сын успел укрыться. И та, которая тоже слышит... – Она слегка нахмурилась и приложила палец к губам. Те шевельнулись, будто песчаница и вправду разговаривала с пустыней.

Хотя как знать...

Может, и разговаривала.

– Все будет хорошо, – сказала она уверенно и, остановившись взглядом на высокой фигуре у окна, добавила: – Не для них.

Глава 23

Спустя четверть часа их разделили.

Мужчин увели вниз. И Арагами-тари стиснула кулаки. Она отчаянно надеялась, что муж и сыновья поведут себя разумно.

Женщинам досталась большая гостиная.

– А теперь, милые дамы, – айварх устроился в центре комнаты, мебель же всю оттащили к стенам, – мы поступим следующим образом. Я говорю – вы слушаете. Я приказываю – вы делаете. Поверьте, мне совершенно не хочется наживать кровников...

Здесь он несколько опоздал.

Песчаница устроилась рядом, по левую руку. И теперь разглядывала собственные когти. Сперва Арагами-тари показалось, что покрыты они бледно-золотистым лаком, еще подумалось, что цвет получился насыщенный и вместе с тем не пошлый.

А потом она поняла – лак прозрачный, это собственный цвет когтей такой.

И, судя по глубоким лункам, когти имели обыкновение втягиваться. Что ж, айварху лучше не подходить близко.

– Я слышан как об упрямстве круонцев, так и о их странной привязанности к женщинам.

– Что с нашими мужчинами? – Бои все же посмела раскрыть рот. И над головой ее щелкнула силовая струна кнута, срезав тонкую прядь волос.

– Я говорю. И только я, – он не спешил убирать кнут. – Еще раз раскроешь рот без разрешения, я перерублю тебе горло. В доме достаточно комнат, чтобы мы могли долго по ним ходить.

Кто-то заворчал.

Не сейчас.

Они ждут нападения, провоцируют и готовы к удару. Проклятье! Слишком давно женщины не выходили на охоту, предоставив это грязное дело самцам. А теперь поди-ка угадай, хватит ли терпения выждать...

– Тихо, – голос Арагами-тари заставил вздрогнуть и пиратов. – Все остаются на местах. И ждут...

И когтем по подлокотнику отстучала древний ритм.

– Как мило с вашей стороны помочь... – осклабился айварх.

– Я забочусь о моих гостях.

Ждать.

Охота началась.

Ждать.

И ответ пришел. Его отстучал чей-то острый каблучок. По стене прошла дрожь, сменяя светло-серый оттенок на более темный.

Блеснули желтые глаза Бои.

И улыбка скользнула по губам тетушки. В свое время она была изрядной загонщицей.

Надо будет возродить традицию, но это позже, много позже. Главное, Нкрума успел найти укрытие, а там... Древние присмотрят.

– Итак, на чем я остановился? Мое присутствие здесь – гарантия того, что мужчины будут вести себя прилично. Если, конечно, их не тянет вдруг овдоветь...

Возмущенное фырканье было ему ответом.

– Сейчас мы разобьемся на небольшие группы, скажем, по пятеро... и двое моих людей, которым я разрешу делать все, что потребуется в случае мятежа...

Взгляды пересеклись.

Он смеялся.

Он был уверен, что всецело контролирует ситуацию.

– Мы разойдемся и будем ждать. А теперь можешь спросить.

– Что с нашими мужчинами? – повторила вопрос невестки Арагами-тари.

– Надо же, какая заботливая...

Это замечание ответа не требовало, но являлось провокацией, а потому Арагами-тари сочла возможным промолчать.

– И неглупая. Тебе не интересно, почему мы здесь?

Интересно.

Но сами расскажут, а вот судьба остальных волновала не только ее. Песчаница следила за ксеносом в экзокостюме. Черную пленку поликристаллической брони пронизывали тонкие стебельки гидроскелета.

Любопытная конструкция.

И относительно новая. Что-то похожее мелькало в разработках «Прайма», но куда более неуклюжее, нелепое, как это бывает с пилотными образцами. Эта же броня была и подвижна, и прочна.

– Что ж, если будете себя хорошо вести, то все останутся живы... почти все. Уж не обессудь, тари, но, коли попадетсЯ твой сынок, ему голову откроем.

Это вряд ли.

У второго лишь элементы костюма. Закрыты голени, паховая область и

грудина. Вид нелепый, ибо в открытых частях тело кажется слишком уж тонким и хрупким.

– Ты, ты и ты... еще вы двое – на выход. Ведите себя хорошо, девочки, и нам не придется вас наказывать.

Арагами-тари прикрыла глаза.

Она очень надеялась, что межклановые распри не помешают охоте. И что терпения у девиц хватит. Все-таки снаружи буря, а охотиться во время бури кровь не велит.

Агния спала.

Она заснула тихо и незаметно. И Нкрума смотрел на нее, спящую, думая о том, как виноват перед этой женщиной.

Она лишилась дома.

Попала в чуждый для себя мир. А теперь и вовсе оказалась в пустыне.

Она спала крепко и не слышала, как буря улеглась. Снаружи царила ночь, лучшего времени для вылазки и не придумаешь.

Разбудить?

Предупредить?

Испугается. Здесь все слишком чуждо для нее.

Он принял. Сон был крепким. И если повезет, то он успеет обернуться. В конце концов, ему надо просто убедиться, что выход на поверхность не засыпало.

Нкрума выбрался из лежбища, и листья поспешно сомкнулись, не желая терять и крох тепла. Камни почти остыли. А снаружи палатку покрыл седой налет.

Холодно.

Настолько холодно, что холод этот ощущается сквозь костюм. Он проникает в кровь с воздухом, и в горле тотчас начинает першить. Нкрума сделал несколько медленных глубоких вдохов. И сердца застучали, разгоняясь.

Заработали надпочечники, подстегивая метаболизм ударной дозой гормонов.

И тело заныло, предчувствуя превращение. Обойтись бы без него, но... так быстрее. Он упал на четыре лапы и потянулся.

Холод не исчез. Просто стал менее заметен?

Пожалуй.

Серое на сером. Серые извивы стен. Серые тени скорпионов, впавших в спячку. И серая же сеть паука, которая стала настолько хрупкой, что разлетится на осколки от одного прикосновения.

Дышать.

Периферические сплетения сосудов раскрываются, принимая горячую кровь, и на мгновение становится жарко, но затем кровь откатывается, сосуды смыкаются, и Нкрума вздрагивает от холода.

Двигаться.

И надеяться, что за последние полгода он нагулял достаточно толстый слой жира, чтобы выдержать эту прогулку.

Коридор, как и ожидалось, был засыпан.

Второй, впрочем, тоже.

За третьим ворочалось что-то крупное, явно голодное и прислушивающееся к теплу. С этим связываться не стоило. А вот четвертая развилка неожиданно вывела на поверхность. Путь был простым, разве что в одном месте завал сузил коридор настолько, что пришлось продираться, лежа на животе.

Ничего, шкура крепкая.

А костюм зарастет.

Висела луна. Отражалась в зеркалах песков, как и темное глубокое небо. В такие ночи Круон терял покров из облаков, и становился особенно незащищен. Где-то далеко и обреченно скрипел полуночный харраг, призывая на свидание самку.

Та не отвечала.

Нкрума принялся.

И бодро затрусил по направлению к поместью. Было бы преступлением упустить столь удобный случай. Система охраны, перегруженная бурей, еще восстанавливается.

А он говорил, что давно пора проложить новые нервные цепочки, да и в целом следовало бы настроить управляющий модуль.

Ничего.

Сейчас это даже на руку.

Купол исчез.

Правильно, буря не любит чужой силы. Нкрума надеялся, что запасных генераторов нет, а если и есть, то синхронизатор и управляющие модули слишком чувствительны, чтобы не пострадать от бури.

Внешняя граница его пропустила.

Еще один отличный признак. Следовательно, искусственный интеллект продолжал работать в штатном режиме.

Или повезло.

Он ступал по промерзшей земле, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться к происходящему вокруг.

Слабое потрескивание – лед раскалывал каменную породу.

Шорох.

Старая гадюка покинула гнездо. Она была матерой и толстой, и слой бурого жира позволял ей скользить по песку.

Хруст.

Ветка под ногой?

Нкрума застыл. Он видел чужака близко, и тепло, исходившее от него, будоражило сонную еще пустыню. Вот замерла гадюка, втиснувшись в расщелину между камнями. И лишь уродливая ромбовидная голова ее, покрытая мелкими наростами, осталась снаружи. Мелькал раздвоенный язык. И змея боролась между желанием подобраться поближе к существу, слишком теплomu, чтобы оставить его без внимания, и слишком крупному, чтобы быть хорошей добычей.

Молодая уползла бы, но эта, нарастившая не только жир, но и мозг, знала, что на свежую мертвечину отыщутся желающие.

Будет драка.

И суета.

И в суете этой она спокойно отыщет кого-то себе по силам.

Нкрума позволил ей проползти. Гадюка двигалась медленно и беззвучно, оставляя на песке полустертые следы.

– Первый, все чисто...

От этого отчетливо пахло дымом. И пара молодых скорпионов затаилась под крышей. Самка обвила хвостом кладку яиц, выставив тонкие клешни, а самец стрекотал, предупреждая: не нарушай границу.

Пришелец не слышал.

Он слушал музыку, ее эхо доносилось сквозь стены.

– Пятый на позиции... Чисто... Надолго? Да какого... чтоб линиялому рапану этому...

Он говорил, не прекращая жевать, и интенсивно размахивал конечностями, а потому не сразу и почувствовал укус.

Скорпионы не агрессивны. Но заботятся о немногочисленном потомстве.

– Погоди... какая-то хрень ползет... – Гость остановился и попытался стряхнуть скорпиона. Но конечности того, снабженные сотней крохотных игл, крепко цеплялись за поверхность брони. Хвост взметнулся еще раз, чтобы распрямиться. Он нашел уязвимое место, где смыкались две тевларовые пластины, и с легкостью пробил связующую ткань. – Да что...

Яд вошел в гемолимфу чужака, но подействовал не сразу.

Тому удалось скинуть скорпиона. И наступить. Хрустнул панцирь под

подошвой, и громко застрекотала обиженная невеста...

Кладку она сожрет. А уже на закате нового дня исполнит брачный танец с другим, более везучим охотником. Впрочем, вряд ли это знание как-либо помогло бы чужаку. Его рука дернулась.

И нога.

Из горла донесся протяжный хрип. Некоторое время он стоял, поддерживаемый мышцами экзоброни, но в конце концов рухнул, забился в конвульсиях.

Нкрума отступил.

Хорошо, что скорпиона удалось раздавить. Вряд ли пираты станут искать иную причину смерти. Жаль только, их слишком много, чтобы выдать каждому по твари.

Но уходить следовало.

Нкрума задержался на внешней границе, подложив под сторожевые столбы пару маячков-замедлителей. Пригодятся.

Еще он надеялся, что камеры молчали.

А женщина спала.

Меня разбудило то нехорошее чувство переполненности, которое весьма часто обрывает крепкий еще сон. Я поерзала, пытаясь выбрать позу поудобней, но...

Удобной не было.

А мочевого пузырь действительно намеревался лопнуть: еще немного, и он попросту лопнет. Это будет нехорошо. В следующее мгновение тело осознало, что, во-первых, лопнет или нет – этого толком никто не знает, во-вторых, оно отлежало руку, а в-третьих, мягкая грелка исчезла.

Не грелка – Нкрума.

Я открыла глаза.

Темно.

И страшно. И страх этот моментально развеял остатки сна. Впрочем, стоило мне пошевелиться, как под потолком нашей хижины вспыхнула круглая крупная колба, наполненная чем-то мелким и явно живым.

Я икнула.

И зажала рот руками.

Как быть?

Позвать на помощь? А если не услышит? А если он далеко? А кто-то другой близко? И этот кто-то вряд ли будет рад встрече. То есть он, может, и обрадуется, а я вот нет...

Разум и инстинкты подсказывали, что надо сидеть тихо-тихо и

надеяться, что мой жених ушел недалеко, скажем, в кустики или, с учетом окружающего пейзажа, в камушки.

Вот сейчас вернется.

Или сейчас.

Или...

Время шло. Медленно так, как жевательная резинка, тянулось, а Нкрума не возвращался. И первое беспокойство сменилось другими, нехорошими мыслями. Бросил? Нет, он не похож на того, кто... А вот оставить на время, чтобы проверить, как там незваные гости...

Заухало сердце.

Вдруг он к усадьбе пошел?

И в ловушку попал?

Или его местные твари сожрали? Небожь здесь изрядно тварей водится, которые сожрать способны. И тогда я осталась одна?

Одинокая.

Несчастливая.

Дева в башне, точнее в палатке... но от этого не легче... и надо бы еще подождать, только у мочевого пузыря собственные планы на жизнь имеются. И я... я ведь недалеко.

За палатку.

Писать в палатке – дурной тон. А больше я просто не выдержу. И если не уходить, то ничего дурного не случится.

Я выбралась из шелестящих листьев, которые поспешили сомкнуться. Сейчас наша постель больше всего напоминала кукурузный початок. И верхние листья начали подсыхать.

Камень в центре палатки был еще теплым, и значит, если Нкрума ушел, то не так давно: он бы не бросил меня замерзать. То есть очень надеюсь, что не бросил бы.

Я коснулась стены, не слишком понимая, что делать: та выглядела сплошной. Но стоило тронуть, и по гладкой поверхности побежала трещина. Отлично. Надеюсь, войти будет не сложнее, чем выйти. Снаружи было холодно.

Я видела собственное дыхание. И чувствовала холод на губах, на языке.

Я видела седой налет на камнях и палатке.

Острые иглы сосулек, крохотных, с полногтя... И ощущала холод сквозь пленку защитного костюма. А как его снимать-то? Я вдруг вспомнила, что мне говорили про эту колонию. В теории, если она поглощает всю влагу, то...

Нет уж. Теория теорией, а практика...

Я огляделась.

Два шага.

Вот к тому камню. Заблудиться невозможно: палатка видна издали, то есть я так думаю, но проверять не собираюсь.

– Извините, – сказала я обломку, который, кажется, был не просто камнем, а куском статуи, некогда величественной и грозной. – Но мне очень надо.

Одни штаны я сняла.

Вторые... чувствую, содрать их можно будет только с кожей. И как быть? Наверное, я бы долго еще думала, если бы вдруг серые пластины пола не треснули, выпуская огромную яйцевидную голову.

Организм среагировал быстрее меня.

И я осознала одновременно две вещи: во-первых, голова находилась между мной и палаткой, надежно перекрывая прямой путь, а во-вторых, из палатки вообще не стоило выходить.

Тепло появилось.

И исчезло.

А костюм мой потемнел. Так, об этом лучше не думать.

Голова медленно поднималась. Ее поддерживала длинная суставчатая шея преотвратительного вида. Впрочем, и сама голова не отличалась особой красотой. Вытянутая. Сплюснутая с двух сторон, она радовала взгляд многочисленными выростами, больше похожими на бородавки.

Рожки.

Кажется, потеки застывшей слизи. Во всем этом прятались крохотные золотистые глазки. А вот пасть была огромной и полной острых крючковидных зубов. Так что надеяться на вегетарианские повадки твари не стоило.

Я икнула.

Голова покачнулась.

Мелкая чешуя блестела, словно жиром смазанная... А шея все тянулась и тянулась, слегка расширяясь.

– Вы не будете против, – сказала я, отмерев, – если я вас покину?

Голова склонилась набок, а из трещин на шее вывалились бледно-розовые перья, на концах которых мигом заблестели капли влаги.

Я сделала шаг в сторону.

И голова качнулась за мной.

– Понимаю, что вам одиноко...

Она описала полукруг и опустилась, изогнув шею по-лебяжьи. А в

трещине появилась когтистая лапа, снабженная плотными перепонками. Так, если уходить, то сейчас, пока тварь полностью не выбралась.

Я перевела взгляд на палатку.

Она более не казалась мне сколь бы то ни было надежным убежищем. Почему-то я была уверена, что одним ударом лапы тварь разорвет тонкую ткань. А значит...

Все плохо.

Очень и очень плохо.

Если не к палатке, то куда?

Вторая лапа впилась в камень, и тварь медленно потянулась, издав тонкий обиженный свист.

– Но у меня дела, – мой взгляд метался по пещере, которая, как назло, манила полудюжиной ходов. – Очень и очень важные...

Ближайшие два, пожалуй, подойдут. Левый в частности, он узкий и тесный, туда тварь вряд ли протиснется.

Шажок.

И снова свист.

– Но я всенепременно вернусь, чтобы продолжить эту увлекательную беседу, – заверила я, делая еще один шаг.

Медленно.

Очень медленно. Если дернусь, она бросится, а так... пока уверена, что добыча на месте, и спешить не станет. Тварь заухала и отряхнулась, застучали по спине длинные иглы, а в воздухе резко запахло апельсинами.

– Чудесный аромат, – я продолжала пятиться, не сводя с твари взгляда.

Если кинется, шансов у меня нет.

Никаких.

– И вам очень идет...

Не оступиться.

Не упасть.

Добраться и нырнуть в ход. Если, конечно, я в нем помещусь. Он выглядел еще более узким, чем издали. Я, конечно, не особо толстая, но...

Тело твари, покрытое темной ромбовидной чешуей, казалось бесконечным. Оно тянулось и тянулось, расширяя и без того немалый пролом в полу.

– А хочешь, я тебе спою? Расцветали яблони и груши... – Мой голос заполнил пещеру. Не сказать, чтобы я обладала выдающимися вокальными данными, но твари понравилось. Она замерла.

И глаза прикрыла.

И лишь розовые перья на шее трепетали.

– Поплыли туманы над рекой...

Тонкий свист оказался мелодичным. Она что, подпевает? Хищник-меломан...

– Выходила на берег Катюша...

Я оказалась у входа и, заглянув в него, продолжила:

– На высокий берег на крутой... А теперь извините.

Тесный.

И узкий.

И с каждым шагом становился все уже. Я услышала обиженный визг, то ли неожиданное окончание концерта пришлось ей не по нраву, то ли исчезновение завтрака, разбираться я не стала. Прижавшись к стене, я торопливо втискивалась между двумя рядами огромных глыбин. И надеялась, что коридор этот достаточно длинный, чтобы убраться на безопасное расстояние.

Тварь пыхтела.

И кажется, умудрилась просунуть голову в щель. Заухала. Захныкала. Залепетала что-то жалобное-жалобное, отчего у меня слезы на глаза навернулись.

Хоть возвращайся и утешай...

Нет уж!

Я выдохнула, потому как коридор стал непозволительно узок. Может, и смысла нет дальше идти? Посижу тут, пока Нкрума не придет, а там... надеюсь, он прогонит это существо, кем бы оно ни было, найдет меня, спасет, а я уже была готова броситься на шею спасителю и оросить ее слезами.

Щедро.

Я вздохнула.

И вздох был ответом.

Вздогнула.

Эхо. Это всего-навсего эхо. В подземельях оно тоже водится. То есть я очень на это надеюсь. Надо успокоиться и...

И что-то тяжелое легло на ногу, затем эту ногу обвило.

Не кричать. Не прыгать. А то вдруг оно ядовитое? Наверняка ядовитое... Прижаться к стене и притвориться частью ее... Ползет? Пусть себе ползет. И подальше, подальше... Хорошо, что писать уже не хочется, иначе...

Оно поднималось по телу медленно, ощупывая это самое тело. А забравшись на плечо, умудрилось протиснуться на другое, легло таким тяжеленным хомутом.

Довольно теплым, к слову.

Вздрогнуло.

Качнулось.

И напротив меня в темноте тускло блеснули желтые глаза.

– А давай я и тебе спою? – без особой надежды поинтересовалась я.

Ответом мне было шипение. Странно, но оно показалось вполне дружелюбным. Глаза мигнули, а в раскрытую ладонь ткнулось что-то твердое и шершавое.

Я застыла.

И дышать старалась через раз, но получалось слабо. Тварь на мне, кем бы она ни была, медленно поднималась, устраиваясь поудобней, что было весьма затруднительно. Все ж мои плечи были не предназначены для держания всяких там...

Что-то щекотнуло шею.

Ткнулось в ухо.

И вновь зашипело, этак доверительно.

Не знаю, как долго мы стояли. Вначале я боялась. Нет, боялась – не то слово, я оцепенела от ужаса, но время шло.

И шло.

Тварь прижалась к щеке, нежно так... и была она довольно-таки теплой. А стена – жесткой. Ноги дрожали, но страх... он не то чтобы вовсе исчез, скорее ослаб, позволяя думать.

Если бы меня хотели сожрать, уже сожрали бы.

А если нет...

Я пошевелила рукой.

Тварь не отреагировала.

Пошевелила другой. И кажется, спугнула кого-то, кто устроился на моей ноге. Он заворчал и эту ногу прихватил зубами, чтобы в следующее мгновение отпустить.

– С-спасибо, – икнув, сказала я. – Но если бы вы были так любезны проводить меня, а то жених, знаете ли, волноваться станет.

Если, конечно, еще есть кому волноваться.

Глава 24

Назад Нкрума летел.

Он понимал, что опаздывает, что зря выходил и вообще не стоило бросать ее одну, и потому спешил, как мог. Пустыня оживала. Милосердное рассветное солнце топило лед, и тепло его, пока еще ласковое, питало жизнь.

Время уходило.

И белая вспышка в небесах не заставила Нкруму ни на мгновенье замедлить бег.

Город показался, совершенно такой же, как и был до бури. Голова зверя и та была занесена лишь наполовину.

Издевательство.

Нкрума все же перешел на шаг.

Вот и нужный тоннель. И запах зверя, которого здесь просто-напросто не могло быть. Матерый рапан со шкурой, прочной, как скалы предков, расхаживал вокруг палатки, то и дело останавливаясь, чтобы ткнуться в нее мордой. И на морде этой застыло выражение...

Удивления?

Восторга?

Он чуял женщину? И предвкушал хороший мясной обед?

Нет... если бы так, палатку рапан давно разорвал бы, когти его и полиброню корабельную распилить способны, а уж палатка ему на один взмах лапы. Тогда в чем дело?

Игрушка?

Они вообще способны играть?

Нкрума зарычал. Его голос отвлек внимание рапана от палатки, заставив отпрянуть и тоненько заскрежетать. Рапан привстал на задние лапы, и макушка его почти коснулась высокого потолка.

В прямой схватке его не одолеть, разве что увести за собой... Куда?

В боковой тоннель.

Первый достаточно широк.

Рапан заворчал.

И раздул воздушные мешки на горле, издав при этом протяжный гудящий звук. Он переминался с ноги на ногу, явно раздумывая, что делать: броситься на наглеца, посмеявшего его потревожить, или же убраться. Для крохотного мозга его выбор был слишком тяжел, и рапан мучился.

Свистел.

И топал ногами, надеясь, что чужак, пусть и небольшого размера, но вида грозного и наглости необычайной – до того все твари сами предпочитали убираться прочь, – сгинет. Но Нкрума ответил грозным рыком. И рапан вздохнул.

Он выбросил длинный хвост, надеясь ударом его снести наглеца.

Нкрума увернулся и полоснул по хвосту когтями, аккуратно между чешуей, а потом, подобравшись, прыгнул. Ему повезло. Рапан был крупным, слегка замерзшим, а потому медлительным. И похоже, он давно ни с кем не вступал в схватку.

Когти увязли в шкуре. И Нкрума, с трудом вытягивая их, карабкался выше.

Бежать?

Его зверь не согласен был бегать, пусть и от рапана, который верещал и вздрагивал, при том не делая попыток стряхнуть когтистого чужака.

Зверь знал, что стоит оказаться на земле, и рапан отомрет.

Затопчет.

Или собьет ударом могучей шеи. Острые клыки его разорвут кожу. Выше и еще выше... Добраться до горловых мешков, которые тонки, и достаточно одного удара... А если получится до жабер дотянуться...

Зверь не знал сомнений.

И страха.

У него почти получилось, когда костистые шипы рапана встали дыбом, а шея, вздрогнув, вдруг нырнула влево, а затем и вправо, изо всей силы впечатавшись в стену. Стена выдержала, а вот Нкрума оказался на земле, он перекатился, вскочил и зарычал, а рапан ответил ревом.

Удар его хвоста пришелся над головой. И высек искры из стены.

Нкрума извернулся и ухватил-таки хвост зубами, впрочем, вынужден был выпустить, поскольку оставаться без зубов его зверь не желал, и...

И рапан умудрился оттеснить его от тоннеля.

И заставил обогнуть каменный столб.

И кажется, бежать больше было некуда, хотя...

Женщина появилась в самый неподходящий момент. И Нкрума еще успел подумать, что песчаные гадюки нынче пошли совершенно не те...

Рев я слышала издали.

Два рева. И один, перемежавшийся с причитаниями, явно принадлежал тому огромному существу, которое не убралось, как я надеялась.

А вот второй...

Я икнула.

Нет, мой жених, конечно, был грозен, но этой твари он на один зуб. Ну, или на два. А я... я что потом буду делать?

Соглашусь, причина сугубо эгоистическая, но, главное, подействовала. И я решительно шагнула, вытянув ногу из теплых объятий существа, разглядеть которое мне милосердно не позволяла темнота. Существо вздрогнуло, ногу отпустило, но лишь затем, чтобы вновь к ней прижаться.

– Мне идти надо, – сказала я строго. – Спасать это... недоразумение.

В принципе, я плохо представляла, как именно спасти стану, но и бросить бедолагу наедине с тварью, мною разбуженной, не желала.

Существо, висевшее на шее, подобрало длинное тело, а голову возложило мне на голову. Другое – или другие? – тоненько посвистывая, суеилось под ногами. И я очень надеялась, что не наступлю ни на кого случайно.

Обратный путь оказался не таким и длинным, как я себе представляла. Десяток шагов – и я в пещере.

В огромной такой пещере, где еще возвышалась серая громадина палатки. Ее слегка присыпало песком и каменной крошкой. На стенах появились свежие борозды, а одна из колонн обзавелась солидного вида трещиной.

По-прежнему зиял пролом в полу.

А два зверя застыли друг напротив друга. Существо было огромным.

Слон?

Или, скорее, некий безумный диплодок, хотя они, помнится, травоядными были. Это же, с плотной чешуей и острыми иглами вдоль позвоночника, выглядело довольно-таки грозно. Оно то и дело привставало на задние лапы, которые были крупнее передних.

Правда, когти имелись и на передних.

И кажется, моему жениху от этих когтей досталось.

Лев стоял.

Еще стоял. Но выглядел весьма неважно.

– Прекратите! – пискнула я.

Хотелось думать, что крик был грозен.

– Немедленно прекратите! – я замахнулась рукой, точнее, тем, что на эту руку село и уцепилось когтистыми лапками. Чем бы оно ни было, но тоже вид имело довольно грозный – длинное чешуйчатое тело, короткие конечности и широкая пасть, которая любезно открылась. Из нее вырвался не то сип, не то хрип, но на нас наконец обратили внимание.

Существо затопотало, засвистело, замахало лапами и... готова поклясться, оно жаловалось! Если еще покажет на жениха пальцем, я окончательно поверю, что оно разумно.

– Он тебя обидел? – спросила я, погладив то создание, которое висело на моей правой руке. Оно зажмурилось и пасть закрыло, что меня немного успокоило.

Все-таки зубы у них тут явно не для того, чтобы песок пережевывать.

А тварь заухала.

– Первый начал? Думаю, он не нарочно. Просто не знал, что ты хороший.

Чешуйчатый воротник на моей шее переместился. А ведь змеи, помнится, сильны. И если захочет, ей достаточно будет сдавить кольца, чтобы я задохнулась. И жалить не надо.

Жалить не спешили.

Душить тоже.

Змея стекла по моей спине на пол, где и позволила разглядеть себя во всей красе. Да, хорошо, что в коридоре было темно. Метров пять в ней, и толщиной с мою голень... Узкое тело темно-золотого оттенка покрыто мелким узором.

Красиво, пожалуй.

Голова крупная, ромбовидная.

И зубы... такие зубы...

Существо змея не понравилась. Он отступил и почти сел на зад, издав при этом тонкий пронзительный звук.

– Она тебя не тронет... Ты ведь его не тронешь?

А на брючине устроилось семейство скорпионов. Это вообще как понимать? Родственную душу почуяли? Или просто тепло?

Змея не спешила отвечать. Она медленно покачивалась, разглядывая тварь, а та будто меньше стала. И теперь уже не свистела, а лопотала на все лады, то жалобно, то громко, возмущенно.

– Д-давайте, – я старалась не думать про скорпионов.

Про змей.

И про тварь, восплававшую нежной любовью к моей руке. Есть меня не едят, что хорошо, а с остальным мы разберемся позже.

Надеюсь.

– Д-давайте все вздохнем и постараемся мирно ужиться друг с другом. Это ведь не сложно, – я смотрела не на тварь, которая вела себя вполне прилично для огромного зубастого монстра, а на жениха, пытаюсь понять, что же творится в этой его голове.

Голова, кстати, опущена.

Плечи подняты.

Лапы широко расставлены. И спина напряжена. Хвост ходит из стороны в сторону, и движения такие характерные.

– Стой! – рывкнула я, и скорпионы торопливо закачали хвостами. А змея зашипела. – Нкрума, я тебе говорю! Веди себя прилично. Как маленький, право слово. Видишь, остальные могут, а ты...

Недоумение в желтых глазах было весьма искренним.

Как и обида.

Но лев встал.

И сел. И голову набок склонил, пытаясь одновременно и на тварь смотреть, и на меня. Это он зря, конечно, так и до косоглазия недалеко... хвост раздраженно дернулся. А динозавроподобное существо, развернувшись к жениху, загудело. И лапку этак выставило... Нет, определенно жалуется.

– Извини, – я развела руками. – Такой вот он у меня... невоспитанный, но мы над этим поработаем.

Тварь ухнула.

А змея вновь скользнула ко мне.

– Не надо, ладно? – попросила я, когда тело ее обвило ногу. – Ты, конечно, красавица, но...

Я нашла в себе силы прикоснуться к ней.

А что? Теплая и сухая, чешуйки мелкие, как рисовые зернышки, и по ним пальцами можно прочесть узор.

– ...Но и вешишь немало. Мне тяжеловато тебя носить.

Впрочем, мое мнение никого не интересовало. Заняв свое место, змея улеглась поудобней – удобно было ей, но не мне, ибо весил этот рептильный воротник прилично, – и затихла. Скорпионы, посоветовавшись, перебрались повыше.

А тварь на руке и вовсе соизволила глаза закрыть.

Чего Арагами-тари не предполагала, так это ошейников.

– Не переживайте, тари, – айварх лично защелкнул ограничитель на ее шее. – Это, конечно, не колье, но неудобств при правильном поведении не доставит. А мы с вами договорились, что вести себя вы будете правильно.

Где они только эту рухлядь раскопали?

Ошейники эти, созданные для контроля над дивергентными агрессивными особями, уже лет сто назад заменили на более гуманные нейрочипы. Но легче избавиться именно от ошейника. С нейрочипом все

куда как сложнее.

Тихий щелчок.

И возмущенный взгляд Бои, которую подобное украшение совсем не радовало. Конечно, это же не семейное ожерелье... ну ничего, девочка с гневом управилась.

Песчаница и вовсе будто не заметила.

Провела пальчиком по металлу.

Вздохнула.

Улыбнулась этак многозначительно...

А ведь, помнится, от них отказались именно по причине ненадежности. Бунт на копиях Терры до сих пор во всех учебниках приводят. Еще бы вспомнить, что там случилось, помимо неэффективной работы управляющего. То ли вспышка на звезде и массовый сбой, то ли вирус...

– Так-то лучше, – айварх отошел и устроился у окна. Неплохо так устроился, растянулся в низком кресле. Приложил к губам флягу. – А теперь можем и продолжить нашу увлекательную беседу. Например, поговорим о том, что мне от вас надо. Вы, многоуважаемая Арагами-тари, должно быть, знаете, что не так далеко от вашего поместья расположен некий закрытый для посещения объект...

Он делал паузы.

И говорил мягко, но взгляд оставался цепким, внимательным.

– Мой опыт подсказывает, что круонцы, сделав несколько попыток, отступились, признали место священным, нанесли на карту и забыли.

Она позволила себе наклонить голову, что могло быть истолковано за согласие. Впрочем, она не отвечает за чужое толкование собственных жестов.

– Чудесно. Просто превосходно. Значит, город не вскрыт. И что это нам дает?

Помимо мучительной смерти, которая ждет отступников? Пожалуй, ничего.

– Это дает нам удивительный шанс прикоснуться к технологиям Предтечи.

Арагами-тари с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. И этот туда же! Можно подумать, он первый. Находились и прежде подобные идеалисты. Прикоснуться к технологии, добыть оружие, создать новый мир...

Никто не вернулся.

И правильно.

Все-таки в чем-то старуха была права. Мужчинам не следует давать слишком много воли.

– ...Открывает воистину уникальные возможности.

А речь он тренирует, и отнюдь не для заложников. Для кого тогда? Ах, как отчаянно не хватает информации! Дело не в Круоне, просто не повезло, что здесь сохранились древние города, дело в Галактическом Совете. А они про Совет знают крайне мало... Пожалуй, еще меньше, чем сам Совет знает о Круоне.

Плохо.

И недальновидно.

Вот к чему приводит изоляция. Если уж закрываться, то полностью. А то вышло, что они держали дверь приоткрытой, надеясь, что сумеют взять лишь то, что нужно Круону.

Злость отрезвляла.

– К сожалению, мой предшественник сделал все возможное, чтобы дискредитировать нашу организацию в глазах Вселенной. Увы, свойственная его расе агрессивность привела к тому, что усилия многих и многих людей были сведены на нет. И карательная экспедиция, как ни печально признать это, явилась закономерным итогом.

Айварх расхаживал по комнате, останавливаясь лишь затем, чтобы сделать глубокий вдох.

– Но теперь мы перешли на новый уровень. Содружество заявляет, будто оно открыто для диалога? Отлично! Будто нет препятствий для тех, кто пожелает уйти? Великолепно. Они полагают, будто нам, тем, кому тесно в душных сетях закрепощенных правилами обществ, некуда деваться, особенно теперь, когда пала твердыня благословенного мира.

Бои закатали очи.

К счастью, выразительная сия демонстрация осталась незамеченной. Айварх был увлечен собственной речью и, кажется, своей особой. На редкость самолюбивая раса, но именно эта особь, похоже, самолюбивей прочих.

Впрочем, так даже лучше.

Психология данного самца не допустит сомнений в том, что поступает он единственно верным путем. И если уж он начал вещать, то...

– ...Однако скоро мы сможем предоставить альтернативу. Свобода! Братья и сестры, та свобода, которой обладали Древние в своих желаниях, та свобода, что позволяла им творить, создавая жизнь на мирах, самой Вселенной для жизни не предназначенных! И пусть закон Бархара запрещает колонизировать миры, на которых возможно развитие разумной

жизни, тем самым закрывая нам путь к большинству планет с подходящим режимом, ныне мы можем переступить через этот закон, не нарушив его. Свободных планет не осталось, ибо жизнь есть везде, где возможно? Пускай! Мы сможем жить там, где это невозможно! И наша собственная цивилизация...

Арагами-тари прикрыла глаза.

А ведь рассказывал Нкрума что-то такое про пиратов. На Круоне прежде водились разбойники, стояли на торговых тропах, держали оазисы, миновать которые не получалось, порой вырезали целые племена... И эти, космические, ей представлялись чем-то подобным.

На деле получается все сложнее.

Арагами-тари коснулась ошейника, который на прикосновение отреагировал упреждающим уколом. Разряд электричества был ощутим, но не сказать чтобы болезнен.

– Мы заявляем, что наша организация, ныне именуемая «Новой жизнью», жива и готова к свершениям! Мы отринули кровавое прошлое!

Здесь Арагами-тари испытывала некоторые сомнения.

– И не желаем более бессмысленных жертв. Нам нужен лишь шанс, но, чтобы получить его, мы пойдем на все. Круон тысячи лет хранит бесчисленные сокровища, позволившие этой расе выживать в ужасающих условиях пустыни.

– Мама, он меня утомляет, – одними губами произнесла Бои.

И Арагами-тари погладила девочку по руке.

Все-таки в Совет ей рановато, там куда более занудные речи произносятся.

– ...И высшая справедливость требует отринуть вековую замшелость.

Да, с замшелостью определенно стоило что-то сделать, если не отринуть, то хотя бы подвинуть слегка. Несколько гневных пассажиров, направленных на клеймение их расовой скаредности и скрытности, мешающей всем желающим немедля шагнуть в светлое будущее, Арагами-тари пропустила мимо ушей.

– Нам не осталось ничего, кроме как использовать силу! Но мы, не желая новых жертв, клянемся, что в тот миг, когда двери древних городов распахнутся перед нами, отпустим заложников.

Айварх замолк, опершись на подоконник. Он дышал тяжело и руку от груди не убирал. Правда, сердце у его расы располагалось несколько ниже, но Арагами-тари согласилась, что рука на животе выглядит куда менее трепетно.

– А все-таки чего он хочет? – не выдержала Бои. Поерзав, она

придвинулась поближе к песчанице, которая легонько кивнула.

Девочки, девочки... Какое отвратительное отсутствие элементарнейшей выдержки.

И айварх услышал. Нервно дернул ухом и поинтересовался:

– Они так ничего и не поняли?

– Слишком молоды, – вежливо заметила Арагами-тари.

Этого стоит уничтожить первым. Он явно, с одной стороны, доминантен, а с другой – слишком нервозен и недоверчив, чтобы терпеть рядом с собой иных доминант. Следовательно, все, кто пришел за ним, привыкли подчиняться.

Это хорошо.

Плохо... плохо, что трусоватость сделала айварха крайне осторожным. Ну что за удовольствие охотиться на слабую дичь?

– Речь не понравилась, – он констатировал это как факт, и лишь уши дернулись. Самолюбив, весьма самолюбив.

– Что вы, было весьма эмоционально. Искренне. Но длинновато.

– Вот и мне кажется...

– Определенно. – Арагами-тари сложила руки на коленях. – Все же внимание сетевой аудитории довольно сложно удержать одними эмоциями. Если немного сократить... скажем, в последней трети...

– И добавить кровавых подробностей?

Он выразительно погладил пушку. И Бои сглотнула.

– Ну что вы, вы же говорите о мире, а кровавые подробности, скажем так, несколько перевозбудят аудиторию и оставят неприятное послевкусие. Весь вопрос в доверии. Не стоит показывать себя большим чудовищем, чем...

– Я есть?

Он расправил плечи.

Да, слишком самолюбив.

Глава 25

Следующие несколько часов не происходило ровным счетом ничего. Айварх время от времени пытался подключиться к Сети, но буря накрыла планету плотным пологом песка, в котором сигналы тонули, что семена ашаи в воде.

В какой-то момент Бои прилегла, обнявшись с песчаницей. Подружились? Замечательно. Девочка милая, спокойная... Надо будет, чтобы младшенький присмотрелся.

Арагами-тари отчаянно гнала неправильные мысли прочь.

У них получится.

Дом молчит.

И следовательно, что бы ни происходило внизу, это не было опасно для дома.

– И долго буря длится? – Айварх подошел к окну и решительно смахнул силовую завесу.

– День, два. Иногда дней десять, но это редкость. – Она потянулась, разминая затекшие мышцы.

Они не совершат глупостей – ее дети, которые настолько же сильны, насколько и беспечны. И быть может, все еще обойдется малой кровью.

– Проклятье...

– Город не засыплет. Иногда его заносит, но он освобождается от песка за сутки-другие. Здесь недалеко. Что именно вы хотите найти в нем?

– Любопытная...

Массивная ладонь замирает над металлокерамической поверхностью ствола таким намеком: вопросы здесь задает он, а Арагами-тари надобно вести себя так, как положено скромной заложнице.

И она склоняет голову.

– Нам нужен проводник. Мы пытались высадиться рядом с городом, но там слишком все ненадежно. Да и сканирование ничего не дало.

– Города мало изучены.

Айварх усмехнулся.

– Ничего. Будет время, изучим получше. Это всем нам пойдет на пользу. Вы ведь не думаете, что Лига оставит вас в покое? Сейчас вам рады. Как же, новый открытый мир! Но как долго вы таким останетесь? Вдали от искушений Галосети, от их пороков, которыми они извращают разум молодежи. Скоро вы окажетесь в западне чужих правил...

Теперь он говорил вполне искренне. И Арагами-тари, выслушав, согласилась:

– Эта речь много лучше.

А проводник... что ж, его проводят. Она лишь надеялась, что Древние будут милостивы к своим детям.

– Кажется, ветер стихает, – сказала она и добавила: – Вы не будете возражать, если я пройду? Ноги затекли.

Прогулка под дулом.

Почему бы и нет? И ласковое прикосновение к стене не осталось незамеченным. Ухнула пушка и в этой стене появилась глубокая яма, истекающая теплым соком.

– Не шути, дамочка, – произнес айварх. – Я ведь и тебя могу без головы оставить.

– Вряд ли тогда с вами станут разговаривать.

– Отчего ж, дамочек у меня еще много. Хватит для беседы.

Пусть так.

Дому было больно. Он затянет рану, тут сомневаться не стоит, но и боль запомнит, как и того, кто ее причинил. У дома, помнится, на редкость мстительный характер. А если так...

Сами виноваты.

Нечего обижать чужие жилища.

Больше ничего интересного не происходило. Буря улеглась, заморозив пустыню напоследок. И ближе к рассвету пиликнул браслет связи.

Айварх коснулся пальцем уха.

Выслушал.

И помрачнел.

– Ты, – он вцепился в плечо Арагами-тари, причинив немалую боль, – идешь со мной. Вы сидите. Дернутая – убивай. У нас этих дур много.

Кто бы сомневался, что разговоры о бескровном захвате всего-навсего разговоры.

– Идем. И не думай творить глупости.

Он держал ее крепко.

Интересно, его за агрессивность изгнали или за глупость? Или и то, и другое разом? Но мысли свои Арагами-тари оставила при себе. Она была тиха и покорна, и эта покорность несколько приглушила его злость. Во всяком случае, у дверей на террасу он соизволил выпустить ее.

– Я стреляю быстрее, чем ты бегаешь.

– Мне бегать не по возрасту...

Солнце вставало.

Оно было медлительно и лениво, и потому лед пока держался ледяной корой. Листья харрцинии стали хрупкими, седоватыми. Потом, конечно, оттают и некоторые опадут, став пищей хищных корней. Зато день-другой спустя проклюнутся новые, бледно-лилового оттенка.

Будет красиво.

Впрочем, чужака интересовала не харрциния, не солнце, а особь гоминидного типа, лежавшая у стены. Вытянутое тело, сведенные судорогой мышцы.

Оружие здесь же.

Арагами-тари приподняла шелка. Не хватало еще стать жертвой пары. Скорпионы порой отличались просто-таки отвратительной мстительностью.

– Что скажешь? – айварх не спешил прикасаться к телу.

Благоразумно с его стороны. А было бы весьма мило... Один укус – и столько проблем разом решилось бы.

– Скажу, что наш мир не любит чужаков.

– Конкретней!

Арагами-тари присела и указала пальчиком на полураздавленное членистоногое.

– Предположу, что он решил стряхнуть скорпиона, за что и поплатился. Это пустынный кассар, довольно редкий вид. Охраняемый. Обычно агрессивности не проявляет, хотя в рейтинге опасных видов занимает третью строку. Смерть была очень быстрой.

Она втянула холодный воздух и отвернулась, скрывая улыбку.

Нкрума, вредный мальчишка, был здесь. И если так, то бурю он пережил. Что ж, оставалось надеяться, что и девочка цела.

Арагами-тари очень не любила, когда что-то или кто-то мешал ее планам.

А планы у нее были грандиозные.

– Он был в костюме!

Кажется, ее визави не был готов поверить в скорпиона.

– У пустынного кассара на редкость крепкие иглы и удар хорош. Пробивает броню второго и третьего класса. Разденьте его и увидите.

– Пошла отсюда! – рявкнул айварх и занес руку для удара.

Но ударить не посмел.

Жаль, это стало бы хорошим поводом снести ему голову.

Нкрума смотрел на женщину, которой полагалось бы умереть.

И не однажды.

Первый раз, когда она коснулась теплой гадючьей чешуи. Пустынные змеи были на редкость нервозны и быстры. А нынешняя, судя по размерам, огромным даже для гадюки, разменяла не один десяток лет. Бледная чешуя ее искрилась и поблескивала, показывая, что уровень бельтодия в этой чешуе запределен.

Второй раз, когда подобрала хармара, существо в целом мирное и малоподвижное, но обладающее отвратительной привычкой хватать все, что оказывается в непосредственной досягаемости.

К примеру, руки.

А этот обнял, прижался и глаза закрыл.

В третий раз ее должны были убить скорпионы, выводок которых устроился в складках ее наряда. И это не говоря о рапане, который кружил, ухал, но нападать не спешил. А после и вовсе разлегся, шею вытянул и уткнулся в руку уродливой мордой.

– Хороший... – голос женщины слегка дрогнул. – Извини, что испугалась. Я как-то не привыкла к таким знакомствам.

Рапан засвистел.

И зажмурился, когда пальцы ее пробежали по паутинным бугоркам. Тяжкий вздох потревожил гадюку, заставив открыть оба глаза. Змея предупреждающе зашипела, а рапан мелко-мелко застучал хвостом.

Нкрума же задумался, не случилось ли ему попасть в ловушку?

Скажем, газа надышаться галлюциногенного. Или не газа, яды всякие бывают... И может, тело его где-то там, у дома осталось, тогда как сознание гуляет неисследованными тропами разума.

Извернувшись, он ухватил себя за хвост и вцепился в него.

Боль была такой, что Нкрума не выдержал и подпрыгнул, издав обиженный визг. И рапан зауhal, этак с укоризною. В голосе его слышались хорошо знакомые ноты: мол, такой большой, а глупости творишь.

– С тобой все в порядке? – нервно поинтересовалась женщина, пытаясь отодрать хармара, явно не желавшего расставаться с рукой. – А я... я в туалет вышла... очень захотелось, и...

Нкрума присел и попытался поймать хвост, чтобылизать рану. Но хвост ему больше не верил и норовил ускользнуть из лап.

– А тут он... Я убежала вон туда, – она махнула рукой на узкий проход. – Застряла немного... и они вот пришли. Представляешь?

Нет.

И представлять не желал. Что бы ни было в том проходе, оно явно воздействовало на разум существ, заставляя их вести себя нетипично. Но

как только воздействие прекратится...

– Тоже думаешь, что они меня сожрать хотят?

Рапан заурчал, явно возмущенный подобным предположением.

– Я не знаю, как их снять. И может, ты приобретешь обычный вид? А то мне как-то среди этого зоопарка неуютно.

В ее словах имелся смысл.

Чувствовала я себя... да полной дурой чувствовала.

Ожерелье из живой змеи немалого веса. Браслет из твари неведомой, но явно хищной, вон, зубы острые в три ряда. Плюс подвески из скорпионов данью местному безумному дизайну.

Ладно, главное – пока цела.

Жива.

А что дальше... Надеюсь, жених в курсе, что с этим зоопарком делать, а то ведь нервы у меня не железные, могу и в истерику удариться. Я отвернулась, позволяя ненаглядному сменить ипостась, и так стояла, разглядывая шипастую морду создания, на которой застыла гримаса величайшего блаженства.

И он, выходит, любит, когда за ухом чешут.

Уши, правда, были весьма и весьма условные, но...

– Агния, – осипший голос заставил обернуться. – Пожалуйста, расскажи, что произошло.

Да кабы я знала... Главное, жених разогнулся и выглядел относительно целым, хотя и потрепанным. Зверюга потянулась было к нему, заухав, но я топнула ногой:

– Стоять. Никто никого есть не станет. Понятно?

– Понятно, – мрачно отозвался Нкрума. – Но, может, ты снимешь гадюку? Она ядовита.

Об этом я сама догадалась.

Здесь, по-моему, неядовитые твари не водятся. А если уж природа обделила отравой, то щедро отсыпала когтей с зубами. Я вздохнула и, погладив змею – как ни странно, прикосновение к ней не вызвало отвращения, – попросила:

– Давай ты меня отпустишь? Хочешь, я тебя на колени возьму? А то ты очень тяжелая.

Я присела на какой-то обломок и почти без страха отпихнула уродливую морду, вознамерившуюся устроиться у меня на коленях. И змеюка одобрительно зашипела. Она стекла на эти колени, свернувшись в несколько раз и устроив голову поверх колец.

Скорпионы зашелестели, будто советуясь, но тоже сползли на землю и исчезли где-то в трещинах.

– Я действительно не понимаю, что происходит, – я провела мизинцем по плотной чешуе. – Просто скажи, что этому есть объяснение.

Нкрума покачал головой, а потом неуверенно ответил:

– Возможно, какой-то подземный газ или излучение?

Это он у меня спрашивает? Хотя чем бы это ни было, главное, чтобы не прекратилось в мгновение ока. Как-то...

Мысль, несомненно глубокую, прервало протяжное гудение, а затем взрыв сотряс потолок, обрушив на нас град из песка и щебенки. Я только и успела, что икнуть, как сверху оказалось огромное тело зверя.

Массивные ноги.

Гладкое брюхо.

И кажется, я на змею упала, но та, вместо того чтобы впиться в тело, как положено приличной гадюке, лишь зашипела и медленно, с чувством собственного достоинства, выползла из-под меня.

Снова ухнуло.

Громыкнуло.

И на грохот этот зверь отозвался рассерженным ревом. Я его понимаю. Сидишь тут в пещере, а какие-то неразумные существа ее ломают пренаглым образом, того и гляди разрушат. И пожалуй, зверь пришел к тому же выводу, а потому загудел, подхватил меня за шкурку – подхватил аккуратно – и куда-то потащил.

Надеюсь, не жрать.

Я только и смогла, что пискнуть.

– Стой! – Нкрума поднялся на четвереньки. – Стой, кому говорят. Агния, прикажи ему!

Ага, а он возьмет и послушается.

Но я набрала воздуха и так громко, как смогла, рявкнула:

– Стоять!

Как ни странно, зверь остановился.

Дернул головой и заурчал что-то крайне неодобрительное.

– Отпусти меня, – я дернула за костюм. Надо же, до чего местный шелк крепок. – Пожалуйста.

И вновь меня послушали.

Заухали только, затоптали и замотали головой, явственно намекая, что это место не слишком-то подходит для дружеских посиделок. Потолок вновь затрясся.

– Что это? – поинтересовалась я у жениха, который скривился и уши к

голове прижал. – Может, пойдем уже, а?

– Бомбят, – произнес Нкрума сквозь зубы. – И пожалуй, ты права, нам стоит спуститься глубже, но я там не бывал. Чем глубже, тем...

Понятно.

Закопаться можно, но кто раскапывать станет? Впрочем, один проводник у нас имеется.

– А... – я оглянулась на палатку. – Ее ведь забрать надо.

Слова мои утонули в грохоте взрыва, и крупный кусок камня приземлился на серебристый полог, задержался на мгновение, а после накрыл палатку, лишив проблему актуальности.

Нкрума схватил меня за руку.

– Идем! А ты – веди! И если вдруг вздумаешь нас сожрать...

Это предположение оскорбило нашего нового приятеля до глубины души.

– ...Я тебе поперек глотки встану.

Глава 26

Нкрума осознавал, что происходящее невозможно, однако хвост ныл, подтверждая его реальность. А если так, то ему следовало воспользоваться обстоятельствами. Проблем и без того слишком много, чтобы создавать себе новые.

Рапан зауhal и, отряхнувшись, потрусил к огромному провалу в стене. Он то и дело останавливался, убеждаясь, что и Агния, и Нкрума следуют за ним. И почему-то огромная змея, устроившаяся на спине – гадюка обвила костяной шип, – больше не казалась чем-то чуждым.

Взрывы продолжались.

Пять.

Семь.

Девять.

Они явно взрывали периметр, надеясь таким образом вскрыть глубинные пласты. Убеждены, что Древние защитили свою вотчину от такой малости, как поверхностный взрыв малой мощности? А дальше что? Ультразвуковые глушилки?

Или проходчики?

Их вряд ли много. Удовольствие дорогое, предназначенное для внешней разведки. До списания аппараты доживают редко. Есть, конечно, горнорудные, но у них защита послабее да и профиль иной. Значит, взрывы – первая стадия.

Ультразвуком тоже пройдутся, зачищая периметр.

Стандартный протокол.

Нкрума поморщился: не хватало, чтобы их задело. Он-то справится, в академии и этому учили, но зверье зверьем и останется.

Мы уходили ниже.

Глубже.

И я старалась не думать, сумеем ли мы подняться наверх, вообще выжить. Почему-то сейчас в логичность и даже правильность собственной смерти совершенно не верилось.

Коридоры мозга?

Как бы не так.

Просто коридоры.

Узкие.

Темные. Извилистые, которые сменялись другими, еще более извилистыми. Я задыхалась. И в боку кололо, как бывает после долгого бега. Перед глазами плясала мошкара, а где-то в желудке, не иначе, лежал камень, который и мешал двигаться.

Сволочь.

Но удары, доносившиеся сверху, становились глуше.

Тише.

И вовсе прекратились. Правда, ненадолго, скорее сменилась тактика: камень вдруг зазвенел. И тонко так, жалобно, а полосы на нем вспыхнули особенно ярко, и кажется, я оглохла и ослепла, и вообще отключилась, потому что в себя пришла уже сидящей.

На коленях жениха.

Тот держал меня осторожно, голову устроил на плече и покачивал, мурлыча что-то кошачье. И было так уютно и спокойно, что я почти согласилась потерять сознание вновь.

А что? Принцесса в обмороке, а то и вовсе во сне – сказочная история знала прецеденты, главное, что в себя я вернусь попозже, когда пираты будут изгнаны, подвиги свершены и настанет чудесный момент, когда героиня падает на могучую грудь героя. Ну, или не падает, но прижимается. Впрочем, грудь, а также все прочие части тела – вспомнив о некоторых, я, кажется, слегка покраснела – пребывали в полном моем распоряжении.

– А мы уже пришли? – робко поинтересовалась я, когда надоело притворяться мертвой.

– Пришли, – ответил Нкрума, но как-то не слишком радостно.

– А куда?

– Не знаю.

Понятно.

То есть ничего не понятно, но так оно и должно быть. Я поерзала, хотя жених не собирался выпускать меня из объятий.

– Так теплее, – пояснил он, и зверь, устроившийся рядом, отозвался клекотом. В нем мне чудилось и согласие – мол, действительно теплее, и возмущение, правда, уже не Нкрумой, которого не сожрали, а значит, признали за своего, но действиями чужаков.

– Ничего, – пообещала я. – Мы их прогоним. – И, помолчав, добавила: – Можете даже съесть... если отравиться не боитесь.

Как ни странно, но мое предложение было встречено одобрительным свистом. И жених, чуть поерзав, поинтересовался:

– У тебя голова не болит?

Я прислушалась.

Были ноги. И спина немного. Еще, кажется, рука затекла, но самую малость. Шею чуть тянуло, а голова... голова была ясна и готова мыслить. Эта ясность даже слегка пугала.

– Нет, – я все-таки села. Конечно, колыбель – это мило, но я все же немного вышла из того возраста, когда лежать в чужих руках и вправду удобно. – А у тебя?

– И у меня не болит. – Нкрума произнес это как-то печально. Уж не по поводу ли отсутствия мигрени он грустит?

– Ты огорчен?

– Не знаю. Это нехорошо.

Он мазохист?

Хотя с такой матушкой... Неокрепшая детская психика... Я погладила жениха по руке и спросила:

– Хочешь... не знаю, я тебе дубиной по лбу дам?

– Зачем? – Кажется, он несказанно удивился.

– Тогда голова точно заболит...

Змея, осознав, что я вернулась, медленно скользнула по ноге жениха, чтобы устроиться у меня на коленях. Да, я всегда мечтала о домашнем питомце, но вот как-то не о таком, что ли?

Более пушистого хотелось.

Нежного.

И змея, верно, что-то такое почувствовала, потому как с трудом поднялась и ткнулась ромбовидной головой в щеку, ласку выпрашивая. Да, внутри каждой гадюки живет милый пушистый крольчонок. И порой исключительно в переносном смысле.

– Ядовитый газ мы бы ощутили, – пояснил Нкрума. – Но анализаторы молчат, и, честно говоря, я не уверен, что это именно газ. Возможно, дело в излучении?

– Не понимаю.

Я все же погладила змею. Она была сухой, теплой и довольно-таки приятной на ощупь.

– Эти животные опасны...

Зверь за спиной испустил тонкий звук, в котором мне послышалась обида. Как же, он шкурой своей рисковал, вел нас самым дальним ходом, который был безопасен для существ столь хрупких, а тут такая нечеловеческая неблагодарность.

– Извини его. – Я бы дотянулась до зверя, если бы могла. – Он не понимает, что говорит. Он привык вас бояться...

И нельзя сказать, чтобы привычка была неразумной.

– Они не тронут нас.
– Откуда ты...
– Знаю, – я пожала плечами и поскребла змею под горлом. – Просто знаю, и все. Их бояться не нужно, они даже помогут, правда?

И змея тихонько зашипела. Кажется, в полутьме глаза ее блеснули желтым золотом.

В доме время текло медленно.

Ночь, проведенная не в самых удобных условиях, и бессонница отзывались ломотой в костях и острым желанием оторвать кому-то голову. Арагами-тари даже знала, кто это будет, но пока благоразумно желание сдерживала. Время от времени она поглядывала в окно, очень надеясь уловить знакомую тень, но ожидание давалось тяжело.

К тому же пить хотелось.

И есть.

А пираты пили и ели, причем демонстративно, а значит, дело было отнюдь не в забывчивости. Голод и жажда усмиряют, деморализуют и лишают сил.

Не в этом случае.

Глаза песчаницы неотрывно следили за жукообразным куршем, устроившимся на столике. Тяжелое брюшко его провисало в сетке тонких ног. Головогрудь, расписанная желтыми узорами, гляделась хрупкой, как древняя ваза.

Одного удара лапы хватит...

– Тише, девочки. – Арагами-тари поцокала языком, призывая к порядку.

На охоте главное – терпение.

Курш то и дело доставал плохонький визор, активировал его, и тонкие усики покачивались. Тревожится? Это правильно. Пусть тревожится, глядишь, и поумнеет заодно. Впрочем, на это Арагами-тари не особо рассчитывала.

– Рано. – Песчаница шевелила губами, но этого хватило, чтобы усы-метелки задрожали, а в сторону женщин развернулось дуло плазмомета.

Какая грубость.

– Нам в туалет нужно, – сказала Арагами-тари, сжимая руку невестки. – Физиология, как понимаете.

Курш вновь достал визор.

И коснулся махонькой черной кляксы на хитине. А вот это определенно из нового, как и тонкая паутинка, оплетавшая хрупкие ноги

существа.

Надо будет предупредить, чтобы тела сохранили. Мало ли сколько полезного внутри сокрыто. И патенты, безусловно, пусть и планетарного масштаба: Арагами-тари была не настолько глупа, чтобы позволить жадности ослепить себя.

Нет, забрать все дому, как бы ни хотелось, не позволят. Но вот пакет акций... посредничество... Определенно, здесь будет с чем работать.

Как бы ни был насыщен рынок технологий, в нем всегда найдется место для толковой новинки.

Дверь беззвучно распахнулась, впуская айварха. Тот выглядел весьма бодрым и весьма собой довольным, что не могло нравиться.

– Буяните? – осведомился он.

– Как можно? – Арагами-тари потупилась, изображая кротость. – Но физиология... Вы же не хотите, чтобы мы устроили туалет здесь.

Кажется, ему глубоко плевать. Похоже, он в принципе записал ее и девочек в потенциальные потери.

Плохо.

И все же надо ждать.

– На запах слетятся насекомые. – Арагами-тари позволила себе подняться. – А здесь мало тех, кто даже относительно безвреден.

Вряд ли этот аргумент возымел действие, скорее уж у подонка имелись собственные резоны, если он удостоил Арагами кивка и велел:

– Отведи их. И пусть собираются... Пора прогуляться.

Чуждая техника. Уродливая и в то же время прекрасная.

Арагами-тари умела ценить разную красоту.

Изломанный полигональный корпус. Черный цвет делает его обманчиво простым, он скрывает тонкую чешую защитной пленки.

Восьмигранники якорей.

Дюзы маневренных двигателей. И массивный горб – основной реактор.

Высокие борта, над которыми моментально поднимается тончайшая пленка силового купола. Ни гудения, ни рокота.

И управление явно не сенсорное.

Айварх устроился на мосту. Он надул горловой мешок, явно красуясь перед заложниками.

Восемь.

Остальные в доме? Арагами-тари очень на это надеялась.

Девочек посадил справа. Еще четверых – слева. И хорошо так посадил,

высоко, явно прикрываясь от атаки извне. Или, с учетом плотности поля, скорее демонстрируя, что готов к атаке, а пробой сметет всех восьмерых.

– У вас здесь мило, – он удостоил Арагами-тари взглядом. – Хотя, признаться, не люблю пустыню. Ничего, мы здесь надолго не задержимся. Это ведь не первый город, который я вскрываю.

И грудь выпятил.

А мешок мелко, часто завибрировал. Боковые клапаны его приоткрылись, и тишину нарушил пронзительный неприятный звук. Хотя, будь Арагами-тари самкой-айвархой, она бы песню оценила, как и стать самца. За что все-таки его изгнали?

Ну, помимо отсутствия мозгов. Впрочем, это общая беда многих мужчин.

Агрессивность?

Или непомерные амбиции?

Или дефект мешка?

К сожалению, Арагами-тари плохо представляла, в какой тональности должна звучать брачная песнь. Нынешнее исполнение явно оставляло желать лучшего.

– Не сомневаюсь, у вас большой опыт. – Она осторожно коснулась металла. Со стороны жест этот выглядел таким поиском опоры, подчеркивая беззащитность Арагами, но это со стороны.

Металл теплый.

Неоднородный. Чешуйки плотно прилегают друг к другу, создавая визуально единый покров, но на самом деле такое покрытие дает гибкость и ощущение, что металл на самом деле не металл вовсе. Похоже на шкуру огромного зверя, правда, преобразованного.

– Само собой. Мы долго не задержимся.

Платформа качнулась влево, едва не налетев на старого червя, которому именно сейчас вздумалось подняться на поверхность. Он заурчал и, вытащив на треть кольцеобразное тело свое, плюнул в платформу недопереваренной комковатой массой. Слипшиеся песчинки и мелкие камни ударили в силовое поле, еще больше увеличивая крен, но платформа выровнялась.

– Что это за... – айварх вцепился в оружие.

– Червь. Песчаный. На самом деле они не так часто поднимаются к поверхности, но буря перемешала слои. Похоже, верхний насыщен крилем. Видите, какой темный оттенок? В пурпур. В панцирях песчаных рачков содержится большое количество вихридия. Его соединения довольно токсичны, но железы червя выделяют специальный секрет, благодаря

которому в преддверии желудка панцири очищаются от вихридия и некоторых других металлов. Они же концентрируются в зобе, а во время линьки червь просто-напросто срыгивает.

На радость дежурным дронам. И остается лишь надеяться, что линька произойдет на территории клана.

– Любопытно, – нейтрально заметил айварх. И демонстративно помахал в воздухе рукой. Платформа отреагировала моментально. Поднявшись повыше, она развернулась и зависла. С шелестом раскрылись боковые панели, выпуская узкие стволы... чего?

Ухо Арагами-тари уловило тонкий свист.

И кажется, вспышка тоже была. Но червь, до того спокойно лежавший на солнце, вдруг забился в судорогах, а после развалился на отдельные куски. Потекла темная слизь псевдокрови, заливая крилевые залежи, и Арагами-тари отвернулась.

– Видите, технологии всегда будут стоять выше примитива природы.

Пожалуй, не стоило ему говорить, что регенерацией черви обладают отменной, и из пяти кусков, что корчились, стремительно заращивая открытые раны, получится не менее трех мальков. Было бы больше, пролегай разрез иначе, но концевые отделы получились уж больно короткими, так что... В то же время малькам надо чем-то питаться.

Взрыв она услышала издали.

Даже не услышала, ощутила всем своим телом.

Низкий протяжный звук.

Касание.

И шелест песка, принимающего первый удар.

Арагами-тари закрыла глаза. Дикари... Определенно дикари. Как можно живую планету и так...

– Слышите? – айварх раздул зоб еще больше.

Песчаных блох ему во все кожные складки.

– Слышу. Вы решили...

– Я не дурак, дорогая моя.

Какое поразительное самомнение. И уверенность в силе интеллекта. Что ж, умный дурак от глупого отличается лишь размахом инициативы.

Пустыня переживет.

Пережует.

Она собрала изрядно дани.

Арагами-тари оглянулась на песчаницу. А та кивнула, и темные прядки скользнули на лицо, скрывая улыбку.

Нехорошую такую.

– Я понимаю, что внизу нас ждет скопище всяких тварей, и, как показал опыт, броня не способна защитить от них. А отправлять женщину навстречу опасности... – он мерзко хихикнул, – было бы недостойно.

– Женщину?

– Дорогая, ну не думаете же вы, что я сам полезу.

Пустыня вздрогнула от очередного удара.

Глава 27

Не сказать, чтобы внизу было совсем тихо. До нас доносилось эхо. Потолок вздрагивал, изредка роняя камень-другой. К счастью, ронялись они где-то в стороне, и голова моя была цела. Нкрума, несколько успокоившись, сумел даже потеснить чешуйчатого зверя, который этакой вольности не обрадовался, зашипел, но есть жениха не стал.

Уже хорошо.

Зачем мне поеденный жених? Или покусанный даже.

А рученьки-то дрожали. Дрожали рученьки, ходуном ходили. Оно-то, конечно, есть отчего, однако надо бы успокоиться.

– А у тебя нет валерьяночки? – спросила я Нкруму, без особой, впрочем, надежды.

– Не стоит.

– П-почему?

От очередного взрыва потолок ощутимо просел, вминая колонны в пол. А если не выдержат? Если нас прямо здесь и засыплет на радость археологам...

– Потому что седативные средства могут негативно сказаться на твоём даре.

Даре?

Каком даре?

Я петь умею... иногда даже попадаю в ноты. И танцевать. Помнится, в возрасте этак лет десяти мамуля, в которой вдруг прорезалась то ли любовь ко мне, то ли очередная дурь, решила сделать из меня балерину.

Всенепреренно знаменитую.

Чтоб прям Большой, и не меньше, а лучше – за океаном. В Америке русских балерин очень ценят, да. И если на карту глянуть, то та Америка близехонько, надо лишь на пуанты поуверенней встать.

И те полгода, когда мне пришлось-таки ходить на балет – маменька, задаваясь целью, сколь бы глупа та ни была, становилась на диво настырна, – были худшими в моей жизни.

Десятилетняя дылда среди девочек-пятилеток.

Слишком тяжелая.

Неуклюжая.

И не способная простоять на мысочках и десяти секунд. А уж о самоотдаче...

С даром он поспешил. И танцевать я не стану, и вообще... В порыве негодования, смешанного с тоской душевной, я обняла змею. А что? Теплая и сухая, еще бы и пушистая... но нет в мире совершенства.

– Напиться, как понимаю, тоже не выйдет.

Нкрума молча протянул флягу.

Воды, мать его.

Впрочем, пить я тоже хотела зверски. И полегчало, определенно. Настолько, что я перестала вздрагивать, услышав очередной взрыв. Авось и не засыплет.

Нкрума положил руку мне на плечо, и змея зашипела, а я, верно, окончательно свихнувшись, дернула ее за хвост и сказала:

– Веди себя смирно. Извини, на самом деле она хорошая. В глубине души.

Женишок хмыкнул.

А он ничего, тепленький такой, и под рукой у него спрятаться можно, закрыть глаза и представить, что нахожусь я где-то очень и очень далеко... Интересно, что бы про него бабуля сказала? Ей мои приятели не слишком нравились, да и вообще современные мужчины.

Бабскости в них много, так она говорила.

И советовала думать.

Хорошенько думать.

На смазливую рожу не обращать внимания.

Что ж, рожей Нкрума явно удался, то есть смазливости в нем нынешнем было не больше, чем мимишности в старом дворовом коте. А в остальном...

Не бросил.

Притащил.

Спрятал.

И даже зверя не побоялся, хотя тот был явно крупнее Нкрумы.

Да, это бабуля, пожалуй, оценила бы.

Боги, о чем я вообще думаю? Нас тут вот-вот засыплет, а если нет, то пираты доберутся, не зря же они полируют пустыню. А если не пираты, то кто-нибудь зубастый и злой. Сожрут и не помилуют, а я, спрятавшись в подмышку человекообразного существа, думаю, что в целом из него вышел бы неплохой спутник жизни.

Агния была маленькой.

Хрупкой.

И смелой.

Вряд ли кто-то из матушкиных знакомых оставался бы столь спокоен с песчаной гадюкой на шее, а чтобы еще и гладить змею...

Рыжие волосы пахли песком. Горячим, южным, который приносят полуденные бури. Они с легкостью перелетают внешние барьеры, укрывая и сад, и дом тяжелым шлейфом Красного моря.

Древнего моря.

Они приносят мелкий кварц. И скопления харманита, что блестит на солнце куда ярче искусственных алмазов, а ценится еще больше. Они оставляют опутанные волосом яйца пауков-перемежников, и тогда семейные инкубаторы наполняются до краев.

А матушка лучится счастьем...

В последний раз такое случилось лет пять назад. И роду удалось изрядно расширить южную популяцию, а заодно вывести новый подвид, выдающий особо прочную нить. Новая линейка защитной одежды пользовалась небывалой популярностью.

Агния вздохнула.

И сказала:

– Больше не бомбят. Это нормально?

– Нет, – вынужден был признать Нкрума. С другой точки зрения, все, происходившее здесь, вряд ли можно было назвать нормальным.

Кто в здравом уме решится потревожить покой Древних?

Впрочем, ум умом, а логика в целом понятна. Следом пираты запустят георазведчиков, и хорошо, если шахтовых пауков, а не тяжелых червей, которые не столько собирали информацию, сколько проплавливали новые ходы в породе.

А уж потом пойдут дроны.

Будут ли спускаться живые? Вопрос. Интересный весьма вопрос. Нкрума выпустил когти и медленно втянул. Появилось донельзя детское желание провести когтями по стене, правда, нынешнюю не украшал старинный гобелен, выглядевший куда привлекательней обычной когтедралки, но...

– Боюсь, мне придется тебя оставить.

В отличие от пиратов, Нкрума не захватил ни разведчиков, ни мультифункциональных дронов. Хотя идея была проста и очевидна.

Подняться повыше.

Здесь стены храма блокируют излучение.

Но и пиратам будет сложно. Встроенные программы позволяют вести автономный поиск, но все равно это не то.

Значит, поставят усилитель.

И если так, то почему бы и Нкруме не воспользоваться им?

– Мне надо подняться. Ненадолго.

Матушкины дроны должны были выйти из спячки. Конечно, буря проредила их, не без того, но вот уцелевшие уже бы откопались из песчаных нор.

Направленный сигнал.

Приказ.

Вряд ли кто-то трогал их.

В этом нет особого смысла, да и отлавливать разведчиков по одному муторно. А матка, залегшая в глубоких песчаных слоях, стара. И кристаллический интеллект ее довольно сложен, во всяком случае, договариваться с нею, видевшей едва ли не становление рода, получалось лишь у матушки.

Нкрума попробует.

– Я справлюсь, – Агния подтянула повыше змею и носом шмыгнула. – Ты только не попадись там, ладно? И не превращайся, а то застрянешь, что с тобой делать тогда?

Только пристрелить.

Но эту мысль Нкрума озвучивать не стал.

Он повернулся к огромному рапану, который растянулся на полу. Зверь раскинул лапы, приоткрыл пасть, охлаждаясь. Крупная чешуя его встопорщилась, приоткрывая темную гладкую кожу.

– Присмотри за ней...

Рапан заворчал.

И подвинул к Агнии хвост. Семейство скорпионов, верно, решив, что это приглашение специально для них, бодро перебралось на рапана. Меж чешуйками виднелись плотные шарики клещей.

А рапанов никто и никогда не пытался приручить.

Зря.

Выходит, они куда более разумны, чем это представлялось.

Уходить не хотелось. Совершенно.

Он обязан присмотреть.

И ни в одном подземелье они не смогут скрываться вечно, тем более если пиратам нужен город.

Нкрума обернулся.

Она сидела, почесывая рапана, и тот жмурился, насвистывал что-то ласковое. Песчаная гадюка свернулась клубком, то ли согревая, то ли сама греясь. И вся эта картина при нелепости своей была настолько мирной, что защемило сердце.

Наверх.

Воспользоваться усилителем. Выстроить сеть и...

Вернуться.

А по дороге, если повезет, проредить популяцию пиратов. Шерсть на загривке встала дыбом.

Когда Нкрума ушел, я шмыгнула носом. И еще раз. И снова. И, вытерев сопли рукавом, сказала:

– Присмотрите за ним. Пожалуйста.

Не надеялась, честно говоря, что меня поймут, но змея стекла на пол. Она скользила тенью, вот только что была рядом, и вот уже скрылась в черной норе. Стало не то чтобы легче, просто...

Вернется.

Конечно.

Он ответственный. Он не бросит слабого человека посреди пустыни. И не позволит себя ранить. И убить тем более не позволит. Потому что... потому что это мой сон, и все тут. А реветь – нехорошо.

Бабуля бы отругала.

Сказала бы, что раз уж меня на слезы развезло, то заняться мне определенно нечем, потому как занятой человек по пустякам реветь не станет.

Заняться и вправду было нечем.

Некоторое время я просто сидела, почесывая своего зверя. И ногти царапали чешую, но ему все равно нравилось. Он жмурился, ухал и вздыхал, а потом перевернулся на спину, подставляя гладкий плотный живот.

– Это уже перебор, – проворчала я, но живот поскребла.

И огляделась.

Нет, я не искала приключений, я уже наприключалась на всю жизнь вперед, но хотелось отвлечься.

Снова зал.

Стены.

Потолок. Барельефы, правда, почти осыпавшиеся. Песок под ногами.

Рапан заворчал.

– Я только осматрюсь, – пообещала я и положила ладонь на загривок. С таким охранником осматриваться было спокойней.

Что это?

Как будто стела. Или пирамида? Или стела на пирамиде. Главное, что у подножия гоминиды согнули спины, а на вершине этакий бог. Ну, или

император. Кто их, древних, разберет. И снова человек с головой животного... характерный разворот плеч, равно как и змеиный профиль.

Змеи – это нехорошо ведь?

А вот останки города.

И снова человекозверь. На этот раз в облике проскальзывало что-то кошачье.

Когда из стены вывалилась очередная тварь, больше всего похожая на мохнатую гусеницу, я почти не испугалась, отступила, позволяя ей ползти, куда хочется. Хотелось твари на мой ботинок, и никак иначе. И несмотря на внешнюю пушистость, двигалась она довольно быстро.

– Чур, только не кусаться! – предупредила я на всякий случай.

А то мало ли...

Длинные ворсинки зашевелились, а тварь, вцепившись в штанину, попыталась подняться выше, но потом вдруг расплющилась, притворившись этакой латкой на темной ткани. Ну, тоже вариант.

Воду я услышала не сразу.

Капля, которая падает где-то далеко и разбивается о каменную чашу озера.

Громкий звук, ясный. Странно, что я не слышала его раньше.

Показалось?

Нет, вот снова. Будто кто-то не до конца кран завернул. Капля за каплей, капля за каплей... в мире, где вода – огромный дефицит? И быть такого не может, чтобы ее не искали. У них технологии и опыт многовековой, а я просто пришла и услышала?

Чушь.

Но тварь на штанине расправила волоски и качнула ими, будто просясь повыше. Точно знаю, что трогать ее не стоило, что местные существа делятся на две группы – ядовитые и очень ядовитые, но, в отличие от змеи, гусеница выглядела такой милой.

А вода – близкой.

Я уже ощущала ее аромат, вкус на губах. И кажется, капли влаги выступили на камне, что было совсем уж чересчур.

– Нет, – твердо сказала я, когда тварь все-таки перебралась на мою ладонь. Она оказалась мягкой, теплой и легкой. – Я не пойду туда. Это очень и очень глупо.

Тончайшие волоски качнулись.

Выражало ли это согласие?

Или наоборот?

Глава 28

Путь наверх оказался на удивление прост и безопасен.

Узкий лаз.

Песок.

И семейство ухоголавов, которые спешно зарывались в камень. Глава – крупная самка со шкурой темной и твердой – повернулась к Нкруме и предупреждающе зашипела. Головные железы ее слабо светились, предупреждая, что яд в них давно созрел и только ждал подходящего случая, чтобы выплеснуться наружу.

– Я просто мимо... – Нкрума скользнул к стене. Если ухоголав плюнет ядом, то костюм не спасет, как и шкура. Частичный паралич, а потом и язва, которая заживает несколько декад, обеспечены. Ухоголавиха рыкнула и, верно, посчитав инцидент исчерпанным, повернулась к стене. Она цапнула самца за хребет и отвесила шлепки молодняку, поторапливая.

Второй уровень.

Осколки камня. Трещины.

И завал.

Знакомое гудение и ощущение, что волосы выпрямляются.

Усилитель запустили, а если так... Нкрума огляделся, подыскивая подходящее место. В грудке камней, образовавшейся после обвала, устроилась старая гадюка, и общаться с ней без Агнии желания не возникало.

А вот еще один обломок колонны подойдет.

Нкрума взлетел на него, а затем и выше, туда, где из стены выдавался козырек. Когда-то он шел вдоль стены, а может, и вовсе разрезал потолок на две части. Теперь же от козырька остался хороший кусок камня, довольно прочный с виду.

Нкрума чихнул.

Пыли здесь накопилось изрядно. И выводок пустынных жужелиц не обрадовался визитеру, впрочем, они быстро ушли в трещину, решив, что добыча не стоит усилий.

Слишком велика.

Нкрума вытянулся на камне и вытащил патрон с портативным передатчиком. Капля воды. И еще пара, и кокон треснул, выпуская тончайшие корешки. Они впились в стену, закрепляясь. Следом появился мясистый лист.

И второй.

И третий.

Каждый стремительно обрастал чувствительными волосками, которые шевелились, пытаясь уловить наибольшую плотность излучения.

Переходник вошел в мясистое тело.

Развернулась панель.

Код доступа, и еще один. Пальцы. Анализ слюны. Иногда это раздражало, однако в нынешних обстоятельствах Нкрума готов был признать разумность подобного подхода.

Система жила.

Система была в ярости.

От нее отрезали ряд внешних контуров. Блокировали доступ к дому и к материнской сети. Попытались взломать и продолжали пытаться, правда, без особого успеха.

Система ждала приказа. И готова была подчиниться даже Нкруме. Он ощутил вибрирующую ненависть матки, лишившейся трети дронов. Некоторых оглушили, других просто-напросто снесло волной помех, и небура была в том виновата.

Матка пыталась подобраться к дому и потеряла еще троих.

Пираты неплохо стреляли, но...

Удалось снять контур.

Инактивированные барьеры. Дом. Подключение к его системам осталось незамеченным, за это стоило поблагодарить дублирующую сеть, которую матушка планировала по весне отвести на новое крыло.

Пригодилась.

Выход на центральные нервные узлы был заблокирован, но Нкрума получил возможность скинуть информацию.

Отлично.

Краткий доклад.

Приказ.

И мгновения до ответа, будто старуха сомневалась, дорос ли Нкрума до права командовать. И видят Древние, будь здесь кто-то, кроме него, система предпочла бы проигнорировать команды, но выбирать не приходилось и ей.

Четверка дронов поднялась в воздух. Полупрозрачные крылья их трепетали. Хрупкие тельца поблескивали, впрочем, не прошло и нескольких мгновений, как металлический блеск погас, а цвет сменился на нейтральный серый.

Солнечный свет наполнил батареи.

Испарился питательный матричный сок, сомкнулась хитиновая чешуя.

Некоторое время экран оставался слеп. Нкрума поерзал, пытаясь устроиться поудобней, но карниз предательски затрещал. Зато матка соизволила обратиться к хранилищу, вызвав еще с дюжину дронов. Три универсальных разведчика Нкрума направил в дом.

Спецкод.

И направление.

Пусть пираты и контролируют основные узлы, но подземные коммуникации свободны.

Краткий доклад через связного.

База на орбите отозвалась мигом и явно была недовольна. В потоке символов читалось откровенное возмущение: конечно, ее управляющий модуль был не так уж стар, но довольно опытен, и теперь считал себя оскорбленным.

Во всяком случае именно так Нкрума истолковал.

Пропустить вредоносные программы.

Позволить себя ослепить.

Обездвижить.

Нарушение протокола и прямой внешний запрет действовать. Запрет исходил из центра управления, а потому был абсолютен и сомнению не подлежал.

Стало быть, о нападении известно.

Как и о захвате заложников.

Еще несколько мгновений, и Нкрума отыскал обращение.

Город.

И содержимое.

Совет, кажется, принял решение не вмешиваться, что, в общем-то, было довольно-таки разумно.

Нкрума прикрыл глаза, пытаясь справиться с желанием немедленно спуститься и устроить охоту. Терпение, мать его.

Только терпение.

И разведка.

Нет смысла соваться, не зная ни расположения сил противника, ни его намерений, ни... Он щелкнул зубами и потянулся.

Проутюженная взрывами, растревоженная звуковой волной, пустыня пела. Гудели песчаные черви, не пытаясь, впрочем, подняться к верхним слоям. Скрежетали сверчки. Крыль кипел, и пусть мелкие тельца рачков были неразличимы обычным глазом, казалось, что песок бурлит и

переливается.

Свист.

И скрежет.

Пение песчаных жаб, которые вынуждены были искать новое убежище. Мелькнули и исчезли разноцветные ремни ядовитых змей.

Кажется, где-то скользнула тень рапана.

А платформа остановилась.

Древний город, казалось, пал пред чужаками, слишком наглыми и жадными, чтобы от чувств этих можно было защититься такой безделицей, как вековая история.

– Прошу вас, дамы, – айварх согнулся, указывая на песок. – Не заставляйте меня уговаривать.

И по черному ружью своему похлопал.

Что ж...

Арагами-тари первой ступила на песок, заодно активируя защитный костюм. От укуса змеи он не защитит, но змеи – это змеи, их не трогаешь, и они не тронут. А вот блох песчаных нахватать станется. Попробуй потом избавься от этой заразы.

Песчаница прыгнула легко и, распрямившись, потянулась. Она подняла руки над головой, и полупрозрачные браслеты зазвенели. Покачнулась влево, наклонилась вправо.

Вздохнула и крутанулась на пятке.

– Без фокусов тут!

Пара ксиров выросла за спиной. Оба в броне, прикрывавшей бледную ноздреватую кожу. Лица почти скрыты масками. Световые фильтры развернуты. Преобразователи работают, насыщая воздух азотной смесью. И выглядят ксирасы грозно, если не знать, до чего хрупки их кости.

А мышцы и вовсе слабы.

Не приспособлены к длительному нахождению вне водной среды. И экзокостюм вряд ли помогает им.

– Вниз...

Сам айварх не сунется.

Плохо.

Если убрать его, прочие отступят, хотя бы потому, что вряд ли кто-то еще знает, что делать дальше. Такие, как айварх, не любят конкурентов, а потому второго потенциального лидера среди пиратов нет.

А вот инструкции на случай бунта заложников имеются.

И это нехорошо.

Все нехорошо.

Рассыпавшиеся пылью статуи. Песок оплавленный. Потекшие стены.

Город пострадал, но Арагами-тари надеялась, что нижние ярусы остались целы.

– Куда идти? – осведомилась она.

Если убирать айварха, то так, чтобы другие видели.

Быстро.

И жестоко.

Чтобы в этих, затуманенных лозунгами головах появилась мысль: нужно договариваться.

Она подумает об этом. Всенепременно.

Песчаница первой шагнула к проходу. И защитный костюм она не стала активировать. Мелодично звенели браслеты, но Арагами-тари подозревала, что звук этот слышен лишь ей.

Зато за спиной послышался скрежет.

Разведчиком обзавелись?

Не такая и старая модель, позапрошлого года. Расширенные сенсоры, интеллект на кристаллах, пусть и довольно примитивный, способный к решению двухранговых задач, и все-таки... Откуда взяли?

Сняли с корабля?

Купили через посредников? Все-таки стоит задуматься о введении ограничений.

Разведчики неагрессивны. Плоское вытянутое тело его двигалось медленно, хотя конкретно эта модель способна была развить изрядную скорость.

Покачивались вибриссы сенсоров.

С тихим шелестом двигались тонкие ноги, впиваясь в породу. То и дело разевался рот, в который подвижные жвалы забрасывали куски руды. Автоматический анализ ее передавался в управляющий центр. Впрочем, Арагами-тари сомневалась, что пиратов заинтересует аномально высокий уровень иррадия, весьма традиционный для городов Древних.

Изредка разведчик останавливался, испуская протяжный низкий звук. И эхолотаторы его, принимая ответ, рисовали узор подземелий.

Сколь ни печально признать, давно следовало сделать их план.

А теперь бреди в полутьме, надеясь, что оставлять в подземельях заложников пиратам невыгодно.

Холод.

И пыль под ногами. Шелест, едва различимый ухом. Но Арагами-тари успевает сделать шаг назад, пропуская тонкую ленту змеи. Если пираты

надеялись, что бомбардировка избавит город от обитателей, то зря.

Песчаница замерла на мгновение.

И вновь подняла руки над головой.

Нельзя упускать такую кровь. И хорошо, что старуха ушла... Нет, так думать неправильно, пусть Древние примут ее душу с почетом, но... она бы в жизни не выпустила девочку. А так хорошая пара получится. И детки, если повезет, кровь переймут. Или внуки. Или правнуки.

Или, на худой конец, образцы можно будет заморозить.

Для внутрисемейных нужд.

Арагами-тари переступила через бледного листвяника, а девочка закружилась, завертелась в танце. Шелка окутали ноги ее, браслеты задрожали, а с потолка посыпалась пыль.

Один из сопровождающих поднял плазмомет.

– Выстрелишь, и всех здесь зажарит, – не оборачиваясь, сказала песчаница на всеобщем. – Здесь стены... особенные...

Она засмеялась.

Поверили ли ксиросы? Неважно, главное, проверять не рискнули.

– Иди. Вниз.

– Иду, – песчаница крутанулась и, оказавшись рядом, велела: – Никого не трогайте. Никого не бойтесь. Сердце стучит. Пустыня зовет. Говорит, пришло время...

Расплывшиеся зрачки.

И улыбка почти безумная... о нет, не время для транса... Арагами-тари, конечно, лишь читала о подобном, все-таки народ этот считался безвозвратно утерянным – интересно, какие еще тайны скрывают кланы, – но и прочитанного хватит, чтобы понять: с песчаницей в трансе она не справится.

Та просто-напросто не услышит голоса разума.

И вообще ничего не услышит, кроме зова Великой пустыни.

– Будь рядом с ней, – велела она невестке, и та кивнула. Да и вторая девочка не заставила себя уговаривать.

– Видите, что вы натворили? – она обращалась не к ксиросам, но к тому, кто смотрел их глазами. Камеры, надо полагать, работали исправно. – У нее истерика... И если вы решите оставить ее здесь, истерика начнется у остальных.

Невестка тотчас громко всхлипнула.

Не стоит переигрывать.

– Идите, – велел левый ксирос. И массивная туша георазведчика зашевелила конечностями.

Глава 29

Вода звала.

Я слышала ее голос – такой знакомый, такой ласковый. Она пела о том, что мой дом – суть вода, три четверти от мира, и я сама...

Во мне живет память.

Та самая память, которую я по сей день считала выдумкой, но теперь...

Я помнила тьму первозданного океана и то, как плоть его исторгла землю и создала тварей морских, а после и наземных, но сохранивших связь со стихией. Я была эволюционным деревом.

И рыбой.

И зверем.

Я была травой и косулей. Волком и грибом. Я была нормальна и совершенно безумна. Я...

Была.

Существовала.

Там и здесь.

Я должна была идти.

И я знала куда. Я вытянула руки, прижимая их к стене, и острые камни разодрали ладони. Вид крови не вызвал ни испуга, ни отвращения. Она была тоже водой.

Только красной.

Встревоженно заворчал рапан, и скорпионье семейство стекло на камни.

– Идите, – велела я, не открывая глаз, боясь потерять связь с нитью, что протянулось между мной и тем океаном, который скрывался в камне. – Идите, чужакам не место здесь.

Я ощущала боль Древнего города.

И его обиду.

И желание избавиться от назойливого внимания тех, кто не был связан с местом узами крови. Нельзя. Нельзя и снова нельзя.

Табу!

Оно тоже прописано в памяти моего тела. Или уже не совсем моего. Кровь наполняла камни, а я ждала, зная, что сейчас произойдет.

Не было ни треска, ни землетрясения, просто стена вдруг исчезла. А нить завибрировала, требуя, чтобы я прошла дальше.

Шаг.

И еще шаг.

Тьма дышала влагой, а звук падающих капель становился ближе и ближе.

Ниже и ниже.

Рапан двинулся было за мной, но оказался слишком велик, чтобы протиснуться в узкую нору. Он закричал, заставив меня обернуться.

– Все будет хорошо, – шум воды гудел в ушах. – Все будет хорошо. Иди.

Я не хочу, чтобы кто-то умирал, но...

Вода пела, что нет смерти, что есть колесо жизни. И тот, кто сегодня дышал, завтра станет пищей для рождающих воздух. Все было странным. Я понимала ненормальность происходящего и в то же время оставалась на удивление спокойна.

– Позаботься о нем.

И рапан понял.

Он говорил со мной на языке воды, и песка, и крови.

Мира.

Он отступил, а я...

Меня ждала тьма.

И лестница.

Обыкновенная такая лестница с грубыми ступеньками, которые уходили куда-то вниз. Куда именно – разглядеть не получалось, ибо темно и вообще... надеюсь только, что ведет она не к центру мира, ибо не дойду, исключительно физически.

Шаг за шагом.

Сырой воздух, который я готова была пить и пила, изнемогая от жажды. Тело мое желало бежать, перепрыгивая через ступеньку, но остатки разума требовали проявить осмотрительность. Все-таки лучше спускаться медленно и спуститься, а не полететь кувырком по ступенькам. Кувырком, может, оно и быстрее, но вряд ли целее. А моя миссия, в чем бы она ни заключалась – но должна же быть! – все же требовала некоторого здоровья.

Ниже.

Ближе.

И шепот воды уже заглушал все прочие звуки.

Надеюсь, Нкрума будет еще некоторое время занят, а то нехорошо заставлять бедолагу волноваться. Он ведь следом сунется, а к нему место может быть не слишком дружелюбно.

Еще ниже.

И уже близко.

Вода поднялась, она касается моих ног. Ласкает. Целует. И голос ее слышен яснее, чем когда бы то ни было. И не только голос. Она принимает мою кровь даром, а в ответ дает успокоение.

Все будет хорошо.

Все...

Вода поднялась до колен.

До бедер.

И надо бы испугаться, но...

Я оказалась в очередной пещере. Перевернутая чаша с белыми стенами, на которых прорастает бледно-голубой узор. Стены светятся, как и узор. И свет этот отражается водой.

Ниже.

Глубже.

И не стоит медлить. Меня здесь ждали, и ждали давно...

Первым споткнулся правый ксирос.

На ровном месте.

Покачнулся.

Задел локтем стену. Нервно дернул конечностью, будто пытался что-то смахнуть с шеи. И завалился на бок.

Арагами-тари отступила и остановилась, наблюдая агонию. Лимфа ксиросов, конечно, была медленней крови, но все же, все же... Яд пустынного скорпиона оказался весьма действенен.

– Осторожней, – сказала она, когда вторая особь направила дуло плазмомета. – Вы ведь не хотите покончить жизнь самоубийством?

Он был уже мертв, пусть стоял, дышал и думал, но это временно.

Бледный скорпион выбрался из складок костюма и, вскарабкавшись на грудь пирата, издал едва слышный треск, на который из трещины выползло еще с пяток. Они растеклись по стене, и панцири потемнели, сливаясь с камнем.

Любопытный эффект. И похоже, свойствен лишь местной популяции. Отловить бы парочку для лаборатории...

Впрочем, от этой мысли Арагами-тари отказалась.

Песчаница же погрозила скорпионам пальцем.

– Иди, – просипел ксирос, отступая. Впрочем, приближаться вплотную к стене он не стал, лишь качнул дулом, поторапливая.

Что ж...

Страх не было.

В тот день, когда ей исполнилось пятнадцать, благословенная Амишари, хранительница рода, сама затянула шелковый шнурок на запястьях. И высадила Арагами, еще не тари, но ту, кто лишь собирался переступить порог, став взрослее, на каменном пяточке близ пустыни.

– Слушай, – сказала она, поставив у ног калebas с водой. – Думай.

Пой.

И пески отзовутся, если есть в тебе их кровь.

Тот день, казалось, стерся из памяти, о чем Арагами-тари не жалела. Но нет, она вдруг вдохнула сыроватый воздух, ощутила на губах вкус воды, приправленной легкой горечью листьев таки.

Тень гравилета в стремительно светлеющем небе.

Огненный шар, который выкатился, казалось, прямо под ноги. Тонкая корка льда, которую Арагами успела подхватить пальцами. И слизала первую каплю, сказав:

– Я пришла.

А пески ответили протяжным вздохом.

Здесь не было песка, разве что под ногами, но он, безопасный, ласковый, ничуть не напоминал то красно-желтое море, ленивое, любопытное, способное стереть ее взмахом песчаного крыла.

Но ощущение сходства.

Музыка.

Скрип камней.

И шелест песчаного червя, который кружил где-то рядом. И сердце, что застучало, пробуждая к жизни запасные... Пот на щеках. Боль в спине. Камень слишком мал, чтобы сесть удобно, а сдвинуться она опасалась. Пустыня коварна, и, может статься, прямо за спиной тебя ждет песчаная яма.

Ждет с нетерпением.

Шелест над головой заставил очнуться. Так и есть, разноцветная, нарядная сколопендра ползла, не пытаясь даже скрываться. Она зависла на мгновение, отделив переднюю часть тела. Шустро шевелились тонюсенькие оранжевые ноги, будто в поисках опоры. Щелкали жвалы.

Ксирос шарахнулся влево.

И на спусковой крючок нажал, благо мощностъ априори была выставлена минимальная, но огненный шар, вырвавшись из направителя, пронесся по коридору. Стены загудели, засветились алым, а волна жара опалила лицо, заставив зажмуриться.

Когда Арагами-тари открыла глаза, ксирос был уже мертв.

Пахло горелым.

Очень неприятно пахло горелым.

Она зажала рот и, оглянувшись на георазведчика, переступила через тело.

Стальная туша покачнулась.

А ведь хватит одного удара, чтобы переломить позвоночник. Да и плазменный резак не только породу плавит... и в целом, что есть плоть против стали?

Страх – вот истинная смерть.

Страх внутри.

Он разлагает.

Он заставляет делать глупые вещи. Он отбирает знания и уверенность в себе.

Вархашш кружит, ему нет дела до девчонки, ему интересны красные пески, довольно жесткие для того, чтобы счистить старую чешую. Вон они, чешуйки, поблескивают на солнце. Если не двигаться, если не привлекать внимания...

Во время линьки вархаши плохо видят. Они в принципе плохо видят, но во время линьки ослабевают и прочие органы чувств, а значит, вархашш становится слабее и агрессивнее одновременно.

Дышать медленно.

И не шевелиться.

Бежать... Все инстинкты требуют бежать, добраться до Красных скал, которые виднеются вдали. Вархаши избегают камней, и там будет безопасно, но...

Нет.

Разум способен одолеть страх.

Пиратам невыгодно уничтожать заложников, пока невыгодно, а потом...

Отыскать узкий боковой ход и, главное, не наступить на кого-нибудь.

– Чего встали? – поинтересовался механом голосом айварха. – Идите... Или мне следующую партию запускать? И, дорогая моя, надеюсь, вы помните, что здесь, наверху, я не одинок. Вы же не хотите, чтобы я в вас разочаровался? Да и...

Ошейник ударил разрядом, напоминая, что даже под землей они не столь свободны, как представлялось Арагами-тари. Она с трудом сдержала стон.

Терпение.

Каждому рано или поздно приходится смотреть в глаза своему зверю.

Первого чужака Нкрума учуял шагов за триста. Пряный резкий запах, который диссонировал с ароматами пещеры, заставляя насторожиться и вжаться в камни.

Вирусная программа была запущена, и оставалось лишь ждать.

Ждать он не любил.

Умел.

Ожидание – первое, чему учит пустыня. Вжаться в пески, позволить им коснуться шкуры, пробуя новую игрушку на вкус. Хлестануть ветром, пугая, и замереть, приглядываясь, надеясь, что жертва поддастся этому страху.

Нкрума помнил, как оно было в первый раз.

Пятачок скалы.

И пение песчаного скорпиона, который завлекал подругу. Скрежет задних ног по панцирю и ритмичное пощелкивание клешней. Он видел, как медленно покачивается хвост, переваливаясь со стороны на сторону. И длинная скорпионья тень ложится на пески.

Низкое светило.

И белое пятно тени вдалеке. То ли скалы, то ли...

Песок поднимается выше. Время прилива, время тишины. И скорпион замолкает, а на поверхность поднимается крыль. Сперва вспыхивают отдельные огоньки, искры их гаснут мгновенно, но постепенно вспышек становится больше и больше. И вот уже окрестные пески пылают всеми оттенками алого.

Чужак ступал осторожно.

И второй, почти сумевший остаться незамеченным. Его панцирь удачно мимикрировал, и если бы не легчайший аромат смазки, исходивший от ствола плазмомета, Нкрума мог бы и пропустить тень. Все же зрение в этом обличье было не самым лучшим.

Он моргнул и дернул хвостом, сбрасывая раздражение.

Пропустить.

И девушек, которые держались за руки, надо вывести из-под обстрела.

Связь... логи на экране менялись быстро, но не настолько, как хотелось бы. Все-таки искусственный интеллект внешней станции был достаточно стар и опытен, чтобы поддаться с первой атаки. Благо, он не идентифицировал проникновение и не подал сигнал в сеть.

Связь...

– Стоять, – гоминид в броне дернулся, ткнув дулом в трещину, где затаился выводок шершней. Гнездо спало, однако сторожевые усы дернулись и потянулись к чужаку, пытаясь оценить степень угрозы.

Плохо.

Если эти идиоты разбудят рой, достанется всем.

Нкрума подобрался.

Одного он подомнет сразу, но успеет ли управиться со вторым?

– Да... здесь лабиринт... какого хрена... не знаю я, почему сканеры не работают! Да я клянусь, что... сам спускайся и ищи! – взвизгнул ханор, шарахнувшись в сторону, и тончайшие сторожевые щупы поймали пустоту.

Хорошо.

Рой пригодится позже.

Нкрума потянулся.

Дроны взломали первый слой, создав маску, которая была принята управляющим элементом как якорь. Хорошо, дальше пойдет быстрее.

Матка, судя по изменившейся структуре логов, испытывала радость.

Если она вообще была способна радоваться.

Проклятье.

Еще три пары разведчиков прошли сквозь скалу. Они двигались медленно, осторожно, сканируя пространство и перенаправляя данные. А вот здесь помехи создать реально. Неплотные, чтобы было ощущение, будто сигнал тонет в камне. Порода здесь специфическая. Дрон опустился на каменную глыбу, впившись зазубренными когтями. Он раскрыл надкрылья, подпитываясь солнечным светом. Спина его треснула, выпуская тончайшую проволоку чувствительных усов.

Перехват.

Базовая обработка. Мощности одного дрона будет недостаточно, но матка уже выслала помощников. Кольцо справится. Отлично.

Картинку тоже стоит подправить. Но это позже.

– Что встала, тварь? – Ханоры всегда отличались на редкость неустойчивой психикой, а этот разнервничался настолько, что потовые железы раскрылись, выпуская репеллент.

Соотечественников, которых следовало бы предупредить об опасности, поблизости не наблюдалось, но врожденные рефлексy силой воли не преодолеть.

Запах был неприятным.

Резким.

И чувствительные щупы гнезда зашевелились, втягиваясь в плотный шар. Еще секунда, и их заменят бледные нити стрекательных щупалец. Да и первый ряд шершней выходит из спячки.

Девушка повела плечом и шагнула под карниз. Правда, задержалась на долю мгновенья, взгляд ее остановился на камне.

Пальцы сложились.

Щелчок.

И легкое касание когтей, на которое стена отзывается. Он замечен.

Услышан.

И да, охота началась.

Девушка легко скользнула в боковой проход, слишком узкий для массивного ханора. А ее спутница, ойкнув, присела, схватилась за ногу.

Ханор замахнулся.

И хрустнул под тяжестью тела Нкрумы. Острые когти пробили броню, а зубы сомкнулись на шее, которая сломалась легко. Куда сложнее было заставить себя разжать зубы.

– Слабые, – с сожалением произнесла сидевшая на корточках девица, вытаскивая руку из мягкого подбрюшья инсектоида. Она отряхнулась, скривилась и вытерла измазанные гемолимфой пальцы о скафандр. Иллакт замер, еще живой, но определенно парализованный.

– Пульт управления ищи, – выглянувшая из расщелины девица обошла тело и, присев рядом, постучала по нагрудным пластинам.

– Третий...

– Иди, – сказала она, отводя взгляд. – Мы здесь сами справимся.

Глава 30

Я была миром.

И Вселенной.

Памятью, что хранилась в этой воде. Я была самой водой, которую некогда загнали глубоко под землю, создавая идеальные условия нового мира. Зачем? Ответа не было. Те, кто это сделал, не имели обыкновения отчитываться перед кем бы то ни было, тем паче перед собственными творениями.

И наверное, стоит порадоваться, что они ушли.

Боги редко бывают добры.

Я же... я не была богом, но могла многое. Например, позвать ветер из дальних предгорий. Он представлялся мне таким маленьким клубком ниток, колючим и непослушным, норовящим выскользнуть сквозь пальцы.

Позволю.

Я поднесла руки к губам и подула.

Лети-лети, лепесток...

И песка захвати побольше. Этот мир позабыл, что такое настоящая песчаная буря, когда день становится ночью, а солнце скрывается за разодранными тучами.

Пускай...

А вот это я сотру, россыпь игл, вошедших в тело планеты. Не знаю, что это, но мне не нравится. Ей тоже. Я просто провела по воображаемым иглам пальцем, от одной к другой, приказывая погаснуть, и они подчинились.

Какая прелесть.

Вздых.

Или вот эта машина, позволившая себе спуститься ниже. Думает, если она в верхних слоях атмосферы, то ничего не грозит?

Грозит.

Взять и взмахнуть песчаным крылом бури, скидывая ее, такую хрупкую человеческую игрушку, прямо в пески. И накрыть. И снова... А дальше о ней позаботятся твари малые и большие.

Дхари Ш-орр-Нерри Дуршагг никогда не думал, что станет пиратом. Честно говоря, вся жизнь его была наполнена какими-то нелепыми поворотами, недоразумениями и глупейшими ошибками, которые

непрерывно приводили к плачевным результатам.

Вырвавшись из-под крепкого материнского крыла – а дхашарри Шорр-Лирри Дуршагг на весь Аншарр славилась суровым нравом и скорой на расправу когтистой рукой, – он спешно покинул планету на ближайшем катерке, надеясь добраться до станции Зерро, а там уже отыскать работу.

Работать Нерри умел.

И в системах навигационных разбирался неплохо, даром, что ли, вырос на маленьком семейном заводике, оные системы собиравшем.

И быть может, дальнейшая судьба его была бы неплоха. Матушка вычеркнула беглеца из жизни, заодно из списков наследования, в которых он, впрочем, и без того занимал сто двадцать третье место, после старших братьев, сестер, племянников и племянниц. Три акции, которыми Нерри номинально владел, приносили ежемесячный доход в семь номиналов, а за эту сумму не смог бы прокормиться и кшаррианский хрощ, питающийся раз в полгода.

Акции он продал.

Еще дома.

Спасибо неизвестному другу, который помог и с продажей, и с побегом, и встретил Нерри в доках, пообещав помочь с трудоустройством.

Помог.

Спустя два неполных цикла Нерри прятался в тех же доках. Как получилось, что номер его личной карты оказался в списках должников, он не знал. Он работал.

Много.

Куда больше, чем позволяло трудовое законодательство, благо начальство мусороперерабатывающего завода смотрело на это самое законодательство сквозь пальцы.

Он хотел скопить на билет.

Перебраться на Золу, которая побольше и подальше от дома, ибо матушка продаже акций семейного предприятия почему-то совсем не обрадовалась.

А в результате...

Потом уже ему объяснили, что его так называемый друг, который, определив Нерри на завод, просто-напросто сгинул, отсканировал идентификационную карту, а потом уже и создал дубль.

Быть может, на суде Нерри и удалось бы доказать свою невиновность – все же мультизаймы он не оформлял, но имелось подозрение, что до суда он просто-напросто не доживет. И уже там, в доках, – месяц жизни в коллекторной сетке раскрыл глаза и заставил думать, что, возможно, дома

было не так уж плохо, – он встретил вербовщика.

Тот обещал новый мир.

Свободный от предрассудков, информационной метки, которую, как оказалось, ничего не стоит подделать, и заодно уж от старых обязательств. Всего-то и надо было – согласиться на переезд. Тогда казалось, что Нерри ничего не теряет.

В первое время он вполне искренне полагал, что ему наконец-то повезло.

А что? Новому миру нужны были знающие люди, Нерри же и вправду неплохо разбирался в навигационных системах, причем не только в программировании, но и в калибровке и даже микроструктурировании кристаллической основы, которую, собственно, и производили на семейном предприятии.

Он сразу стал ценностью.

И получил целых две комнатухи на базе, расширенный паек и право выбрать женщину, которым, правда, не воспользовался.

Стеснялся.

Да и матушка вспоминалась, стоило глянуть на пленниц.

Их привозили на огромных баржах.

И не только их. Новый мир требовал рабочих рук, и зачастую не самых квалифицированных. Как оказалось, управлению строительными ботами мог обучиться даже дикарь, если у дикаря имелся стимул. А с этим в новом мире было просто.

Зона свободной торговли.

И свободного производства.

Препараты А-группы, доступные любому, но в обязательном порядке применявшиеся к низшим.

– А что ты хочешь? – сказал как-то Ишрак, собственно, и завербовавший Нерри когда-то. – Кто-то должен и работать. А этот сброд на большее не способен.

Сброд достраивал станцию.

Сгорал, поскольку метаболические коктейли никогда не проходили даром. Отправлялся на утилизацию и заменялся новым.

Станция же разрасталась.

Белые уровни высшего руководства, с которым Нерри так и не встретился.

Голубые – для управленцев.

Зеленые – персонал А-класса. Здесь уже не было ни садов, ни террас, зато имелось вдоволь баров, где, правда, спецпрепараты не выдавали, да и

никто не хотел опуститься ниже.

Оранжевый – свободные рабочие.

Красный.

Серый, где не тратились на краску. И спуститься туда означало, что очень скоро твои останки переправят на биоконвекторы. А положение Нерри в последнее время стало шатким. Он опытной шкурой чувствовал, что перемены, которые пришли вместе с айвархом, ни к чему хорошему не приведут. Но те, кто был не согласен, исчезли, а ему предложили работу по профилю.

Почти.

Он вздохнул и почесал нос о ствол плазмомета. Признаться, с оружием Нерри чувствовал себя на редкость неудобно. Тяжелое, неудобное. Да и вдруг выстрелит ненароком? Кроме того, ему никогда не приходилось стрелять в живых существ.

– Не бойсь, – Мхамба, остроносый шикшарец, напротив, был весел. И все четыре глаза его поблескивали, выдавая химическое происхождение веселья.

Он уже опустился до оранжевого уровня.

А там и красный не за горами. Препараты быстро выжигают мозг, хотя шикшарцы никогда не отличались особым умом. Плодовитый и довольно агрессивный вид с короткой продолжительностью жизни.

– Вот увидишь, сегодня отчалим. Раз погрузку начинать велено, значит, точно. – Длинный нос его шевельнулся, и шикшарец издал протяжный трубный звук. И странного вида существо, облюбовавшее стеклянную вазу, – Нерри так и не решил, считать его животным или растением, – покачнулось. Щупальца твари зашевелились, а тонкие стебли изогнулись, будто она желала выбраться из вазы или хотя бы дотянуться до синеватой сопли, упавшей на ковер.

Нерри вздохнул.

И покосился на дверь.

Пленные вели себя спокойно. И оно, конечно, было правильно. Препаратами их накачали до предела, однако... Чутье подсказывало, что пора бежать.

Опять.

И куда?

А ведь все и вправду просто. Дождаться челнока. Загрузить первую партию в два десятка голов. На базе им вживят чипы, а там... круонцы крепкие, протянут с пяток циклов, а то и больше.

Главное, в первые часы после откачки не соваться.

А может, вообще глушилки на мозги поставят. Ходили слухи, что айварх много интересного в старом храме откопал. В общем-то судьба пленных не должна была волновать Нерри.

Сказано стеречь?

Он стерег.

Стоял вот с плазмометом, стенку подпирая, смотрел, как то ли животное, то ли растение вываливается из вазы и медленно подбирается к двери.

Неуютный мир.

– А я себе самочку присмотрел... Мягенькую, сладенькую... – Нос напарника крутанулся, и он, закатив верхнюю пару глаз, смачно причмокнул. – Люблю свежачок... А ты зря себе никого не берешь.

Нерри промолчал.

Пески и пески... А дома воды полупрозрачные. И малышня бежит к приливу ловить круглых рыбин и ракушки собирать, из которых потом делают бусы.

Бусы отправляют на станцию.

Местный промысел. Лига поддерживает народное творчество. Смех. Из них потом добывают хелатон – сложный белок, с которым синтезатор так и не справился.

– Ошейник – это все блажь. Какое удовольствие, когда она брыкается! Или плачет. Нет, самки обхождение любят. А потому даешь ей «Голубую лагуну» и...

На рыбалку бы выйти с рассветом, лодку небось кому-то из племянников передали, а ведь Нерри сам ее вырастил из кольцеватого харраза. И правил, и подпорки вставлял, расширяя, и подкармливал его толстыми жуками, которых много водилось в жирном прибрежном иле.

Он тихо вздохнул.

– Чегой-то связь барахлит, – шикшарец постучал по диску, вплавленному в височную кость.

Нерри тоже предлагали поставить универсал, но он отказался. И кажется, именно тогда встал вопрос о доверии.

– Буря, наверное.

– Снова... – Напарник широко зевнул, повернулся.

И крутанулся.

Ему явно сложно было стоять на месте, да и дом, такой огромный, манил неизведанными сокровищами. Шикшарцы славились своей любовью к блестящему.

– Иди, – вздохнул Нерри.

Одному легче.

И говорить ни с кем не надо. Можно прислониться к косяку, прикрыть глаза и представить, как он возвращается домой. Матушка, конечно, выскажет все, что думает, а думает она нехорошо, и, пожалуй, Нерри заслужил... Однако он знает, как унять ее гнев.

На базе у него был богатый опыт.

И зря говорят, что старые навигаторы примитивны. В нарочитой простоте их есть своя собственная гармония, отчасти утраченная ныне. А если совместить современные технические решения с принципами может выйти интересно.

Он бы попробовал, но айварху не нужны были принципиально новые навигаторы.

Шикшарец исчез. Когда требовалось, он двигался совершенно бесшумно и, пожалуй, мог бы с легкостью свернуть Нерри шею.

Может, для того и поставлен?

Совестью он мучиться не станет, а вот на уровень выше подняться – это удача.

Нерри вздохнул.

И прислушался.

Чутье утверждало, что проблемы уже начались и только от него самого зависит, насколько они затронут самого Нерри.

За дверью стояла тишина.

И на контрольные запросы искин отвечал исправно. Но вот...

Нерри стащил плазмомет. Все равно с ним обращаться не умеет, так что проблем будет больше, чем пользы, и, оглядевшись – шикшарец вполне мог затаиться поблизости, – набрал код, знать который ему не полагалось, но...

Смешно думать, что тот, кто занимается взломом чужих систем, обойдет вниманием собственную. В конце концов, здесь даже не в любопытстве дело, а в безопасности.

Нерри втянул воздух.

Замер.

Полумрак.

Тела на полу.

Сложены рядком, чтоб легче было выносить. Сердца застучали, разгоняя гемолимфу. И буртова железа выплеснула рекордное количество норадреналина. Зрение улучшилось. Восприятие стало невероятно четким. Теперь Нерри видел каждого из пленников.

Лишние самки слева.

Самцы справа.

Ошейники на месте, как и металлические ограничители движения. Дыхание слабое, ровное... и все равно что-то не в порядке.

Он осторожно шагнул в комнату.

Если шикшарец появится, можно будет соврать, будто услышал шум. Не все одинаково хорошо переносили паралич, кого-то могло вырвать, так и захлебнуться в рвоте недолго – случались прецеденты. Айварх был бы недоволен.

Да, именно так он и скажет.

Нерри согнул задние конечности, выпустив стопорные когти. Позвоночник привычно изогнулся и пришлось сделать усилие, чтобы не выпустить плечевые шипы – броню не пробьют, только поломаются. На базе отчаянно не хватало кшимата, белка, без которого чешуя становилась ломкой, легко слоилась, а порой и раскалывалась до эпителия.

– Ты меня слышишь? – поинтересовался Нерри, прижимая к шее пленника пальцы. Чувствительные отростки коснулись кожи, пробили ее, входя в мышцу.

Живые существа устроены иначе, нежели навигационные панели, но общее есть.

Нерри умеет слушать.

– Слышишь. Это хорошо. Сейчас я вколю антидот и сниму замки с тебя и с других тоже.

Если шикшарец придет, то...

Даже если не придет, то объяснить исчезновение пленных Нерри вряд ли сумеет.

Он придумает.

Или...

Круонец моргнул.

– У меня только шесть ампул, поэтому дальше уж сами... Ошейники тоже сниму, это несложно. Уходите. Скоро прибудет транспорт на погрузку и...

Игла вошла глубоко в шею. И круонец вытянулся, задышал ровнее.

Вот так.

А теперь ограничители и ошейник. Примитивнейшая техника, но грех жаловаться – будь что посложнее, потребовалось бы куда больше времени.

– Не спеши. Он действует не сразу.

Второй.

И третий.

Нерри выбирал самцов покрупнее. И когда ввел последнюю дозу,

чувство опасности, мешавшее жить с утра, притупилось. Не то чтобы все вдруг наладится, но...

Должен же он сделать в этой жизни хоть что-то, что не было бы ошибкой.

Глава 31

Песчаница коснулась ошейника, и парализованная лента свалилась на землю. Арагами-тари вздохнула с немалым облегчением и покосилась на тушу разведчика, который, впрочем, застрял в проходе и признаков жизни не подавал. Массивное тело, укрытое каменной пылью, не шевелилось, лишь щупы слегка подрагивали.

Ладно.

Пускай.

– Куда теперь? – Бои облизала клыки. Кажется, девочка горела желанием вернуться и вырвать кое-кому глотку. Хорошее желание.

Правильное.

Вполне совпадающее с интересами рода.

– Здесь все поет, – песчаница провела ладонью по узорчатым камням и покачала головой. – Скоро будет дождь...

– Что ты несешь?

Все-таки девочке изрядно не хватало выдержки.

Воспитания.

– Дождь будет, – повторила песчаница, разворачиваясь. – Надо спешить, а то все утонут. Охоты не получится.

Это и вправду было неплохим аргументом.

– А это...

Арагами-тари обратила внимание на разведчика.

– Это да... – песчаница подошла и положила ладонь на выпуклый лоб. И тварь заскрежетала, покачнулась и отползла, но лишь затем, чтобы застыть, поджав под тело лапы-щупы. Внешние панели погасли, и кажется, разведчик отключился.

Арагами-тари надеялась лишь, что искин его не уничтожен окончательно. Все же проще, когда такая машина сама выбирается из-под земли, нежели думать, как ее отсюда выковырять.

Пора.

Щелкнули когти песчаницы, сухо зазвенели костяные камни, вплетенные в ее косы, начиная древнюю песнь охоты.

Солнце.

Ветер.

И пески... да заметут следы твои, охотница.

Луноликая взирает свысока, идет, и шаги ее не слышны. Не

потревожит она ни песчинки, ни хрупкого серебролистника, чьи полупрозрачные побеги чувствительны к легчайшему дуновению лепестка,
Копье в ее руке.

Арагами-тари подняла два камня. Пусть и не костяные, но достаточно звонкие, чтобы разговаривать. И камень ударился в стену, а стена отозвалась, передав звук дальше.

Глубже.

Весть благая.

Началась охота, и да будет она удачна. Да прольется кровь на песок, да напоит луну, пусть свет ее не поблекнет вовеки. И Великая пустыня, приняв малую жертву, отзовется.

Еще удар.

И еще.

Бои присоединилась. А песчаница кружилась, и косы ее вели собственную песнь.

Чужакам не место...

Не место чужакам...

Пришли...

Незванные...

Кровь за кровь, смерть за смерть. По закону песков, по заветам предков. И да будет так! Откуда-то донесся ответный стук, и еще... Значит, песнь услышана.

И охота начата.

Тенью скользнула песчаница, растворившись в темном проходе. И Бои последовала за загонщицей. Арагами-тари осталось выбрать место поудобней.

Такое отыскилось в верхнем зале.

Небольшой.

Довольно захламленный, но не настолько, чтобы это мешало двигаться. Кроме того, сюда открывались несколько проходов.

Арагами-тари с легкостью взлетела на карниз и застыла. Где-то наверху грохнул взрыв, и с потолка посыпалась пыль и мелкая крошка. Но Арагами-тари не шелохнулась. Инстинкты требовали замереть.

Сродниться с пейзажем.

И ждать.

Только камень отстукал команду.

Начинайте!

Ждать пришлось не так уж долго. Она только-только выровняла сердцебиение, как в пещере появился беглец с плазмометом. Какие

неумные, однако, существа. Когда это оружие что-то да решало? Арагами-тари чуть подалась вперед.

И дождавшись, когда чужак окажется под карнизом, стекла ему на плечи.

Когти с легкостью пробili защитную пленку брони, не говоря уже о такой мелочи, как кожа, мышцы и хрящи... первая кровь выплеснулась на древние камни.

Что ж, охота обещала быть удачной.

Старый Храрх, побывавший не в одной передрыге, чуял, что от этого места хорошего ждать нечего. Уж больно мерзкой планетка гляделась издали. Белый шар солнца, ошетилившийся протуберанцами, что хвальский еж иглами. Военная станция, укрывшаяся в тени каменистого спутника. И красная бусина Круонца на нити орбиты. Катится, крутится, ползет, отмеряя солнцевороты.

Два полюса.

И пески.

Бескрайние.

Красные.

Старый Храрх красный не любил. Почему-то цвет этот, в общем-то ничем особым среди прочих не отличавшийся, вызывал в темной душе его самые недобрые ассоциации.

Вспоминались копи того, предками забытого мирка, который и названия-то не имел, лишь номер в общегалактическом справочнике.

Камень.

Норы в камне, где и работали, и спали, и жрали. Комбезы с почти выработанными батареями и постоянный страх, что сейчас рванет на твоей половине.

Те семь лет, которые он провел на каменоломнях – нельзя сказать, что попал он туда несправедливо, но суд мог бы и пойти навстречу, ясно ж было, что та бабенка сама искала приключений на свою задницу, – остались на толстой шкуре вереницей шрамов.

И желанием отомстить.

Лиговцев Храрх ненавидел всех. Безотчетно.

Гражданских.

Военных. Военных, правда, чуток больше, потому как плотно засели в памяти его стычки с охранниками. И даже факт, что он самолично перерезал самому наглому глотку, не унял злости. Та сидела занозой под сердцем, утихая лишь во время рейдов.

Рейды Храрх любил.

Кровушка бежала быстрее, да и спиды выделяли за так, а это, братцы, очень даже полезно. Нет, на борту-то он не ширялся, кому нужен пилот, не способный провести челнок по курсу, но вот после...

Круон медленно поворачивался, подставляя злему солнцу и без того прокопченные бока.

Про круонцев Храрх слышал.

Скоты.

Сильные. Быстрые. Хитрые. И этакой пощечины не простят. К Совету не полезут, эти только языками трепать и умеют, даже удивительно, как это они разрешили бомбежку. Нет, сами соберут, благо есть и верфи, и деньжата...

По полной бы их потрянуть.

Сначала пару тысяч бомб прямо с орбиты, а уж после и десант. Правда, после бомб вряд ли что останется. А если просто десант пустить, то поди угадай, кто кого порвет.

Храрх почесал клыки. Левый давно шатался и надо бы выдрать, пока сменный в рост не тронулся. После копей зубы росли плохо, слабыми, да и не только зубы. Глаза слепнуть стали, а реакции замедлились, хотя не настолько, чтоб медбот к полетам не допустил.

Дерьмо.

Все из-за них, из-за законов дурацких... Та самка даже живой осталась, и физию ей подрихтовали, не так уж крепко ее Храрх поломал. А чего она сперва глазки строила, а потом в отказ пошла? У него после полугодовой вахты крышу-то и снесло.

Нет бы поняли, назначили штраф... Он даже извиниться был готов, выплатить компенсацию, чтоб на врачей... Не рассчитал силенок... Что ж, самка мягонькая, а его раса...

Зато круонки, говорят, крепкие. Давно у него уже бабы не было, что нехорошо.

Точно, свою долю круонкой и возьмет, присмотрит какую покрепче, повыносливей, чтоб не было, как тогда... А то шапарка, которую с первого налета вынес, пригрел, можно сказать, на третий цикл издохла.

Система подала сигнал, и на панели побежали цифры. Искин в очередной раз рассчитывал курс, согласно полученным данным.

Храрх мельком глянул на цифры.

Только им нынче и верят, а истинное мастерство уходит.

Или не бабу, а долю нормальную? Чтоб даже не кредитами, которые на станции ходят. Хитро придумано: вроде и платят, да только на что их

потратишь? И вне станции от этих кредитов ничегошеньки не останется. А валить пора, пора... Круонцы точно по следу выйдут.

Рогастенький этого не может не понимать.

Тоже хитрозадый.

Языком треплется, а сам небось давно уж свалить готов.

Ничего, Храрх тоже не тупой, ученый... И долю возьмет вещичками. Разгуляться тут не разгуляешься, да только... Небось штурмовики – народец откровенно туповатый. Там сильно умные не задерживаются, да и на спидах сидят плотно, а она мозги плавит конкретно.

Так что чего блестящего и потырили, но вот настоящие ценности...

На Круоне много чего интересного водится.

Челнок снизился, скорость упала, и искин подал сигнал о входе в атмосферу.

Кристаллы надо бы поискать, они ж тут везде.

И бабу.

Там их много. Вот как наверх повезут, так и попользуется. А что, с них не убудет. Если ж кто возмущаться станет, то тут уж Храрх знает, как себя вести.

Он потрогал шатающийся зуб.

Вниз.

Пока грузятся, по дому пробежаться, и наверх, а там опять... Глядишь, в три ходки и уложится.

Челнок тряхнуло, и снова, но искин внес изменения, выровняв неуклюжее тело корабля. Доложил о локальном повреждении обшивки и заткнулся.

Все разваливается. И челнок этот давно пора бы списать, но нет же, латают.

Пару раз тряхнуло, и треклятый искин разразился вереницами зеленых цифр. Ну да, и протечка, и вообще... валить.

И чем скорее, тем лучше.

Выбраться на маршрут, а там скинуться где-нибудь, в местечке тихом, в мирке затрапезном, лучше класса А или даже А+.

Храрх заткнул верещащий искин и перевел челнок на ручное управление. Потряхивало уже изрядно, но ничего, и не на таких горках катался.

Он вывел на экраны конечную точку маршрута.

А неплохо тут живут.

Вот и он мог бы, если бы...

Надо было придушить ту бабенку, а тело скормить биореактору, тогда,

глядишь, пока спохватились бы, и вообще... Пойди докажи, что это он. Нет, пожалел... Все беды от жалости.

Челнок, сделав пару кругов над поместьем, проломил ограду, пропахад в саду широкую полосу – сделано это было с умыслом и немалым умением, ибо всякие там садики Храрх ненавидел от души, – и замер.

Гравитационное поле, пусть и было, по мнению искина, на редкость ненадежным, но пока держало.

Храрх потянулся.

И зевнул.

Активировал связь, но на канале шумело. Ах да, предупреждали о местных бурях. Погано, выходить придется. Хотя он же собирался прошвырнуться по поместью. Так чего уж теперь...

Он потянулся, и костяные пластины экзоскостюма захрустели.

Шкура с возрастом теряла эластичность, да и мягкой становилась, рыхлой. На родине он бы давно вышел из бойцовского круга, уступив место молодняку, а сам, окруженный выводком самочек, коротал бы дни за чашкою хайхре, в тиши и покое.

Тварь.

Комбез он оставил. Вот не чувствовал Храрх особой в нем нужды. Благо местный воздух был пригоден для дыхания, а собственная шкура Храрха толста и все еще надежна. От комбеза же одни неудобства, не говоря уже о том, что поясничные складки он прикрывает надежно, хрыза два что спрячешь.

Он спрыгнул на спекшуюся землю.

Втянул через носовые щели воздух, который показался на редкость пресным. Пнул камень и умер, не успев понять, что, собственно, произошло.

Каменные альмаши, существа на редкость медлительные и в целом безобидные, были весьма ядовиты. И не любили, когда кто-то пытался добраться до кладки. Самка, привстав на коротких лапках, покружилась, убеждаясь, что десяток бледно-голубых яиц не пострадал, и вновь опустилась. Тончайшие прозрачные иглы улеглись и теперь выглядели искорками слюды на красной гранитной поверхности брони. Фасеточные глаза прикрылись, а складки кожи разошлись, поглощая теплый солнечный свет.

И ос, привлеченных сладковатыми выделениями клеточного сока.

Глава 32

Нкрума отозвался на запрос матки и, оценив новую информацию, разрешил действовать.

Пятерка дронов встала на след челнока, прокладывая трассу для массивной туши песчаного сборщика. Тот, огромный и медлительный, не приспособленный к погоням, поднялся в верхние слои песка. Солнце коснулось кристаллической чешуи, наполняя истощившиеся было батареи. Сборщик выпустил с полсотни хрупких вееров, усыпанных светочувствительными пластинами.

Кристаллы его нагрелись, пытаясь освоить новую информацию.

А глубинные процессы синтеза приостановились, впрочем, ненадолго. Вот туша шелохнулась, дернулась, переваливаясь на бок, и в следующее мгновение скрылась в песках.

Там, на глубине, сборщик двигался если не быстро, то всяко ловчее. Направляющие щетины его впивались в плотную стену глинистых отложений, не позволяя телу упасть ниже.

Глубже.

Дроны суетились.

Челнок прибыл к пункту назначения и, стало быть, пираты готовы начать погрузку. С этим Нкрума тоже сталкивался: зачем убивать тех, кто в состоянии принести пользу?

И это хорошо.

Пока пленные представляют хоть какую-то ценность, их не тронут.

Дрон опустился ниже, передавая новую картинку.

А вот это уже плохо. Мертвец пиратов не обрадует. И то, что сам виноват – у ног покойника Нкрума разглядел красноватый шар альташи, – не аргумент.

Но в доме было тихо.

Система дочищала посторонние логи, приводя себя к исходному варианту. Внутренние камеры были пока отключены, но система обещала восстановить их в течение получаса.

Отлично.

Меж тем сборщик оказался под челноком. Здесь он двигался медленно, с трудом, все-таки подобные механизмы не были рассчитаны на прохождение уплотненных пород.

И матушка расстроится, но...

Нкрума выбил команду.

Замерли дроны, как показалось, в ожидании. И червеобразное тело сборщика свернулось спиралью. Он чувствовал огромный массив металла, который и был поставлен искать. Трепетали щупы, анализируя состав. Передавали сигналы нервным узлам, а те уже активировали тканевые участки. И чаны тела наполнялись кислотами.

Три...

Сборщик раздулся.

Два...

Головной конец туловища его приподнялся, а пасть растянулась. В ней показались узкие клыки якорей и тончайшие трубки вещества первичной обработки.

Один.

Сервомоторы толкнули сборщика вперед, к добыче, и земля треснула, а гравитационное поле разлетелось, когда многотонная туша пробила днище челнока, плеснув заодно смесью кислот.

Загудели и захлебнулись моторы.

Что-то хрустнуло.

Лопнуло.

А горловой мешок сборщика сократился, выплюнув мириады наноботов, которые расползлись по челноку липкой пленкой. Первичная переработка была начата. Пройдет несколько дней, и в матушкином саду появится груда продолговатых чурок из чистого металла, покрытых тонким слоем антикоррозионной слизи.

Что ж, и от пиратов должна быть своя польза.

Буря мглою небо кроет, вихри снежные...

Песчаные, пусть будут песчаные. Это, в конце концов, тоже красиво. А потом добавим немного воды. В детстве я обожала играть в куличики, особенно после дождя, когда полупрозрачный легкий песок в песочнице обретал и плотность, и цвет.

Бабушке почему-то это не нравилось.

А мама вообще начинала причитать и охать. Я же, повзрослев настолько, чтобы играть одной, бегала домой за водою или хотя бы к ближайшей луже.

Теперь у меня просто замечательная песочница.

И я взмахнула руками, а буря – крыльями, стерев с небосвода два огненных мазка. Чужаки...

Как ни странно, я отдавала себе отчет, что мое нынешнее состояние,

мягко говоря, ненормально. Эта безумная эйфория, желание плясать, находясь по горло в синеватой тяжелой воде. Вдруг она вообще радиоактивна? И после у меня отрастут жабры, крылья, когти и клюв.

Ничего, самое лучшее брачное агентство в этом рукаве галактики все равно отыщет мне подходящего супруга.

Не хочу подходящего.

Мне этот нравится.

Кстати, чем он там занят?

Нкрума отыскался сразу. А хорошо. Почти как в сказке – по щучьему велению, по моему хотению. Осталось удариться оземь и превратиться в красоту писаную.

Или рисованную.

Так, надо дышать глубже. Спокойней. А то ведь крышу сносит не по-детски. Мне же еще мир спасти и жениха заодно, а то ишь, сбежал за подвигами.

Я провела ладонью по воде, и та послушно расступилась. Мамочки, а что еще я могу? И главное, каким таким волшебным образом?

Ладно, позже посмотрю.

А пока я двинулась по узкому проходу, кажется, нервно подхихикивая. Точно помню, что пару раз не удержалась и ткнула в водяную стену пальцем. Та выдерживала, только шла рябью.

Заодно уж кино показывала.

Вот Нкрума в нормальном, если можно так выразиться, обличье. Лежит на спине и в стену смотрит. А нет, это он что-то на экране разглядывает, просто экран настолько зыбкий, что я не сразу его разглядела.

Ага...

Хвост дергается.

А ведь я себе тоже хвост могу отрастить, стоит лишь захотеть. Или крылья, или клюв. В голове моментально возникали варианты модификации моего несчастного тельца, который резко поубавивший восторга разум решительно отвергал.

А пить хотелось.

И я потянулась к воде, а она – ко мне. Холодненькая... Нет, я как-нибудь без хвоста обойдусь. За ним же, наверное, ухаживать надо. Расчесывать и все такое... Наверное, у них здесь и парикмахеры специальные есть.

Я захихикала и зажала рот руками.

Точно, ненормально.

Тут пираты.

Бой.

И вообще я вляпалась непонятно во что. И знаю, чего знать не должна, и вообще крута, как бог или, что вероятнее, эти самые Древние, которым вздумалось бросить свои игрушки в неподходящем месте.

Прячьте спички от детей, мать его! Даже у нас это знают, а они...

Мудрые.

Всеведущие.

А дорожка вывела к ступеням, на сей раз вполне целым с виду. Россыпь престранных значков не в счет. Кстати, читать я тоже могу.

Ага...

Кровь, сила и душа. А вот этот треугольник означает единство тела, разума и этой самой души. И путь...

К знаниям.

Пожалуй, от местного гранита науки я откажусь.

Хотела, честное слово. Но, несмотря на искусственную эйфорию – это ведь удобно, когда жертва эксперимента не сопротивляется, а с радостью скачет прямо в заботливые руки экспериментаторов, – я боялась.

Это ведь неправильно, что...

А если водяная стена сомкнется? Она ведь давно поднялась выше моей головы, и выше этих бесконечных ступеней, и вообще до самого потолка. Меня раздавит или я захлебнусь? Или сработает еще какая-нибудь особо изощренная ловушка?

А вот и отпечатки ладоней.

Система. Вот солнце с лучами-змеями, в пасти которых застрял кругляш планеты – Круон. Я провела по нему пальцем, и кругляш засветился красным, а солнце – белым. Не говорите только, что я и им управлять могу?

Нет?

Отлично. А то бы наворотила... Это ведь легко. Буря – это мелочи, я ведь и землетрясение сделать способна, и новые континенты создать, или вот старые слепить воедино. А что? Море – оно всегда море, и не важно, водой ли залито или песками засыпано.

Пески я тоже могу убрать.

Правда, тогда путешествовать станет затруднительно, поскольку воды здесь маловато для полноценного океана.

Спокойно.

Ничего я делать не буду. И кору планеты в покое оставляю. Жили тысячи лет без моей заботы? Вот и прекрасно, пусть продолжают. А я...

Я спрятала руки за спину.

Только то, что привело меня сюда, не собиралось отступать. Не знаю как, я моргнула... просто моргнула, а очнулась уже с руками на барельефе. Аккурат по форме пришлись, вырезанные-врезанные, да...

Сперва ничего не происходило, и я даже выдохнула с немалым облегчением, руки убирая, только они приклеились.

Не совсем чтобы приклеились.

Я могла пошевелить пальцами.

Я даже способна была приподнять ладони на пару миллиметров над поверхностью металла, но убрать... А потом стало вдруг больно, и настолько, что сознание мое, не желая участвовать в этом безумии, взяло и отключилось.

Когда искин доложил о потере связи с третьим разведчиком, Шанаар-аль-Шаррах выругался.

На трех языках.

И платформу пнул. А потом, давая выход гневу – в бездну первородную всех мозголоумов, решивших, будто он должен сдерживать разрушительные порывы, – пальнул в песок.

Контролировать себя.

Он контролирует.

Он охренительно себя контролирует. А что есть желание кого-то убить, так...

У него будет много времени, чтобы его реализовать. Как с тем, последним представителем независимого движения чего-то там и куда-то туда... Признаться, айварх уже не помнил, куда именно они независимо двигались. А вот как пузырилась кровь на губах хрупкого алианта – это да...

Чудеснейшее зрелище.

Он оказался на редкость живучим.

Да и следовало признать, что мастерства у Шанаара прибавилось. Опыт, опыт... опыт решает многое. И харизма, конечно.

Он выдохнул.

И улыбнулся.

Повернулся к платформе, на которой осталась пара заложниц, наблюдавших за происходящим спокойно. Пожалуй, слишком уж спокойно для тех, чья жизнь всецело зависела от благорасположения айварха.

Полагают себя самыми умными.

Беда всех женщин.

И его матушка, помнится, не избежала. Все твердила, мол, учись

сынок, приспособляйся, не выпячивай свой ум, это неприлично. Будь тише, незаметней... Бубнила целыми днями.

Наверное, издохла уже.

Так ей, твари, и надо.

Никогда его не понимала. Младший братец, тот – единственный свет в окошке. Что бы ни делал, все было замечательно, все чудесно, а Шанаар, было время, из кожи вон лез, чтобы одобрение заслужить, но матушка лишь поджимала губы.

Ничего, скоро все узнают, все поймут, с кем связались. Надо лишь добраться до сердца этого треклятого города. Однажды ведь получилось... А никто не верил.

Никто.

Даже спонсоры кривились и денег не давали, мол, его дело на маршрутах стоять и выбивать корабли конкурентов. Нашли тупого исполнителя.

А он смог!

Отыскал тот богами забытый камень на орбите полумертвой звезды. Спустился. И вскрыл сердце храма... ну, не совсем сердце, что уж тут говорить, храм был полумертвым, но вынести из него удалось многое. И те, кто еще недавно полагал его идеи безумными, теперь сами деньги в руки совали, чтобы только Шанаар рискнул.

Рискнет.

И думают, он тихо отдаст находки в чужие руки? Наивные жирные твари, только и умеющие, что прибыли считать. Они и мысли не допускают, что кто-то может обмануть их чаяния.

Интересно, что они сделают, когда поймут?

Попробуют послать кого-нибудь за его головой? Не без того, конечно, но у него тоже есть чем припугнуть. Интересно, как Совет отреагирует, получив хотя бы малую часть записей.

А ведь можно и не дожидаться конфликта и слить в Сеть записи, так сказать, превентивно.

Он представил, как вытянется желеобразная физия главного нанимателя, когда он увидит собственное имя в новостях. А то, что новости эти разлетятся по Сети мгновенно, айварх не сомневался. Он прикрыл глаза. Вот оно, непередаваемое ощущение близкого триумфа.

И гнев отступает.

И лекарства не нужны. Помнится, он скормил их последнему мозголому, тому самому, важному ленивому типу, найденному матушкой. Подавление внутренней агрессии и психокоррекция. Интересно, тот уже

перестал пускать пузыри?

Надо было добивать.

Но тогда он был молод и многого не осознавал. К примеру того, что нельзя позволять другим существам управлять собой.

И эти...

– Ты, – он ткнул пальцем в ближайшую самку, которая и не подумала дрожать. – Сюда иди.

Подчинилась она без возражений.

Даже жаль. Он готов был послать импульс на ошейники, чтоб напомнить, кто здесь хозяин, но позже... Пока он играет в справедливость.

Играть вообще очень интересно.

Особенно в справедливость.

– Пойдешь впереди, и вы трое.

Штурмовики скользнули в темное жерло хода.

Безмозглые, но исполнительные.

С базы придется уходить, но у него было куда. Главное, прихватить все нужное, а покупатели всегда найдутся.

– Идете впереди. И без шуток.

Импульс он все-таки послал, заставив круонок скрючиться от боли.

А старую стерву, которая думает, что она умнее Шанаара, надо было тут оставить или вообще в поместье. А на базе поговорили бы... Было бы интересно посмотреть, как она вымаливает скорую смерть. Говорят, круоны – крепкие ребята, но так говорили про многих. Пока никто не продержался дольше суток.

– Вперед, – он развернул панели локатора. – И смотрите, нянчиться я не собираюсь.

Голос тонул в стенах.

Этот храм, пожалуй, отличался от предыдущего.

Он был жив.

Спал, но готов был проснуться, потревоженный чужаками. Он взирал на них с толикой недоумения: как вышло, что эти существа оказались здесь и не спешат убираться? Скоро храм окончательно очнется, и тогда...

Страх был непривычной эмоцией.

И айварх сделал единственное, что умел, – пнул пленницу.

Полегчало.

– Шевелись, кахара тупорылая.

Матушка вечно поджимала губы, когда Шанаар выражался. А он не виноват, что эмоций всегда было слишком много. Ему бы творцом стать... Он рисовал картины, но их не понимали.

Смеялись.

И смех снова звучал в ушах.

Иллюзия.

Тот, первый храм встретил расколотыми стенами и стертыми плитами. Провалами в полу. Обрушенными колоннами.

Останками разрушенного корабля, с которого получилось снять пару узлов.

Окаменевшими лежаками.

Костями. Их пришлось вырезать, долго и мучительно. А главное, оказалось, что все его старания были напрочь лишены смысла – ДНК выделить не удалось.

Сейчас все иначе.

Ощущение чьего-то присутствия и острое желание вернуться. Сесть в челнок и бежать. Пока еще есть возможность бежать.

Ну уж нет. Айварх набрал на панели команду, и сверхтонкая игла пробил кожу, впрыскивая в кровь дозу кирраха. Тепло пробежало по телу, мышцы привычно дернуло судорогой, а потом стало хорошо.

Страх?

Не было страха, зато появилось желание кого-нибудь убить.

Потом.

Позже.

Он научился контролировать свои желания. Отчасти. И предвкушение будущей крови грело душу не хуже, чем сама эта кровь.

– Эй, адмирал! – Он дернул девицу к себе. – Ты тут? Конечно тут. Где тебе еще быть? Выходи, не прячься! – Его голос, усиленный динамиками, разнесся по коридорам, окончательно лишая храм иллюзии покоя. – Давай в зале встретимся? Или я убью эту красавицу...

Девушка не дернулась.

И не завизжала.

Неужели полагает, будто угроза пуста? Ничего. Убивать можно по-разному, а Шанаар постарается, чтобы смерть эта была долгой и мучительной.

– Вперед, – он толкнул девушку, и та послушно зашагала.

Отвратительно.

В покорных жертвах нет удовольствия. Хотя скоро эта покорность исчезнет, как исчез левый штурмовик. Споткнулся и мешком осел на землю. Он еще, кажется, дергался, когда длинная змееобразная тварь забралась ему на грудь, но...

Слабые уйдут.

И чем больше уйдет, тем лучше. Сокровищ не хватит на всех. И штурмовики – это изначально мясо. Других не берут. Второй попытался стряхнуть с рукава мелкую цепкую тварь.

Следовало использовать газ, какой-нибудь тяжелый, из запрещенных.

Он переступил через тело.

И активировал верхний слой полимерной брони. Вовремя. Полупрозрачная тварь скатилась с рукава. И вторая. Отлично.

Работает.

Или продать находки?

Нет. Или он, или его... Тут и думать нечего, никто не позволит проходимцу владеть артефактами Древних. А потому...

Айварх остановился и, развернув панель, набрал команду.

Неважно, что произойдет дальше, искин загрузит материалы в Сеть. Это славно. Шанаар расхохотался. Весело...

Будет очень весело.

Он дернул пленницу на себя и, сдавив шею двумя пальцами, произнес:

– Поиграем, девочка?

Глава 33

Город пел.

Нкрума слышал его голос, такой знакомый, такой родной. И песня эта, песками созданная, звучала в крови.

Было.

Давно.

Сотни и сотни лет назад, когда на крохотный шар, прокаленный злым солнцем, пришла вода.

Дар.

И те, кто принес этот дар, защитив и его, и планету.

Свинцовый покров облаков и капля жизни, которая получила шанс.

Они оставались здесь.

Долго?

Пожалуй.

Зачем?

Кто знает.

Эксперимент? Миссия? Не имеет значения, главное, что это место не для чужаков.

Айварх остался в первом зале. И не один. Девочка с ним была не знакома. Совсем юная, вероятно, впервые получившая дозволение покинуть стены дома, она держалась с удивительным спокойствием. А вот айварх...

Безумен.

И город видел это безумие, которому не следовало верить.

Обманет.

Здесь не стоит ждать честной схватки. У айвархов в принципе понятия о чести очень размыты, а уж этот и вовсе себя потерял.

– Эй, – айварх притянул к себе девочку и прижал к ее лицу тончайший лепесток виброножа, – скажи, я могу вырезать ей глаз? Или, быть может...

Он пустил кровь.

И девочка выдохнула. Она изо всех сил держалась, но...

– Чего ты хочешь?

Нкрума соскользнул с парапета. Под ногами захрустели камни, а на плечи посыпалась белесая пыль.

– Тебя хочу. – Айварх расплылся в улыбке, но нож не убрал. Напротив, он легонько надавил и потянул, рассекая щеку.

Призраки охотниц в коридорах.

И город ждет.

Он не станет вмешиваться. Он будет наблюдать, что и делал последние сотни лет, собирая информацию по крупицам, записывая ее на темные кристаллы, которые однажды окажутся именно там, где и должны, – в хранилище.

Нкрума отряхнулся.

– Оружие на пол, – велел айварх, пританцовывая от нетерпения. Ноздри его раздувались, а взгляд метался по пещере.

Сзади заворчал рапан.

И Нкрума вовремя пригнулся, пропуская сгусток плазмы.

Твою ж...

– Зал обрушить собираешься?

– Стр-р-рашно? – растягивая звуки, поинтересовался айварх. Девчонку он не спешил отпускать, хорошо, нож убрал.

– Нет.

– Ложь. Все боятся. И ты боишься. Вот за нее... Я могу ей глотку вскрыть.

– Тогда я тебя рапану скормлю.

Рапан заухал, явно одобряя подобное развитие событий, но на айварха это не произвело особого впечатления. Он сдавил девочке шею, прижав дуло плазмомета к затылку.

Если пальнет, то обоим достанется, но на айвархе броня. Неизвестная модификация, такая черная пленка, затянувшая с ног до головы. И держится он уверенно.

Пожалуй, слишком уверенно для того, кто проиграл.

– Давай меняться? – предложил айварх. – Ты даешь слово, что поможешь мне, а я ее отпущу. Я слышал, что ты свое слово держишь.

Запах броня пропускала. Такой характерно-кисловатый, терпкий. С легкой ноткой гнильцы. Значит, под стимуляторами. Плохо... С одной стороны, они делают айварха непредсказуемым, а с другой – серьезно ограничивают способности к рациональному мышлению.

Договориться не выйдет.

Впрочем, на это Нкрума и раньше не надеялся.

Тот, кто пришел в его дом с оружием, должен был умереть.

– В чем именно я должен буду тебе помочь?

– Вниз, – айварх слегка ослабил хватку. – Мы сейчас отправимся вниз.

Ты, я и она.

– Она зачем?

– Чтобы было веселей. Или ты и вправду рассчитывал меня обмануть? – Теперь в голосе айварха прорезались нервные нотки.

Если он сидит на стимуляторах давно, то разум его изрядно поврежден.

– Она будет мешать.

– Нет! – Айварх вскинул ствол и выпустил плазменный шар, который, попав в потолок, сотряс все строение.

Город загудел.

Он был древним.

И видел многое.

Когда-то его пытались уничтожить, полагая опасным, едва ли не проклятым наследием, но город умел защищаться.

– Успокойся.

– Я спокоен!

– Если ты обрушишь крышу, мы все погибнем.

– Во цвете лет... – Айварх расхохотался. – Но я буду жить, слышишь? Вы все сдохнете, а я...

– Будешь жить.

– Именно. Иди вперед. И без шуток, если не хочешь, чтобы наша птичка пострадала.

Тени скрылись.

Нкрума остро ощущал присутствие охотниц. Их запахи мешались с терпким ароматом камня, вплетаясь в него, растворяясь. Их следы замечало пылью и мелом. И само их присутствие лишь угадывалось. Но и этого было достаточно.

Идти.

Ниже.

И переступить через массивное тело песчаной гадюки. Айварх вновь выстрелил. Запахло жареным мясом, и еще оплавленным камнем.

Легкий перестук когтей появился и исчез.

Следуй.

Делай что должно, и все будет как есть.

Город знает.

И те, кто спустя столетия вернулся в него, нарушив древний запрет, – а нужен ли он был? – тоже. И значит, вперед.

Ниже.

Глубже.

Хиннарх Яуо с самого начала подозревал, что вся эта идея обречена на

провал. Он чувствовал это каждым члеником своего тела. Хитин и тот зудел от нехорошего предчувствия или, что гораздо вероятнее, от близящейся линьки. Подкожные мешки наполнились бурым жиром, связки размякли, и каждое движение давалось с немалым трудом.

Переполненные слюной железы требовали приступить к созданию кокона.

И препараты-подаватели почти не помогали.

Не надо было соглашаться.

Не стоило вообще покидать клан. Сейчас причина ссоры с а-уало гляделась настолько нелепой, что Яуо поверить не мог: неужели он и вправду был настолько глуп?

Лишиться места третьего илькада. Права охранять материнскую кладку и законной доли в добыче.

Из-за чего? Из-за блестящих надкрыльев самочки-сеголетки? А главное, она осталась с победителем. Они всегда остаются с победителем. А ему предложили неплохую, как казалось, работу.

Он еще решил, что, накопив приличную сумму, прикупит с полсотни яиц... хороших яиц, а то и право отбирать сеголетков. Он неплохо разбирается в молодняке.

Пара лет – и заложил бы основу собственного улья.

Он поскреб передней конечностью спину. Хитин стал мягким, неровным. И значит, шкура вот-вот треснет.

Линька – дело интимное.

И в другом случае он бы уже доделывал паутинистый кокон, одновременно и хрупкий, и невероятно прочный. Затем две недели спячки, пока тело переходит на новый уровень, а панцирь крепнет.

Отдых и...

Последнее дело.

Его наниматель был любезен и велеречив. Всего-то и надо, что присмотреть за айвархом, который слишком много стал себе позволять, и вправду возомнив таким революционером, того и гляди, остатки мозгов стимулами расплавит.

Проследить.

Ликвидировать.

Сдать нанимателю все то, что айварх отыщет. И исчезнуть в просторах Вселенной, чтобы объявиться в новом мире с новыми документами и внушительной суммой на счету.

Хиннарх не выдержал и потерялся о стену.

Его подопечный успел уйти, но недалеко. Не скроется, маяки работают

исправно. А дело пора завершить и...

Додумать он не успел. Когти с легкостью пробили старый хитин, выдрав приличный шмат мяса, а второй удар просто снес головной отдел. Тело еще некоторое время стояло, брызгая гемолимфой на камни, затем тихо и неуклюже осело.

Охотница же пнула голову, челюсти которой еще шевелились.

Развелось тут... не пройти.

Я приходила в себя урывками.

Сознание раскололось. Часть его, едва не захлебнувшись информационным потоком, расширилась и изменилась, если можно так сказать. Она впитывала данные, не спеша больше избавиться от столь высокой чести. Вторая же, преисполнившись смирения, пыталась осознать себя, точнее меня, в новом качестве.

Кого?

А леший его знает.

Я теперь уже была частью и мира, и этого сооружения, почти столь же древнего, как и мир.

Почему?

Ведь приходили и другие.

Когда-то давно.

Племена... пески... смуглокожие женщины, чья кровь еще несла память о других мирах. Они пересекали пустыню, чтобы преклонить колени перед теми, кого полагали богами. И порой, когда встречалась подходящая кровь, боги отзывались.

Миру нужны были хранительницы.

Высокая честь.

Огромная ответственность.

Не хочу ответственности, я от нее всю жизнь бегала, а тут...

Кто ж меня спрашивает?

Смотри.

И внемли.

Внемлю. Куда деваться-то? Время проходит под шелест псевдостраниц. Мое сознание преобразует данные таким образом, чтобы мне было комфортно.

Спасибо за ответ.

Странно это, разговаривать с собой и отчасти с искусственным интеллектом, который счел меня подходящей кандидатурой. Может, передушает? Нет? Попробовать стоило.

Бубен.

Его гул в голове... пляски... пески и жертва великому червю, который появляется, раздраженный шумом. Безумный фильм, который прокручивали у меня в голове.

И время, что летит сквозь меня.

Я пытаюсь вырваться, но вынуждена смотреть.

Годы.

Столетия.

Кочевники и хранительницы, которые возвращались, неся слово, и часто это слово было вовсе не тем, которое они слышали.

Оглохли.

Истоцившаяся кровь, изменившийся мир.

Правила новые.

Старые.

Эволюция, как биологическая, так и социальная. Наверное, эти знания совершенно бесценны, а я и понять-то не всегда в состоянии, что именно вижу. Вижу, и... и ладно.

Главное, больше никого не приносят в жертву.

Городу.

Первые попытки противостоять пескам. И первые столкновения. Охотники, что выходили искать червей и, одержав победу, возвращались в дом. Женщины, разрисовывавшие тела свои красной краской. Протяжные песни и древний обряд возвращения, к которому девочек готовили загодя. Их привозили к древним развалинам на огромных повозках и, высадив, оставляли на трое суток.

И редко, кто решался покинуть безопасное место.

Надо было лишь выждать, а город... город просто рассматривал тех, кто, сиюсь сохранить дар свыше – что за глупая идея, будто он связан с невинностью, а потому хранительницам нельзя вступать в связь с мужчинами? – полностью его утратил.

Бестолковые.

Ритуалы, лишённые смысла. Наверное, у нас тоже много таких, от которых осталась лишь форма. Больно. Как будто кожу сдирают...

Мое тело адаптируется к местным условиям.

Моя кровь нужна.

Город-храм, город-лаборатория слишком долго ждал хоть кого-то, чтобы теперь отказаться от шанса. Нет, он мыслил иначе, категориями, далекими от человеческих, но разум мой, чтобы не разлететься вдребезги, довольно ловко переводил их в доступные понятия.

Тело менялось.

При желании я могла получить отчет обо всем.

Кожа станет плотнее и темнее, меланиноподобный пигмент защитит ее от излучения местного солнца, а помимо потовых желез, появятся другие, производящие особое вещество – аттрактант... нет, пожалуй, далее я знать не хочу.

Да, понимаю, ни одна тварь в этом богами забытом мирке не причинит мне вреда, но...

Я хочу остаться собой.

А кто я есть?

Душа?

Сознание?

Или цепочка ДНК, которую кто-то взялся переписать наскоро. Я не хочу исчезнуть, я не... исчезну. Страх иррационален, и его убрали, отсекли и развеяли. Плохо? Хорошо? Я вообще смогу мыслить подобными категориями или превращусь в сверхдревнее и гипермудрое существо?

Если бы умел, город рассмеялся бы.

Ни в кого я не превращусь. У него нет полномочий изменять суть, а форма... Мне многое станет удобней.

Спасибо, блин.

И не за что.

Кости вытягивались, а с ними и мышцы, органы... Пожалуй, лишние знания – лишние печали. Главное, что я почти пришла в себя, а эта перестройка надолго не затянется. Мне же, раз уж получилось как получилось, надо понять, что происходит в городе.

Айварх спускался. Он явно неплохо ориентировался в лабиринтах местных коридоров. И шел быстро, кажется, получая удовольствие от того, что девочка не успевала. Когда она спотыкалась, айварх почти позволял ей упасть, а после хватал за шею и рывком поднимал на ноги.

– Не шали, – сказал он, когда девочка попыталась упасть снова. И приложил ее головой о стену. – Ты же не хочешь, чтобы я убил тебя прямо здесь?

– Отпусти ее.

– Заткнись! Самый умный? Знаешь, что будет умно? Вот... – Айварх оттолкнул пленницу, одновременно захлестнув ее шею черным гибким шнуром. – И еще вот... Подойди, если не боишься...

Шнур натянулся и завибрировал.

Девочка вцепилась в ошейник, и по пальцам потекла кровь.

– Я могу приказать, и она умрет. Скажем, ей голову отрежет...
Подойди, я сказал.

Нкрума приблизился.

И не удивился, когда черный кончик хлыста коснулся его руки. Ожог. И кожа на месте ожога онемела.

– Яд, – пояснил айварх. – Древний. Хороший древний яд. Аналогов наши не обнаружили. Не буду врать, ученые у нас так себе... Не ученые, а недоучки, которым места не нашлось. Был, правда, один, который идейный... Умник, на всех смотрел свысока. Он гений, а мы так, отрывка Вселенной...

Онемение расплзлось.

Плохо.

И дело не в том, что противоядия у айварха скорее всего нет. А в том, что Нкрума бросил свою невесту. Найдут ли ее? Если найдут, то мама о ней позаботится.

Глупо все получилось.

Ничего.

Ей помогут устроиться. Найдут подходящий мир, обеспечат. Она умная девушка, сумеет выжить.

Только жаль, что Нкрума ничего толком не успел.

Он хотел бы показать ей Мертвое озеро на самой границе владений рода. И каньон Ветров, где бродят заблудившиеся голоса. И древний Ашшмар, признанный культурным наследием, но оттого не менее заброшенный. И что с того, что силовые поля не позволяют пескам погresti эту сеть пещер. В них остались и камни, и кости, и что-то наподобие экспозиции, скальные рисунки.

Тишина.

И мертвый круг источника, питавшего город столетиями.

Еще был утес Наоргло, уже не на востоке – на севере. Темная скала, спицей торчащая из песков. Об нее не одна буря точила зубы, но не сточила. И ветра оставались где-то там, внизу, а на вершине, на крохотной площадке, добраться до которой можно было лишь на гравилете, всегда было тихо. И в этой тишине, поговаривают, можно услышать, как падают звезды.

Чушь.

Звезды – это шары плазмы, а падают метеориты. Но какая разница, если красиво?

Быть может, там, на вершине, они просто смотрели бы. А быть может, заговорили. О чем? О чем-нибудь. Почему-то ему казалось, что у них

нашлись бы общие темы.

Умирать не хотелось.

– Чем быстрее ты доберешься до цели, тем больше будет шансов выжить.

Тень в проходе качнулась было навстречу.

И отступила.

Правильно. Он успеет убить девочку, а Нкрума... он ведь знал, что умрет рано или поздно. В конце концов, для мужчины смерть в бою почетна, а он добыл своего шарраха.

Вниз.

Этой лестницы Нкрума не помнит, да и готов поклясться, что еще недавно ее не было. Айварх, кажется, не заметил ее появления, как и взгляда. Правда, откуда и кто смотрел, Нкрума так и не понял. И на лестницу он ступил первым.

Глава 34

Я с трудом сделала первый шаг, разрывая связь с разумом города.

Нет.

Эта связь выполнила свою задачу и потому больше не нужна. Есть другая, тонкая и пока еще плохо мною осознаваемая, но достаточно захотеть.

Я сдавила голову руками.

Не хочу.

Мне надо отдохнуть. Уложить в несчастной моей голове, что...

Я хранительница?

Высокая честь и все такое... А еще я больше не человек. Не в том плане, что разумом, – физически. Новое тело было неудобным, оно и понятно. Привыкнуть надо.

Привыкну.

Со временем.

Вот только времени не было. Город показал мне все, что я хотела видеть, и даже больше. Нет, я не жалела пиратов, которые остались в местных коридорах, обещая неплохой ужин всем тварям, большим и малым. Сами полезли, но...

Все-таки несколько неприятно осознавать, что милейшая Арагами-тари с такой легкостью способна оторвать голову человеку. То есть не совсем чтобы человеку, то существо было скорее насекомообразно, но... Я с ней чай распивала, а она тут головы отрывает.

Но и сказать, что у нее вовсе повода не было, тоже нельзя.

Сами виноваты.

Меня все-таки вырвало. Хранитель или нет, но некоторые вещи были мне, мягко говоря, чужды, а зрелище чужих кишок, которые жадно поглощала стайка милейших на вид созданий, не для среднестатистической психики.

Вдох.

Выдох.

И теплое успокаивающее прикосновение к ноге. Да, змеи всегда были рядом с хранительницами.

Испытание.

Яма в песке, куда сажали девочек, вошедших в нужный возраст.

Мешок, наполненный гибкими сильными телами. Гадюк отлавливали

тоже молодых, сильных и, завязав в мешок, тыкали палками, чтобы разозлить, а потом вываливали на голову детям.

Изверги.

Это было давно... и унесло немало жизней, прежде чем безумный обряд был отменен.

Я задышала ртом.

И отступила.

Я не знала, что делать. Да, буря неслась по пустыне, она смахнула искры челноков, оставив пиратов без возможности вернуться. Она раздавила наблюдательный пункт, который был поставлен в пустыне. Она перелетела дом и занесла песками те челноки, что были поставлены в саду. И сад тоже.

Надеюсь, Арагами-тари поймет, что у меня не было выхода.

Буря отрежет город от мира, а я...

Я должна придумать, как помочь жениху.

Нерри не удивился, когда жесткие пальцы сдавили его шею. Он закрыл глаза, смиряясь с неизбежным – сейчас рыхлая броня хрустнет, а под ней и остовные нити. А когти на пальцах перервут спинномозговой столб.

– Зачем ты это сделал? – поинтересовался круонец.

– Потому что так правильно. И... я так больше не могу.

– Ясно, – хватка ослабла. – Сиди тут и никуда не выходи. Ясно?

Нерри кивнул.

Ясно. Куда уж яснее. Он сидит.

Он живой.

И это само по себе было удивительно. Он слышал, как ушли круонцы, и кажется, щелкнула дверь, запирая его наедине с парализованными пленниками. И все равно было не по себе.

Убьют.

Или свои, или эти... И надо было сначала условия поставить, договор заключить... Что сделаешь, Нерри всегда был силен задним умом. Мама вот тоже говорила, что он сначала делает, а потом думает.

Сам виноват.

Он сел в уголке и, вытащив энергетический батончик, сунул кусок за щеку. Если рассасывать медленно, то хватит надолго. А солнце здесь хорошее. Дома не так сильно жарит, но тоже тепло, и воды много. Хорошо бы вернуться.

Или хотя бы письмо написать.

Вдруг кто прочтет?

Нерри не знал, как долго сидел, когда дверь открылась вновь и вошел круонец рыжей масти. Он кинул пару универсальных пакетов, сказав:

– Что колоть?

Нейтрализатор входил в стандартный комплект, правда, доз набралось с дюжину, но и этого хватило.

Круонцев становилось больше.

И смотрели они на Нерри как-то... не слишком добро. Он вернулся в угол и, согнувшись, сел, прячась от бывших пленников за коленями.

– Сколько вас здесь всего, болезный? – поинтересовался давешний рыжий, вытирая испачканную чем-то руку о ковер. – И на орбите, и вообще. Выкладывай что знаешь!

– Погоди...

Этот был явно старше, крупнее и держался так, что становилось ясно – он здесь хозяин.

– Да ладно, дом мы зачистили... здесь их немного было. И мне интересно, куда подевались остальные. Ты ведь расскажешь?

– И покажу, – пробурчал Нерри. – Если дадите профиль входа.

Даром, что ли, он полгода потратил, создавая червя.

Город был лабилен. Я не знаю, честно говоря, как они это реализовали, мудрейшие и древнейшие, ведь внешне город выглядел не то чтобы совсем уж обычно, но... камень есть камень. И от него сложно ждать гибкости, а поди ж ты... Стоило мне захотеть, и перед Нкрумой возникла лестница.

Так оно быстрее будет, а то в лабиринте внешних коридоров можно проплутать вечность. Столько времени у нас нет.

У него нет.

Если бы существо, чем-то похожее на Минотавра – та же уродливая бычья голова на могучем псевдочеловеческом торсе, – было одно, я бы просто раздавила его.

И подозреваю, что не только у меня возникло подобное желание.

Тварь не видела, в отличие от города, теней, которые шли по его следу.

Тварь желала знаний?

Власти?

Чего еще? Крови, пожалуй... А город был отчасти эмпатом, что и позволяло некогда сделать правильный выбор, но, с другой стороны, заставляло закрываться от тех, чьи мысли и эмоции были чересчур... агрессивны?

Ладно, главное – мне стоило лишь захотеть, и...

Я погладила теплую змеиную кожу. А гадюка, взобравшись мне на плечи – теперь ее вес не казался таким уж неподъемным, – возложила

голову мне на макушку. Что ж, каково царство, такова и корона.

– И что делать будем? – поинтересовалась я так просто, чтобы хоть с кем-то посоветоваться.

Город предлагал уничтожить.

Всех.

Безопасность хранилища превыше всего, а смерть отдельных особей не способна оказать критического влияния на развитие всей популяции.

Нет уж, мой жених мне нужен. Да и эту девочку, которую ведут на черном поводке, жаль.

Шшарх не является поводком. Это кристаллическая форма жизни, обладающая зачатками разума и огромными способностями к эмпатии...

Спасибо за справку.

Шшарх – идеальное оружие.

Он сам по себе ядовит.

А еще при должном умении им камни рубят... точнее, не только камни, но и металл, не говоря уже о живой плоти. Он привязан к хозяину, и... и этот конкретный истощен, поскольку существо, его обнаружившее, так и не разобралось в свойствах. Оно сумело разбудить шшарх, но не провело привязку, не накормило, и теперь шшарх вынужден поглощать ту пищу, которая доступна.

Это какую?

Кровь. Петля впилась в кожу, и пара кровавых дорожек засыхали на смуглой шее заложницы. Шшарх не смел брать много.

Интересно, а я смогу с ним побеседовать? Если подойдет ближе.

А яд он способен нейтрализовать?

Ближе.

Ближе, мать его, бандерлоги... вам и без того красную дорожку проложили.

Я оглянулась. Водяные стены давно рухнули, отрезая островок с сердцем хранилища от прочего мира. Э-э, нет, лодки им взять негде, а потому...

Когда очередная дверь открылась, повинувшись моему приказу – город был недоволен, но раз уж избрал, то пусть молчит и подчиняется, – я отступила за каменную стелу, благо их на островке обнаружилось аж с полдюжины.

Актуальненько, нечего сказать.

А теперь совершим чудо – и да расступятся воды, пропуская урода. Ну, не только его одного, но иначе рифмы не получалось, а без рифмы жить было грустно.

Воды расступились.
Но рогастенький не спешил ступать.
Да и пленницу держал крепко...
...Арагами-тари помнила песни.
Мир.

Сотворенный древними из песка и тлена, одаренный водой, которая скрыта где-то в глубинах, ибо любой дар надлежит хранить... Капли ее пробирались наверх, даруя жизнь.

И жизнь эта была многообразна.
Славьтесь же...
В коридорах было влажно.
Капли на стенах.
На камнях.

На белых панцирях скорпионов, которые спешили использовать влагу, собирая ее в пушистые коконы из нитей. Самки были малоподвижны, зато самцы сновали, торопясь собрать как можно больше драгоценной воды. Стая ухверток обосновалась на теле, поглощая мертвеца столь стремительно, что к вечеру от него костяк останется.

Если останется.
Неважно.
Песчаница замерла.
И улыбнулась.

– Свершилось, – сказала она, тряхнув копной косичек, и камни в них зазвенели.

Непорядок.

Но ведь охота почти окончена. Связь и ту восстановить удалось, благо мальчик позаботился разбудить дронов. Осталось переждать бурю и...

Нижние уровни не желали принимать гостей.

Их недовольство ощущалось кожей, и что-то глубоко внутри, древнее и, быть может, существовавшее еще вне поля создания разума, требовало подчиниться.

Уйти.

Что бы ни скрывалось в глубинах города Древних, оно не предназначалось для Арагами-тари. И в любом другом случае она подчинилась бы, ибо это было разумно, да и инстинкты никогда не подводили, но...

Вниз ушел ее мальчик.

И девочка, чье имя Арагами-тари, признаться, несколько запамятовала, но это вовсе не означало, что теперь род не нес ответственности за гостью.

И когда проход не исчез, она решительно переступила через низенький порожек. Древние или нет, но своего ребенка она не бросит. Почему-то Арагами-тари не удивилась, заметив, что и песчаница сунулась следом.

Песнь.

О сотворении мира и месте, которое из всех изберет достойнейшую, поставив ее над родом и хайраком, вверив в руки ее право прокладывать пути и вести всех к пескам изобильным. Ее чело и щеки украсит узор, знаменуя, что отныне нет в мире власти выше...

И доли тяжелее.

Арагами-тари потеряла виски, пытаясь справиться с нарастающей головной болью. И только легкий звон-перестук помог отогнать наваждение.

– Идем, – песчаница протянула руку.

А про них всякое говорили – что некогда, давным-давно, когда мир этот был иным, великая мать Харранай переступила через заветы предков, взяв мужа, и за то была изгнана в белые пески...

Ступеньки.

Влага на стенах.

Уже ручейки бегут-летят, собираются в лужицы, только вот странно, отчего эту лестницу не затопило вовсе? Лужицы – это иллюзия?

Нет, невозможно. Вода имеет свой запах. И нынешний говорит о камне и подземелье, о блеклых лишайниках, которые произрастают под потолком. Они сочны и в складках своих скрывают множество мелких существ, о которых здешний мир и не слышал.

Ниже.

Мягче.

Айварх уже не услышит. И надо бы поспешить, но почему-то силы уходят, и каждая ступенька становится препятствием. Почти непреодолимым.

Она сумеет.

Она не бросит сына одного, что бы там ни говорили.

Великая мать Харранай взяла своего мужа и новорожденную дочь, которую объявили проклятой, а еще младших сестер, не вошедших в возраст испытания. И мать, не пожелавшую, верно, вновь рисковать детьми...

Они ушли.

И пустыня приняла беглянок. Долгое время никто не слышал о них. Верно, полагали, что отступницы сгинут в песках. Ан нет, они появились много позже, когда мир уже начал меняться, но перемены эти не были еще

столь радикальны.

Идет.

И поющие камни вызванивают уже не мелодию, но историю. И странно, что песня эта понятна, как если бы рассказывали о прошлом обычным языком.

Арагами-тари видит.

Кибитки, запряженные легкими харралами... А считалось, что существ этих невозможно приручить, хотя попытки делались неоднократно. В неволе харралы чахли и теряли вес, а после и вовсе гибли. Здесь же дети играли у мозолистых ног, а иные, цепляясь за длинную шерсть, вовсе взбирались на спину.

Город на волокушах.

Это ведь легко, идти вслед за крилем, ибо они, мельчайшие из жителей песков, начинают великую дорогу жизни. Они, опускаясь к самому каменистому дну, собирают крохотные капли воды, а потом поднимают их выше, вплетаясь в тела иных существ.

Удивительно.

И странно.

Рассветные песни, гортанные, лишённые слов. И странные танцы, на которые собираются посмотреть песчаные гадюки. Их тела блестят, как и тела женщин, которые берут змей в руки, сажают на плечи и гладят, будто...

Смотреть без содрогания на такое не выходит.

А лестница все тянется и тянется.

Древний город.

Не этот, а Лалшшах, что находится на дне Красного каньона, – ныне его замели пески.

Потому что появились те, кому стало слишком интересно, что находится в глубине храма, куда дети Великой Матери спускались, дабы получить благословение и печать. Она расцветала на челе сложным рисунком, который никогда не повторялся. И в извивах линий был собственный смысл, и казалось, что если Арагами-тари постарается... самую малость постарается, то она поймет.

Что?

Это ведь так просто. Надо идти.

Ниже.

И еще ниже. Кровь пуста, поэтому тяжело. Но она ведь хочет добраться до дна, своими глазами увидеть то, что скрывается в каменной утробе запретного места? Хочет... Этого многие желали. Три сильных рода

объединились, решив, что их любопытство важнее каких-то там замшелых запретов.

Экспедиция.

И еще одна.

Они пробирались глубже и глубже, пользуясь тем, что город был беззащитен против детей своих. Он выстраивал лабиринты, заставляя плутать днями и неделями, он дразнил подземными ходами, которые, правда, открывались вовсе не в сокровищницах, а в песках...

Он терпел.

Сколько умел.

Но они принесли порох и взрывчатку, уверенные, что только так могут справиться. Что там, внизу, их ждут несметные богатства. Они были беспечны, и пустыня содрогнулась от взрыва, а древняя стена, как выяснилось, имеет свои пределы прочности. Пострадала лишь внешняя граница, но...

Она позвала бурю.

Мать Ильшаи, которая была совсем молода, а потому не вышла еще в мир, чтобы выбрать мужа. Она подняла руки и запела, и другие женщины, которые тоже хранили память, подхватили песнь. И пустыня откликнулась. Она всегда помогала своим детям.

Была буря.

Она продолжалась несколько дней и ночей. Сохранились ее описания.

Три рода не перестали существовать, отнюдь, просто...

Они стали не так сильны, как прежде. А вот песчаницы лишились храма, и это было плохо. Очень-очень плохо.

Последняя.

И дверь.

Всего-то и надо – приложить ладонь, и если город признает...

Ты уверена, что признает, о великая Арагами-тари, еще недавно полагавшая себя самой мудрой и прозорливой? Ты точно желаешь пересечь черту, после которой нельзя будет повернуть назад? Ты уже узнала многое, но...

Да.

Она еще слышала те колокольчики, что пели о дороге. О том, как мать Ильшаи тратила силы, чтобы провести свой народ безопасным путем. И как оказалось, мир изменился настолько, что пути стали чьей-то собственностью, и они, песчаницы, полагавшие себя независимыми, вынуждены были просить о помощи.

Им помогли. Но у всего есть своя цена.

Цивилизация... адаптация... пора забыть дикие обряды и те времена, когда шаррахов считали богами. Мир огромен и сложен, но не настолько, чтобы видеть в каждой песчинке проявление высшей воли.

Обряды сохранились.

Отчасти.

Легенды, что передавались из уст в уста, гортанные песни... и только девочек больше не возили к храму. Какой в этом смысл? Один засыпан, другой определенно мертв и вообще выстроен древней цивилизацией, которая к нынешней имеет весьма опосредованное отношение. В любом случае, слишком опасны подобные дороги для детей.

И взрослым там делать нечего.

Нет, многие все равно приходили...

И эта девочка явилась в дом Арагами-тари неспроста. Она вошла в возраст, который называют брачным, и, согласно древнему договору, заключенному с родом Гарахо, имела право выбрать себе мужа.

Старуха была недовольна.

В ее роду хватало сильных мужчин, а желание Илльяны посетить древний город – всего-навсего блажь, и вообще надо слушать старших, а то ишь...

Слушать.

Слышать. Многое изменилось, ибо в мир пришла новая Великая Мать, и значит, Илльяна недаром учила древние песни. Она споет.

Позже.

Арагами-тари положила руки на расписанную змеями дверь. И те повернули железные головы, зашипели, угрожая.

Нет.

Древность.

Тайны.

Плевать. У нее там ребенок умирает, поэтому...

Одна из змей впилась в запястье, и стало жарко. Очень-очень жарко.

Глава 35

Приближение бури чувствовалось остро. Как и то, что нынешняя будет не чета многим. Поэтому Гарджо поспешно отгонял нехорошие мысли.

Успеют.

Пятерки гравилетов хватит, чтобы вывезти всех.

А тяжелая промышленная платформа, которая стояла в полутора лигах севернее храма, прикроет, если понадобится. У платформы хорошие щиты, аккурат для таких случаев. И значит, надо лишь ждать.

Ждать Гарджо не любил.

Умел, конечно, но вся его суть требовала бросить дом и отправиться в пустыню.

Матушка точно не одобрила бы. Да и отец, когда вернется, по шерсти не погладит, скорее хвост оторвет с усами в придачу. Долг, мать его.

Обязанности.

И две сотни полупарализованных гостей, которых надо бы разместить более-менее комфортно. Хотя вряд ли в этом имеется смысл, если они все равно в отключке? Может, пусть лучше лежат как лежится...

– Успеешь, – отец опустил на пол.

Двигался он медленно, тяжело, стало быть, противоядие, хоть и подействовало, но все равно не избавило от последствий.

Голову бы оторвать той сволочи, которая...

Какой-то он и оторвал. Несколько поторопился, конечно, но тут уж ярость требовала выхода. И вообще, Гарджо молодой, гормонально нестабильный.

Ему позволительно.

– Что успею? – Гарджо нервно щелкнул хвостом.

Буря приближалась. О ней предупреждало небо, ставшее плотным, тяжелым, будто там, в верхних слоях атмосферы, подняли свинцовые щиты, укрывая солнце и звезды от гнева пустыни.

– Все успеешь. И повоевать, и по пескам побегать... – отец медленно сжал руку.

– Как ты можешь быть таким спокойным? – не удержался и взлетел на подоконник, ненароком столкнув тяжелую матушкину вазу.

На пиратов свалит.

Им уже все равно, а ему матушка, узнай она правду, вазу долго вспоминать будет. А он ведь не специально!

– Никак, – отец медленно наклонил голову вправо.

И влево.

Захрустели кости.

– Я тоже не отказался бы от охоты, но на нас дом. И те, кто доверил себя этому дому. Сейчас мы должны помочь им.

Вопрос: как?

Если их и собирались привести в сознание, то определенно не здесь. Транквилизаторы были хороши, это Гарджо на собственной шкуре испытал. Премерзкое ощущение, когда сознание почти ясно и ты прекрасно осознаешь, что с тобой происходит, но не в состоянии и глазом моргнуть.

Нет, они отойдут.

Когда-нибудь – всенепременно, ибо любое лекарство метаболизируется, но...

– И что делать? – Гарджо поерзал, отрешаясь от далекого голоса ветра, который приглашал поиграть старого приятеля. У ветра таких множество, но с некоторыми играть ведь интересней, чем с другими.

Гарджо ветер любил.

Это весело – носиться за теньями или вот ловить когтями песчаные вихри, разбираться в запахах...

Детям положено играть.

– Для начала – спуститься в лабораторию. Надеюсь, ее не разгромили окончательно.

– А...

– Мы сделали, что должны были сделать.

Рука отца легла на плечо.

Прости, ветер, но время игр прошло. Быть может, в следующий раз? Когда здесь не станет чужаков и Гарджо сможет вернуться к себе прежнему, он с удовольствием поиграет в догонялки с бурей, а пока...

Есть лаборатория.

И две дозы измененного нейтрализатора. Кто-то хорошо поработал над препаратом, если стандартный не действует.

Есть кровь с исходным седативным.

Есть оборудование.

И голова.

А еще отец, которому, кажется, было не слишком хорошо, но он старательно не подавал вида. И другие, остававшиеся парализованными.

И тот мальчишка-пират, спрятавшийся в углу. Кажется, он ждал, когда его убьют.

Кто ж разбрасывается такими талантами?

– Иди, – отец подтолкнул Гарджо к двери. – И сделай что должно.
И да пребудут с ними всеми Древние.

В первое мгновение Нкрума списал все на действие яда, ибо увиденное было невозможно.

Дверь.

И пещера, наполненная водой. Та поднималась темной стеклянной стеной, которую удерживало невидимое поле.

– Сюрприз! – заржал айварх, и голос его заставил водяную стену покачнуться. А в следующее мгновение она раскололась, образуя проход. Стены медленно расползались, оставляя на полу блестящие лужицы, но и те, живые, будто из ртути сделанные, спешили слиться с материнской стихией.

Невозможно.

И все-таки...

В ушах звенит, и непонятно, то ли это стены местные, то ли яд действовать начинает. А он начинает, он замедлил сердце, и, кажется, переворот сделался невозможен.

Зверем Нкрума протянул бы дольше, то обличье менее уязвимо, в том числе и для отравы.

Ничего.

Справится.

Лишь бы девочку отпустил, а там...

Айварх не спешил ступать. Он стоял, смотрел на проход, на стены, явно раздумывая, не сомкнутся ли те, ломая кости и раздирая плоть.

Вода – опасная стихия.

Но где-то вдалеке тускло светились камни, манили близостью соковок, и он решился.

Айварх толкнул девицу вперед.

– А ты сзади давай... только учти, вздумаешь дурить, я ей голову оторву.

Вода закачалась, а звон сделался ярче, четче.

Раз и два... если считать лужи и не смотреть по сторонам.

Три и четыре. Утонуть в пустыне – что может быть нелепей? Впрочем, в смерти в принципе нет особого смысла.

Пять и шесть.

Система должна позаботиться об Агнии.

Семь и восемь.

И не только система.

Вода хлопает, обнимает ноги, пропитывая комбез, который поглощает

доступную влагу с превеликим удовольствием. И пленка его становится плотнее.

Ярче.

Жаль, от яда не избавит.

В лаборатории был бы шанс, а здесь, под землей явно гемолитической природы, нейролептики действуют иначе. Что происходит с кровью? Кровяные тельца разрушаются?

Дышать тяжело.

И теперь приходится часто останавливаться. Пора что-то делать, но что? В водяном зеркале отражается потерянная тень, будто хочет подсказать.

Если он ослабит хватку...

Остров вынырнул из темноты. Был он невелик и покоился на четырех резных столбах, в которых Нкруме привиделось нечто змеиное.

Наверх вела узкая лестница.

Ступеньки высокие.

И перила проектом не предусмотрены. Вдвоем подняться вряд ли выйдет. И айварх застывает, явно задумавшись. Ему не хочется выпускать заложницу, и все же...

Падать высоко.

У айвархов крепкие кости, а этот еще и в защитном комбезе, но сама мысль о падении неприятна. Он все-таки решается, отталкивает девочку, но, прежде чем Нкрума успевает шелохнуться, черная плоть взлетает и впивается в шею.

Больно.

Боль всепоглощающая. Оглушающая. Невыносима.

Боль родилась вместе с этим миром и собиралась уйти с ним же, прихватив с собой Нкруму.

– Думал, самый умный? – Голос этот доносился сквозь звенящую стену боли.

Кажется, Нкруму перевернули на спину.

И от души пнули по ребрам.

И наступили сапогом на горло.

– Я мог бы вскрыть тебе глотку, – доверительно произнес айварх. – Но тогда ты умрешь быстро, а это неинтересно. Поэтому просто лежи, подумай.

Черная лента хлыста скользнула на грудь, свернулась змеей. Добраться бы...

Но сил не хватает.

Ушли, как вода сквозь песок.

И вода... Она здесь. Целое озеро воды или даже море... Он был прав, он действительно слышал этот звук. Надо бы сказать Гарджо, который лишь смеялся и говорил, что галлюцинации в Древнем городе – явление обычное.

Вставать.

Не получится. Кости стали мягкими...

Я смотрела, как он карабкается, и пыталась удержать в себе ярость. Она красная и яркая, этакое маленькое солнце в груди, на которое отзывается буря. И пусть та еще далека, но...

Я смотрела.

Ждала.

Я знала, что мне делать, но этот уродец был еще так далек... И наверное, можно было поднять волну, сбить его с сотворенной мною же лестницы, а потом просто позволить водяным змеям, что обитали на дне пещеры, хороший обед.

Им здесь редко перепадают подобные.

Но я ждала.

И змеи.

Они уже зашевелились, выползли из илистых нор. Своим расслоившимся восприятием я видела длинные темные тела, изредка украшенные светящимися пятнышками. Змеи умели привлекать добычу, а здесь, глубоко под землей, не было ничего привлекательней света.

Я умею ждать.

Я зову их, детей своих, и моя собственная хранительница начинает покачиваться, отзываясь на внутренний голос.

Слышит.

И мне приходится успокаивать ее прикосновением.

А этот... он чувствует близость цели и спешит, он перескакивает со ступеньки на ступеньку, порой нелепо взмахивая руками. И змеи следят за ним из-под воды. Они слепы на самом-то деле, но все равно видят мир кожей. Темная, гладкая, она усыпана мириадами магниточувствительных клеток, и я не хочу представлять, каков мир их глазами.

Лишние знания, как говорится... Хватит того, что я чувствую их нетерпение. Стоит, пожалуй, порадоваться, что змеи не способны покинуть водяную клетку.

Этот почти уже на вершине.

Интересно, что он рассчитывает здесь обнаружить?

Грудю золота?

Драгоценные камни?

Или сверхоружие с прилагающейся инструкцией по эксплуатации?
Выводок кристаллов с тайнами Древних, а заодно уж устройство, которое эти кристаллы прочтет?

Переведет.

Адаптирует к реалиям современного мира.

Я наблюдаю.

И... ждала.

Я коснулась змеи, которая поняла меня без слов. Тяжелое тело ее скатилось с плеч и скользнуло вниз, туда, где умирал дорогой мне человек.

Не человек, но это уже такие мелочи, право слово.

Он не умрет.

Не здесь.

Я ведь хранительница и почти богиня. Я властвую над песками и водами, и силой, данной мне Древними... и я не позволю!

Вот возьму и не позволю.

Змеи молчали. Наверное, я им казалась такой нелепой в своих метаниях. А этот достиг-таки вершины и застыл. Я чувствовала его недоумение.

Разочарование.

Ярость.

Хорошо.

Я сделала глубокий вдох и подняла воду, вытянула, такую податливую и в то же время крепкую. Я сплела петлю, которую и накинула на шею уроду. А теперь рывок – и добро пожаловать в древние подземелья. Здесь много интересного... водится.

Боль не уходила.

Она сосредоточилась под главным сердцем, захлестнув его пылающей петлей. И оставшиеся работали на пределе.

За пределом.

Скоро откажут. А с ними и легкие. Смерть неприятна, но...

Черная петля на груди шелохнулась.

До того она лежала смирно, и Нкрума лишь остро ощущал ее, такую легкую и в то же время неподъемную. Ему удалось поднять руку.

И накрыть плеть.

Потянуть.

Сделать вдох. И выдох. И еще один вдох. Сдвинуть рукоять на полволоска, и то сил на это ушло изрядно. Кто-то закричал, голос не женский, и то хорошо.

А ведь Нкрума оказался прав.

Здесь есть вода.

Много воды.

Он слышит всплеск, и брызги веером ложатся на лицо. И так хорошо, очень хорошо... закрыть бы глаза и расслабиться.

Нет.

Если он поддастся, то умрет. А ему никак нельзя умирать, он должен сказать Агнии...

Плеть вдруг шелохнулась под рукой, а потом обвила запястье, сжала.

Она голодна.

Так голодна.

Плохо.

Не кормил.

Не гладил.

Не заботился. Бил... Структура повреждена, и если ей не позволят питаться, повреждения станут необратимы.

Позволит.

Чем кормят черные плети? Кровью? Что ж, логично. Пускай себе... Нкруме не жалко, только вот кровь эта отравлена. Она не боится?

Что такое страх?

Сложное понятие.

Умереть.

Яд.

Плеть знает, что такое яд?

Похоже, мозг тоже пострадал. Гипоксия? Действие яда? Или и то, и другое? Но галлюцинации на диво яркие.

Знает.

Она способна синтезировать сложные белковые соединения, которые оказывают подавляющее действие на...

Травить.

Не только. Погрузить в сон. Обезболить.

Обезболить – это хорошо, это не помешало бы.

Быть может, лучше антидот?

Картинки в голове возникали странные, но на удивление понятные. И мозг сам интерпретировал их, создавая иллюзию беседы. А кровь таки пошла горлом, и черная плеть развернулась, собирая капли.

Пускай.

Антидот не помешал бы. Это всего-навсего иллюзия, но почему бы и нет? Хотя бы среди иллюзий Нкрума может получить шанс.

Он его не упустит.

Стало жарче.

А потом холоднее. А потом его согнуло, тело крутило и выворачивало, и кажется, его вырвало темными сгустками крови. И второе сердце оборвалось, а первое заработало, пусть и с перебоями, но хоть как-то... голова кружилась, и в этой круговерти перед Нкрумой появилось такое знакомое лицо.

Правильно.

Он ведь не успел сказать.

Показать.

Ничего не успел, бестолочь хвостатая...

А ведь есть каньон.

И скала.

И солнце, которое медленно поднимается из песков. Тени бегут от него, рисуя удивительнейшие картины на желто-белых барханах.

Свет.

Тьма.

И все оттенки серого.

Звон льда, который ломается, не выдержав столкновения с солнцем... и хрупкая зелень утренних пересмешников, что появляются на трещинах, жадно собирая капли росы. Их бледные листья, покрытые беловатым ворсом, кривятся, сворачиваются в трубки и разворачиваются, издавая при этом звуки, похожие на смех.

Плач.

И плакать не надо, пересмешники не умеют.

Это неправильно.

Как и то, что Нкрума не успел.

Бестолочь.

Верно.

Но когда сердце остановилось, чья-то горячая рука легла на грудь и приказала ему биться. И это тоже было не по закону, но сердце подчинилось.

– Только попробуй мне умереть, – сказали ему. – Из-под земли достану...

Нкрума поверил.

И подчинился.

С женщинами лучше не спорить.

Я видела этот мир с изнанки, но мир не был мне нужен. Какой в нем смысл, если я не способна помочь одному-единственному человеку. Рядом

с ним, прижав ладони к щекам, сидела та самая девочка. Сидела и раскачивалась, пела на редкость заунывную песню, полагая, из тех, которыми героев принято в последний путь проводить.

Нет уж.

Не дождетесь.

Черная кристаллическая плеть, свернувшаяся змеей на груди, проплавила кожу. И я видела тонкие жгутики ворсинок, которые пробили эпителий, углубившись в тело. Я видела, как они дотянулись до сердца и пронзили его, не позволяя замереть. Как вошли в легкие. В нервные узлы.

Это было неприятно.

Страшно.

И необходимо. Я лишь молилась, чтобы у существа этого, оставшегося последним, потерянного и растерянного – его я не могла винить за произошедшее, – хватило сил. А если не хватит...

– Отойди, – велела я девочке, и та подчинилась.

Я же опустилась на влажный камень и, проведя пальцами по холодному лбу того, кто сейчас, как никогда, походил на человека, попросила:

– Только попробуй мне умереть, – и добавила, не зная, что еще сказать: – Из-под земли достану.

Он лежал с открытыми глазами, но видел ли? Зрачки замерли. Радужка расплылась... золотая... И вовсе он не страшный, мой жених, который...

Не умрет.

Я накрыла ладонью создание, которое старательно фильтровало кровь, оставляя в кристаллическом теле своем отраву. Но оно было слишком слабо.

Мало.

Да и принялось за работу с опозданием: яд не только распространился по крови, но успел преобразоваться и принести немалый вред. Органы отказывают один за другим. И мы не справляемся.

Должны.

Я ведь... я ведь так много знаю теперь.

И сила...

Я не верю в магию, но наука от нее мало отличается, так должно же быть хоть что-то... Я требую... я...

Я хлопнула по земле ладонью.

Вода первородная, колыбель жизни, чтоб ее...

Я потянула тонкие нити, выплетая из них нечто, напоминающее кокон. Или это не я, но то, что стало частью меня. Я ведь, та, которая человек,

даже не полностью осознавала, что именно происходит.

Быстро.

И еще быстрее.

Водяной пузырь опал, охватывая тело Нкрумы плотной пленкой. Не захлебнулся бы...

Я знаю, что делаю.

Почти.

Вода к воде... первичная структура... изменчива и в то же время постоянна памятью своей... способна заменить, изменить...

Я взялась за голову, пытаюсь как-то структурировать мысли, но... Не отвлекаться, если хочу, чтобы он жил. Я ведь не я, но это место вполне способно создать дубля, генетического двойника, который до последней треклятой клетки повторит Нкруму...

Это будет всего-навсего двойник.

Мне же не дубль нужен.

Мне...

Вода понимала. Слышала.

Приняла.

Ждать.

Кто бы знал, до чего это непростое дело – ждать.

– Все будет хорошо, – сказала я девочке, которая все никак не замолкала. – Только не надо больше петь. Пожалуйста. Прости, но это слишком мрачно.

Она замолчала.

Уставилась на меня со... страхом? Отнюдь...

– Что здесь происходит? – спросили меня. И я не удивилась, обнаружив Арагами-тари. Моя свекровь выглядела несколько потрепанной, но довольно-таки бодрой, что, вспоминая о некоторых виденных мной моментах, заставляет ее уважать.

– Я сама мало что понимаю, – сказала я и опустилась на камни. – Садитесь, придется ждать. Честно говоря, не представляю сколько, но у него получится. У нас... у этого места... Вода способна на многое.

– Агния?

Удивление.

И... восхищение?

Вместе с тем ужас... Неужели я стала такой страшной? Или дело не во мне? А в чем тогда? Я провела пальцами по лицу, но все равно не поняла, насколько оно изменилось.

– Это все он, – я ткнула пальцем в остров. – И Древние ваши.

Наворотили дел...

– Древние, стало быть.

Арагами-тари все-таки присела и, поманив к себе девочку, обняла ее.

– Как ты?

А та расплакалась. Да уж, Агния, с детьми ты ладить не умеешь. И надо бы что-то сделать, сказать, но я молчала. И они молчали. Долго, наверное, быть может, даже целую вечность. А потом водяной пузырь лопнул, выплевывая мокрого и несколько пожеванного жениха.

Живого.

Мать его, живого.

Правда, не буду врать, что здорового.

Глава 36

Потом было...

Много чего было.

Мы возвращались. Мы бежали, спеша убратся из города до бури, которую я держала, но она, рожденная моей же волей, рвалась с привязи. Я слышала грохот песчаных крыл, и не только я. К счастью, мне не нужно было объяснять, почему пересидеть эту бурю в городе не выйдет.

Хоть бы поместье уцелело...

Нас ждали.

Наверное, это было еще одним чудом, но, завидев серебристую каплю гравилета, я разрыдалась. А старший братец моего жениха мрачно сказал:

– Долго копаетесь. Остальные уже ушли.

И говорил, как понимаю, вовсе не о пиратах.

Полет.

Вверх и вниз. В стороны, пробираясь меж покрывалами ветра. Удары, от которых корпус гравилета начинал мелко вибрировать. Шелестящий звук, заставлявший думать, что корпус этот выдержит недолго, что вот сейчас буря изловчится и захватит его.

Поиграет и разломает на части.

Вытряхнет нас в пески и заметет.

Я уговаривала ее, я шептала и просила пропустить, она ведь должна меня слушать. Она... она вышла из-под контроля машин и теперь существовала сама по себе, а договариваться со стихией – занятие бесполезное.

Но мы добрались.

Не знаю, чудом ли, молитвами или нечеловеческим нашим везением, но стоило гравилету опуститься – и над поместьем поднялся мыльный пузырь силового поля. А братец Нкрумы – надо будет узнать, как его зовут, а то напрочь из головы вылетело – рявкнул:

– Скорее, щитов надолго не хватит...

Мы успели добежать до дома.

И закрыть двери.

Окна.

Буря разозлилась. И внутри было слышно, как она там мечется, пытаюсь добраться до существ, которые возомнили себя хозяевами мира.

Наивные.

И мне было страшно, пожалуй, как никогда прежде. А Нкрума, словно ощутив этот страх, обнял меня и тихо произнес:

– Дом выдержит, он видел не одну сотню бурь.

Арагами-тари же, взглянув на нас, вздохнула. И почему-то в этом вздохе мне послышалась печаль, хотя, если подумать, самое время радоваться, верно? Все ведь живы.

Целы.

Пираты побеждены. Вода обнаружена. Тайны Древних открыты если не полностью, то почти... А она печалится.

Буря продолжалась семь дней.

И не скажу, что это были лучшие семь дней в моей жизни.

– Дорогая, как ты себя чувствуешь? – Арагами-тари в костюме из кораллового шелка выглядела очаровательной и почти беззащитной. Хрупкая чашечка в руках.

Коготки блестят свежим маникюром.

Перстенечки на пальцах.

Благообразная дама... и не скажешь, что при случае голову оторвет и раскаиваться не станет.

– Видишь ли, конечно, мы все бесконечно рады, что у мира появилась хранительница...

Ага, радость так и брызжет, особенно у некоторых, не слишком веривших в эту сказку. Нет, все держатся вежливо, но...

Да, я выгляжу странно.

Не бывает круонцев рыжей масти. Меня уже просветили и присоветовали хорошую краску для волос, а заодно и салон, в котором кожу затонируют, а то чересчур уж смугла стала.

Неприлично.

И непривычно. Я до сих пор вздрагиваю, увидев свое отражение в зеркале. Не то чтобы перемены так уж кардинальны, но человеческого во мне оказалось куда больше, чем местного.

Узкое лицо.

Глаза раскосые, кошачьи. Широкая переносица. И рот немаленький, но смотрится в целом гармонично.

Но это все равно не я.

Не совсем я.

Или совсем не я? Первые дни я пыталась разобрать это лицо по черточкам, закрывая то нос, то глаз, то уши, понять, где же в нем заканчивается человек и начинается... собственно, как называется то, кем я стала?

Понятия не имею.

И не имея, предпочитаю не покидать собственных покоев, благо здесь есть все, что мне нужно. А буря... буря мглою, как говорится... странно смотреть в окно, за которым желто-красная стена. Можно, конечно, включить голограмму, но я не хочу.

– Спасибо, замечательно, – я тоже пью местный чай, который и не чай вовсе, а отвар из трав, однако цвет он имеет темный, насыщенный. Вкус – мягкий, с кофейными оттенками.

Привыкаю.

Почти привыкла.

Я уже понимаю, что этот мир мне не позволено будет покинуть. Кто ж отпустит хранительницу, которую все ждали тысячи лет? Сомневаюсь, что с нетерпением, но раз уж дождались...

Полагаю, местные власти сейчас здорово ломают головы, не зная, что именно со мною делать.

Скрыли бы... наверное.

У нас на Земле, объявись мессия, нашли бы способ его упрятать. Кому охота делиться властью? А здесь есть Арагами-тари и та девушка с бубенчиками в косах, которая сказала мне, что мир живет...

И ее мать, появившаяся на второй день после бури.

Она заглянула мне в глаза.

Коснулась пальцами щек и сказала:

– Никого не слушай.

А я кивнула, еще не понимая, во что вляпалась.

– Я хотела поговорить с тобой о моем сыне.

Пузырчатка раскинула полупрозрачные лепестки-иглы, на каждой блестела капля сока, приманивая глупых мух и не таких глупых ос, полагавших, что если очень осторожно, то получится слизать каплю, не задев тревожные волоски.

Иногда и вправду получалось.

Тогда пузырчатка наливалась красным, выдававшим злость.

И покачивалась.

И шевелила иглами...

– Я, безусловно, рада, что у вас получилось найти общий язык...

Первый день.

И я на цыпочках крадусь по коридору, точно зная, куда идти. Дом слушает меня, как и пустыня, как и весь этот мир.

И сталкиваюсь с ним нос к носу.

Нкрума прижимает палец к губам.

Потом мы сидим на чердаке и слушаем ветер. Буря поет о том, что где-то далеко в предгорьях очнулся старый храм, он готов выйти из песков и принять тех, кому захочется переступить древний порог.

О воде, сокрытой в хранилищах.

Об акведуках, которые я могу наполнить этой водой.

О том, что мир изменить довольно просто, главное, все точно рассчитать: в хранилищах есть примерные алгоритмы, но...

Я не хочу.

Этот мир хорош таким, каков есть.

Мы говорим, и буря замолкает, прислушиваясь. Почему-то, оказывается, нам есть что рассказать друг другу, пусть истории эти не то чтобы пусты, скорее уж просты.

Зачем ему знать о моей турфирме?

Или вот о бабушке?

О маме, которая, надеюсь, составила-таки свое личное счастье из осколков разбитых сердец... А Нкрума говорил об академии и мирах, где ему довелось побывать.

Их сотни.

И тысячи.

Есть обычные – для него и для жителей Лиги, конечно. Есть даже не миры – их конгломераты, объединенные тоннелями, связанные воедино столь плотно, что переход из мира в мир не ощущается. Другие, предпочитавшие существовать вне техносферы. Третьи, столь отличные от всех, что само их существование удивляло.

Поражало.

Я говорила о Париже и Вене.

Он – о техногородах, башни которых поднимались выше пелены атмосферы, хрупких звездных мостах, планетах-космодромах и лунах, где строили верфи, о военных базах и базах туристических.

О мире, созданном искусственно в эпоху Большого расселения и ныне существовавшего благодаря ретроградам, которые полагали, будто их уклад жизни был единственно правильным.

Мы встретились и на следующую ночь.

И еще через одну.

На чердаке появился живой плед, который норовил подняться, поползти до руки и подобрать пару-тройку крошек. Мы пили и чай, и просто воду. Ели сухой хлеб.

И говорили.

Боги, я никогда и ни с кем столько не разговаривала. Но как-то

получалось, что... все было правильно?

Единственно возможно?

А в ночь, когда буря улеглась, Нкрума отключил защиту дома.

Я помню стену песка, из которой торчала лишь серебристая башня маяка. И гравилет, у этой башни застывший.

– Я хочу тебе кое-что показать, – сказал Нкрума, протянув руку, и я шагнула.

Босой ногой на песок.

И запоздало вспомнила, что в этом песке может водиться... и даже немного испугалась, а потом сообразила, что мне не причинят вреда.

Полет.

Ночь из бархата и звезды слюдяные. Чужая луна отливает краснотой, но этот оттенок не пугает, скорее уж он вполне гармонично вписывается в местную цветовую гамму.

Стены каньона.

И игловидная скала, на вершине которой обнаружилась площадка.

Мы сидели.

Ждали рассвет.

Я видела, как в песках рождалось солнце, как медленно выползало оно из раскаленной домны, полыхая всеми оттенками алого. И пустыня проседала под тяжестью его.

Я слышала, как бьется сердце Нкрумы.

И мое тоже.

И музыка их сплеталась воедино гимном грядущему дню.

Он задал вопрос.

Я ответила.

Будто возможны варианты.

Мы вернулись к обеду.

И вот теперь моя свекровь, нельзя сказать, что вовсе избегавшая меня все эти дни, но всяко не горевшая желанием пообщаться, предложила испить чаю.

И побеседовать.

– А что не так? – я шкурой чувствовала подвох. Вообще, шкура эта, довольно-таки прочная и способная выдержать самый злой полуденный свет, оказалась весьма чувствительна к косым взглядам.

– Видишь ли, деточка... – Арагами-тари провела пальцем по краю блюдечка. – Все немного... изменилось.

В чем же?

Они ведь готовы были принять в род безвестную девочку с окраины

Вселенной лишь потому, что по какой-то безумной прихоти судьбы она соответствовала списку требований.

А теперь я хранительница.

Это ведь не просто так, верно? Это ведь большая честь и все такое, насколько я сумела разобраться в местных суевериях. И бури вот запускать могу. Бури, как выяснилось, у меня получаются на редкость качественные.

– Я, конечно, полагаю это глупостью несусветной, но вынуждена признать, что обычай до сих пор легитимен... – Ложечка легла на салфетку, которая радостно впитала остатки влаги. – И честно говоря, не представляю, как разрешить эту дилемму... Видишь ли, хранительница не может взять себе мужа.

Что-то такое было.

Конечно.

Змей вот помню.

И еще бубны. Пляски под луной. Червей, которым скармливали пленников.

Интересно, а этот обычай у них легитимен или как?

– Исторически сложилось, что хранительницы становились как бы...

– Чушь, – я позволила себе перебить Арагами-тари.

– Согласна, но Совет настроен категорически. Впервые за несколько тысяч лет появилась хранительница, и мы обязаны сделать все...

– Чтобы она не отъявилась.

Угрожать нехорошо, особенно женщинам мудрым и пожилым, точно знающим, что и как для меня будет лучше.

Но подозреваю, проблема вовсе не в моем замужестве.

И не в статусе.

– Мне не нужна власть. Я не полезу в Совет. Не стану диктовать им, как жить. Честно говоря, мне глубоко плевать, что у вас там творится. Мы договоримся. Они там примут закон, или утвердят обычай, или найдут исторический прецедент, не суть важно – и мы разойдемся довольные друг другом. Если нет... я сделаю так, как считаю нужным, а они пусть сами думают, как из этого выпутаться.

Арагами-тари улыбалась.

Что ж, кажется, она несколько лукавила, когда говорила, что не представляет, как поступить.

– Мне, в конце концов, личное счастье было обещано, – проворчала я и добавила: – С гарантией...

Эпилог

Свадьба все-таки была.

В каньоне.

Бело-зеленые стены и алый песок. Солнце. Рассвет. Ветер и хрупкие стеклянные цветы, которые появились на камне, стоило мне их позвать. Полупрозрачные их лепестки преломляли свет.

Бледно-голубой.

Платформа.

И вода, которая льется на руки древним обычаем. Трансляция ведется в Сеть, вызывая огромный резонанс.

Являюсь ли я в самом деле хранительницей...

Законен ли этот брак...

Древние...

Обычаи предков...

Изгнать нас? А куда? Ведь мир давным-давно освоен и поделен, а выпускать за пределы планеты крайне неразумно.

Интернет везде Интернет.

Розовый.

Камни в тиаре. Камни в ладонях. Камни на песке – еще один обычай... Нельзя брать, не отдавая взамен. И пески заносят драгоценные друзы соли, которая привлечет сюда криль и всех, кто идет за ним.

Меня предлагают запереть в храме.

Или исследовать.

Обязать передать все полученные знания Совету, и вообще...

Зеленый.

Вода льется на песок, и тот на глазах покрывается бледно-зеленой пленкой водорослей, которые спали годами, чтобы поймать краткие мгновенья дождя.

Это красиво.

Совет по-прежнему недоволен, хотя и издал резолюцию. А вот мой насекомообразный свях стоит рядом, зачитывая пункты договора. Правда, его никто не слушает, но это мелочи.

Кто-то мечтает о море.

Кто-то – о карьере.

Пускай.

А нас ждет собственный дом, который вырос рядом с Древним

городом. Это оказалось несложно, всего-то пожелать – и...

За домом вереница палаток.

Репортеры.

И просто любопытствующие. Паломники, которым срочно требовалось благословение и желательно какое-нибудь чудо личного пользования.

Песчаницы, взявшие дом в кольцо.

– Так правильно, – сказала мне старуха, в чьих волосах виднелись серебряные колечки. – И да откроются врата...

Они пели рассветную песнь.

И у меня возникало острое желание вырастить еще один дом, где-нибудь во глубине песков.

Золотой.

Золото появляется, когда солнце доходит до края скал. Оно проступает на камнях этакой изморозью, и я знаю, что это не золото вовсе, но вкрапления редкоземельных элементов, разработку которых Совет собирается начать уже двадцать лет как, но все не соберется, поскольку каньон – исторический памятник, и вообще...

Они ждут одобрения.

И поддержки.

И того, что теперь я стану этакой куклой, которую можно будет показывать народу.

Пускай.

Я повернулась к тому, кого теперь могла назвать своим мужем. Я знаю, что все будет непросто, что однажды мне захочется убежать. Не от него, а от этого мира, который, кажется, ждет от меня подвигов, не понимая, что я всего-навсего наблюдатель.

Я не знаю, справлюсь ли.

С миром.

С Советом.

С обществом, столь разительно отличающимся от привычного мне. С собой и своими новыми способностями, со всеми этими чужими ожиданиями.

Не знаю и не хочу даже думать, что будет, если...

Его пальцы осторожно сжали мою ладонь.

Я не одна.

У меня есть муж, брачный договор и личное счастье с гарантией.